

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ПЕРМСКИЙ КНИГОЕД»

«ХОТЬ ПЕРМЯКОМ Я НЕ РОДИЛСЯ...»

СБОРНИК,
ПОСВЯЩЁННЫЙ ПАМЯТИ
ИСТОРИКА-АРХИВИСТА
ЛЕОНА СЕРГЕЕВИЧА КАШИХИНА
(1932-1997)

2023

Пермь, 2023

Издательский проект «Пермский книгоед»

«Хоть пермяком я не родился...»

Сборник, посвящённый памяти историка-архивиста
Леона Сергеевича Кашихина
(1932-1997)

Пермь - 2023

ББК 63. 3(2)
УДК 908
X 85

Рецензенты:

*кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела новой истории России
Санкт-Петербургского института истории РАН*

М. В. Друзин;

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ-Пермь*

А. С. Кимерлинг;

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований
Пермского государственного национального
исследовательского университета*

Л. А. Обухов

«Хоть пермяком я не родился...»: Сборник, посвящённый памяти историка-архивиста Леона Сергеевича Кашихина (1932-1997) / сост.: А. П. Зиновьев, В. С. Колбас. – Пермь, 2023. – 218 с., с илл.

Четвёртый сборник, посвящённый памяти историка-архивиста Л. С. Кашихина, состоит из семи разделов: «Л. С. Кашихин: из творческого наследия», «Документ с архивной полки», «У него было имя – Леон Кашихин», «Историческая мозаика», «Книги, библиотеки, библиотекари», «Рецензии и отзывы», «Публикации». В книге опубликованы как ранее изданные работы Л. С. Кашихина, так и статьи из его архивного наследия, а также исследования современных историков и краеведов.

Книга рассчитана на специалистов по истории нашего Отечества и на широкий круг читателей, интересующихся родниноведением.

ISBN 978-5-6049594-3-5

© А. П. Зиновьев, В. С. Колбас, составление, 2023
© Коллектив авторов, 2023

Права ли русская пословица?

Часто для подтверждения правильности и значимости своего высказывания, для эмоционального усиления своего аргумента люди ссылаются на народные пословицы и поговорки. В частности, на эту: «Где родился, там и пригодился». Но всегда ли права русская пословица? Не всегда. Пример тому – жизнь Леона Сергеевича Кашихина.

Известно, родился Л. С. Кашихин не в Перми. Местом его рождения является Ленинская ферма совхоза «Приволье» Маслянского района Уральской области, позже совхоз «Ленинский» Абатского района Тюменской области. В детстве и юности Л. С. Кашихину пришлось в силу разных обстоятельств поколесить по стране, пока в достаточно зрелом возрасте он не обосновался в Перми, где в полной мере раскрылся его творческий потенциал и как архивиста, и как историка-краеведа. Об этом подробно написано в выпущенных ранее трёх сборниках, ему посвящённых:

- Наш Леон: Сб. док-тов и мат-лов, посвящённых памяти Кашихина Леона Сергеевича. – Пермь, 1998. – 100 экз.;
- Историк-архивист Леон Кашихин: Штрихи к портрету: Сб. док-тов и мат-лов / Сост.: А. П. Зиновьев, В. С. Колбас. – Пермь, 2018. – 50 экз.;
- «Вот так и надо! Вот так и надо любить Урал!»: Сборник, посвящённый памяти историка-архивиста Леона Сергеевича Кашихина (1932-1997) / Сост.: А. П. Зиновьев, В. С. Колбас. – Пермь, 2021. – 100 экз.

Этот сборник – четвёртый. География авторов достаточно широка: в нём приняли участие историки, архивисты и краеведы города Перми и посёлка Суксун Пермского края, города Азова Ростовской области, города Кулебаки и посёлка Спасское Нижегородской области и города Казани – столицы Республики Татарстан. Им наша искренняя благодарность и пожелание дальнейших творческих успехов на ниве истории и родинovedения.

В конце тех статей, которые вошли в сборник, но ранее уже издавались, указаны источники первых публикаций, а у вводимых в научный оборот архивных документов – места их хранения / нахождения.

Сборник «Хоть пермяком я не родился...» состоит из семи разделов.

В первый раздел – «Л. С. Кашихин: из творческого наследия» – вошли как неопубликованные, отложившиеся в его личном фонде, хранящемся в архиве историка В. С. Колбаса, так и ранее публиковавшиеся в различных изданиях статьи Л. С. Кашихина о людях с трудной и интересной судьбой: революционерах, отце и сыне Витте – Фердинанде Васильевиче (? - 1909) и Иване Фердинандовиче (1883-1919) и профессоре Пермского, а потом Ленинградского университетов Василии Васильевиче Гиппиусе (1890-1942). В этот же раздел вошёл обзор фонда-коллекции пермского краеведа Александра Кузьмича Шарца (1906-1986) и проект хрестоматии по истории уральского (пермского) краеведения.

Второй раздел – «Документ с архивной полки» – дополняет первый. В него включены статьи Л. С. Кашихина и В. С. Колбаса, основанные на изучении каталога 1845 года Чёрмозской заводской библиотеки и написанных ими независимо друг от друга. Документ этот хранится в Государственном архиве Пермского края¹, что позволяет сравнить методику использования архивного документа Л. С. Кашихиным и В. С. Колбасом в историко-краеведческом исследовании.

В третий раздел – «У него было имя – Леон Кашихин» – вошли статьи и воспоминания людей, знавших его: это архивист Н. Д. Аленикова, журналист Л. В. Мишланова (1935-2016), историк В. С. Колбас, краевед Н. Н. Токарева и бывшие студенты исторического факультета ПГУ Р. В. Нестерова и Н. В. Андреев.

Самый большой по временному диапазону раздел сборника – «Историческая мозаика», он охватывает события от времён патриарха Никона (1605-1681), английского писателя Даниэля Дефо (ок. 1660-1731) и практически до наших дней. В числе авторов – историки и краеведы А. В. Владзимирский, В. В. Греков, А. П. Зиновьев, В. С. Колбас, А. В. Кудрин, Е. П. Кутьина, А. В. Малышев, А. А. Никитин, С. А. Шевырин.

Выбывается по содержанию из всех разделов пятый раздел – «Книги, библиотеки, библиотекари». В него включены три статьи главного библиотекаря Пермской государственной краевой универсальной библиотеки им. А. М. Горького А. Н. Каменского о библиотекарях нового поколения, о репертуарах пермской книги, местном обязательном экземпляре и одна статья В. С. Колбаса о сборнике цитат из русской литературы.

Далее следует раздел рецензий и отзывов, в котором продолжена публикация миниатюр В. С. Колбаса «Заметки крохобора», в этот же раздел включена его статья «Роман Александра Дюма «Учитель фехтования».

Завершается сборник публикацией архивных документов: М. Л. Грифа – о судебной тяжбе судовладельца П. Н. Ушакова с Пермскими пушечными заводами и А. П. Зиновьева – воспоминаний педагога и краеведа Д. А. Краснопёрова (1924-2009) о создании литературного музея «Родное Прикамье» в школе № 109 города Перми.

Названием для данного сборника послужила строка из стихотворного фельетона «Всё та же Пермь», напечатанного 19 марта 1906 года в газете «Пермские губернские ведомости», автор фельетона – инженер, поэт-журналист, общественный деятель Николай Петрович Зимин (1849-1909), скрывший своё имя под псевдонимом Гамма²:

Хоть пермяком я не родился,
Но, право, от души клянусь,
Что в Пермь обратно я стремился,
Изъездив всю родную Русь.
Отовсюду Пермь меня манила, –
Мне всё здесь дорого и мило,
Как будто за год, ей-же-ей,
Душою я сроднился с нейз.

Хочется верить, что и этот сборник, посвящённый памяти историка-архивиста Леона Сергеевича Кашихина, найдёт своих доброжелательных и заинтересованных читателей.

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 280. Оп. 1. Д. 661.

² Водопроводная сага, или Один год из жизни славного Пермского водоканала-2005 / Ред.-сост.: В. Киршин. – Пермь, 2006. – С. 66.

³ Прогулки по старой Перми: Страницы городского фельетона конца XIX – начала XX века. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – (Юртин. Пенаты. Вып. 3). – С. 13.

В. С. Колбас,
историк, член Союза журналистов России,
председатель Пермского городского отделения ВООПИК,
отличник народного просвещения

Л. С. Кашихин: из творческого наследия

Л. С. Кашихин

Отец и сын Витте¹

Витте Фердинанд Васильевич (... - 1909)

Витте Иван Фердинандович (1883-1919)

Шестьдесят с лишним лет назад в Мотовилихе, на Малой Язовой, жила семья обрусевшего немца Фердинанда Васильевича Витте. Как и большинство рабочих семей Мотовилихи, жила она бедно, хотя руки у Фердинанда Васильевича были «золотые». В них спорилась любая работа, красиво и точно творил любой инструмент. За это и за добрую, честную душу любили мотовилихинцы токаря Витте. В отца вышел и его сын Карл, окрещённый во время женитьбы Иваном. В конце 90-х годов прошлого столетия оба они работали в снаряжном цехе Мотовилихинского пушечного завода, получая по 70 копеек в день, испытывая на себе все тяготы тяжёлого, неблагодарного, каторжного труда, разделяя безрадостную жизнь мотовилихинского пролетариата².

Борьба с трудностями и лишениями закалила волю и характер обоих Витте, научила смотреть жизненной правде в лицо. В их сознании, как и в сознании тысяч рабочих того времени, происходила ломка старых понятий о взаимоотношениях хозяев и рабочих, возникали пока ещё смутные надежды о новой, свободной жизни. Им были по душе смелые высказывания революционно настроенных рабочих снаряжного цеха, самого передового и активного цеха на заводе. Когда стали отец и сын Витте революционерами, они, пожалуй, и сами не заметили. Познакомившись и близко сойдясь с лидерами мотовилихинского рабочего движения Собакинских, Пахомовым, Бабинцевым и другими, они горячо восприняли их марксистские идеи и стали сами ревностными пропагандистами. Посещая рабочие кружки, они незаметно для себя превратились из внимательнейших слушателей в страстных ораторов. Витте стали вести свой кружок, насчитывающий в 1902 году более 20 рабочих. В хорошую погоду кружковцы собирались на железнодорожной станции, а оттуда шли

в лес – Заивуз. Здесь, вдали от полицейских и жандармских шпигов, читали вслух газеты «Искра», «Уральский листок», «Рабочий бюллетень», прокламации, а также разучивали революционные песни и стихи. Витте разъясняли рабочим цели и задачи русского пролетариата, отражённые в программе РСДРП, разоблачали антинародную политику царизма, призывали рабочих активнее включаться в революционное движение. Много времени отводилось в кружке обсуждению заводских дел и насущных нужд рабочих.

Агитационная работа Витте и других пропагандистов находила у мотовилихинских рабочих широкий отклик. Так, благодаря их влиянию 21 февраля 1903 года началась забастовка снарядного цеха. Поводом к ней послужило снижение администрацией расценок на обточку головки 3-дюймовой шрапнели. Рабочие цеха были крайне возмущены, ячейка цеха подхватила возмущение рабочих и стала призывать к прекращению работы. Были выдвинуты требования к администрации завода: оставление прежних расценок на обточку головки шрапнели, введение 8-часового рабочего дня, устройство раздевалок и душевых и т. д. На следующий день, 22 февраля, забастовали рабочие токарного цеха, затем прекратили работу в лафетном цехе, котельном и сварочном цехах. Всего к концу дня встало 12 цехов. На заводской площади собралось более тысячи рабочих. Выступавшие ораторы призывали не начинать работу до тех пор, пока не будут удовлетворены все требования. Среди рабочих разбрасывались гектографированные листовки политического характера. Забастовка, начавшаяся «из-за копейки», переросла в политическую стачку.

Прибывшие по вызову напуганного управляющего Назарова 2 роты солдат стали разгонять рабочих, избивая палками и ружьями всех без разбору, не щадя ни стариков, ни подростков, начались повальные обыски и аресты. Все арестованные тотчас же увольнялись с работы и должны были предстать перед судом.

В ночь на 23 февраля 1903 года были арестованы и Витте. Им было предъявлено обвинение в том, что они призывали рабочих к прекращению работы. На допросах Витте вели себя мужественно, отрицали все обвинения или же не отвечали на вопросы.

Расследование по делу февральской забастовки умышленно затягивалось, и люди уже более полумесяца сидели в тюрьме. А между тем среди них было много стариков, таких как Фердинанд Витте. Их забрали вместе с сыновьями, несмотря на

возраст и состояние здоровья. По предложению Витте, заключённые объявили голодовку, требуя освобождения стариков. Заключённые держались стойко и мужественно, отказывались от приносимой пищи. Голодовка продолжалась 13 дней. Жена младшего Витте Любовь Николаевна рассказывает, что когда назначили свидание с родственниками, то навстречу к ним вышли истощённые люди, державшиеся один за другого. На 14-й день следователь суда сдался и издал постановление об освобождении привлечённых к расследованию стариков. 30 марта 1903 г. Витте-отец был освобождён и вновь стал работать на заводе. Арест, допросы, тюрьма не сломили их, а наполнили ещё большей ненавистью к угнетателям.

Ивана Фердинандовича Витте приговорили к двум месяцам лишения свободы и двум годам негласного надзора полиции. Окончательное постановление суда гласило: «Ивана Фердинандовича Витте за участие в беспорядках в феврале месяце 1903 года по распоряжению Министерства внутренних дел выслать в место приписки». Местом приписки ему назначили Пермь, выселили из Мотовилихи, одновременно уволив с завода. Вышедший на свободу в конце апреля 1903 года, Иван Фердинандович оказался без работы и без жилья. А на руках у него уже была жена и двое детей. Однако друзья не оставили их, подыскали им квартиру в районе нынешних Городских горок. Семья младшего Витте жила случайными заработками Ивана Фердинандовича. Несмотря на надзор полиции, строгий домашний режим, Иван Фердинандович не терял связи с рабочими ставшего ему родным завода, по-прежнему занимаясь пропагандистской работой.

Так продолжалось до начала 1905 года. В начале года семья Витте переехала обратно в Мотовилиху в свой дом. Иван Фердинандович вновь был принят на завод. Здесь он сразу же попал в привычную ему среду и с головой ушёл в дела цеха.

Революционный 1905 год оказал могучее влияние и на рабочую Мотовилиху. Когда началась российская забастовка, она примкнула к ней безоговорочно. 9 декабря 1905 года в 7 часов утра рабочие завода устроили собрание, на котором постановили присоединиться к всеобщей забастовке. В половине 8-го рабочие электрического цеха потушили свет и дали тревожные свистки. После этого работу прекратили во всех цехах завода. С пением «Марсельезы» рабочие разошлись по домам.

10 декабря на собрании, проходившем в цехе № 5, постановили: требовать освобождения политических заключённых, немедленного созыва Государственной думы с участием рабочих,

свободы печати, т. е. требования были выдвинуты исключительно политического характера. Здесь же читали прокламации Пермского комитета РСДРП, призывавшие к «вооруженному бою».

11 декабря на многолюдном митинге, проходившем в Мотовилихинском театре, решили покончить с мирной забастовкой и дать этот бой правительственным войскам.

Согласно решению Пермского комитета РСДРП, рабочий актив завода стал вооружаться. Была организована подписка на сбор денег для приобретения оружия. Подписка проходила в электрическом цехе. Собранные деньги сдавались специальным инструкторам Пермского комитета. Но оружия было всё-таки мало, и рабочие стали вооружаться сами. Прослышав, что на керосинном складе бр. Нобель (в Лёвшино) имеются револьверы, рабочие во главе с Лбовым и Иваном Витте 12 декабря около 12 часов утра, вооружённые ружьями и кинжалами, пришли на склад. Витте, Лбов и ещё несколько человек вошли в контору склада, остальные человек 60 остались во дворе. Завскладом Таранов рассказывал впоследствии, что вошедшие рабочие требовали выдачи оружия. Когда Таранов отказался сделать это, они открыли шкаф и сами достали 6 новеньких револьверов. Один из рабочих – молодой, невысокого роста – снял телефонную трубку и звонковые чашки, отдав их на хранение рабочему складу. При этом он заметил, чтобы тот хранил их до тех пор, пока ему не дадут знать. Раздав револьверы, Витте договорился с рабочими, что они будут доставать оружие, где только можно. Сам Иван Фердинандович пошел к соседу Патокину и попросил у него охотничье ружье, объяснив, что оно нужно для милиции, как назывались созданные в Мотовилихе рабочие дружины. Витте имел неосторожность рассказать Патокину, что был на керосинном складе, где достал несколько револьверов. Патокин ружья ему не дал. Мало того, впоследствии он предаст Витте, рассказав полиции об участии его в налёте на склад.

На следующий день, 13 декабря, с утра на заводе проходило многочисленное собрание, охранявшееся народной милицией. В это время стало известно, что в Мотовилиху отправилась сотня казаков и по полотну железной дороги двинулась 5-я рота 232 Ирбитского батальона. Рабочие решили устроить засады близ домов селения и около завода, чтобы встретить огнем войска.

Иван Фердинандович со своей десяткой устроился в ограде дома Морошных и Шишова на Софроновской улице. Рабочие были вооружены, но, видимо, недостаточно, поэтому несколько

человек из десятки остановили проходившего мимо унтер-офицера Нецветаева и сняли с него шашку с португеей. Самого же офицера отпустили, не причинив ему никакого вреда.

Когда появились казаки, десятка Витте встретила их дружным огнём, затем скрылась за баррикадами. Часам к 3-м перестрелка закончилась. Большинство рабочих-дружинников разошлось по домам, видя, что силы слишком неравны.

В ночь с 13 на 14 декабря были произведены обыски, начались аресты.

С самого начала арест миновал Ивана Фердинандовича, но вскоре струсивший Морошных признался, что в ограде его дома прятались революционеры, одного из которых они называли Витте. Некто Булычёв рассказывал, что он видел, как Витте стрелял в проезжавших мимо казаков из дома Морошных.

24 декабря Иван Фердинандович был арестован и помещён в Пермскую губернскую тюрьму. Началось расследование по делу Нецветаева по показаниям Булыгина. Сюда же присоединили разоружение керосинового склада бр. Нобель (по показаниям Патокина).

Протокол допроса Витте позволяет восстановить облик чудесного человека, стойкого борца за рабочую правду. В протоколе говорится, что Витте является рабочим Мотовилихинского завода, женат, имеет 3-х детей, обеспечение – личный труд. Свою вину он отрицал: «Я слышал, в чём меня обвиняют, но виновным себя в этом не признаю и на вопросы отвечать отказываюсь». В протоколе судебного следователя от 13 апреля 1906 года указано: «Допросив обвиняемого Витте и принимая во внимание степень угрожаемого ему наказания... постановили содержать под стражей в пермской губернской тюрьме».

По донесению мотовилихинского пристава, указывающего, что «телефон снял содержащийся в настоящее время в тюрьме пермский мещанин Иван Фердинандович Витте», было начато дополнительное расследование. Были привлечены свидетелями рабочие керосинового склада.

Однако на очных ставках они не признали в Витте того молодого рабочего, который повредил телефон.

Окончательное расследование дела о вооружённом восстании было передано в Казанскую судебную палату, где следствие велось около года. 5 декабря 1906 года состоялся суд. Обвиняемым разрешили иметь защитников. У Ивана Фердинандовича защитником был адвокат Падалка. Блестяще и убедительно высту-

пил он в защиту своего подопечного. После выступления Падалки свидетель Булычёв отказался от своих прежних показаний, говоря, что, возможно, стрелял и не Витте, что можно было ошибиться за дальностью расстояния. Защита дала ошеломляющий результат: Витте был признан невиновным и освобождён. Однако желанная свобода оказалась временной. Решение суда было необходимо лишь для успокоения бурлившей общественности. Придравшись к первому же незначительному поводу, всех освобождённых революционеров царские власти арестовали и отправили в ссылку. Иван Фердинандович был выслан в Златоуст. 19 февраля 1907 года он уехал туда один, без семьи. Вскоре он взял перевод в г. Тюмень, куда сослали большую часть мотовилихинских рабочих. Вскоре последовала за ним в Тюмень и его жена с детьми. В ссылке Иван Фердинандович не опустил рук, снял комнату, стал работать грузчиком, затем перешёл на лесопилку, где заработки были побольше. О его революционной деятельности в ссылке известно очень мало. Мы знаем, что ссылкой была создана подпольная типография. Деятельное участие в её работе принимал и Витте-младший!

Между тем его отец Фердинанд Витте оставался жить в Мотовилихе. Его не тронули общие аресты 1906 года. Но это не значило, что он отошёл от революционной борьбы. Проводив своего сына в ссылку, он с ещё большей энергией отдаёт себя подпольной работе. Он поддерживал тесную связь с отрядом Лбова и самим Александром Лбовым. Его дом часто служил штаб-квартирой и убежищем для лбовцев.

Сам он выполнял роль связного и радушного гостеприимного хозяина. О посещениях Витте лбовцами знали немногие, лишь те, кто там участвовал в тайной борьбе против самодержавия. Среди них был Смирнов по кличке «Сочень» и его жена. Смирнов после декабрьского вооружённого восстания рабочих в Мотовилихе 1906 года был арестован и заключён в тюрьму. Жена его, случайно оказавшаяся в среде революционеров, связалась с околоточным полицейским и предала товарищей мужа. Зная, что перед масленицей лбовцы должны навестить Витте, и решив удостовериться в этом, она пошла к нему домой, якобы с целью занять денег. У Витте она увидела чужую одежду и вещи и, вернувшись к себе, сообщила об этом полицейским. В эту же ночь (перед масленицей 1907 года) на дом Витте была сделана полицейская облава. В это время действительно у Фердинанда Васильевича остановился Александр Лбов с женой Елизаветой и не-

сколькими боевыми товарищами. Сам Лбов ночевал в бане, находившейся на огороде, а боевики спали в доме Витте, ночью раздался стук в дверь и одновременно началась стрельба. Лбову с женой удалось уйти незамеченными. Остальные скрыться не смогли, дом Витте окружила рота драгун, вооружённых шашками и ружьями. Лбовцы были выгнаны из дома, взяты под конвой и увезены в тюрьму. Витте вывели на улицу и стали бить шашками. Избитого Фердинанда Васильевича увезли в городскую управу, откуда перевели в пермскую губернскую тюрьму.

После того как расправа закончилась, драгуны расстреляли дом Витте, всадив в него 730 пуль. Очевидцы рассказывали, что это было ужасное зрелище.

Предательство Смирновой не осталось безнаказанным. Вернувшись из заключения, «Сочень» настоял на том, чтобы дело о её предательстве было разобрано. Революционный трибунал приговорил Смирнову к расстрелу. Приговор привёл в исполнение сам Смирнов, тяжело переживавший не только личную драму, но главное – гибель товарищей по революции.

Документы умалчивают о процессе над Фердинандом Витте, но современники проследили дальнейшую судьбу старого рабочего-революционера. Так, со слов большевика т. Русских известно, что после суда Витте был отправлен в ссылку в д. Бирюльки Верхоленского уезда Иркутской губернии. Вместе с ним разделила тяжелую участь и его жена Елизавета Михайловна, золотые руки Витте не дали им пропасть в далёкой Сибири. Но здоровье было подорвано, и прожил он там недолго. В 1909 году Фердинанд Васильевич Витте умер. Вскоре скончалась и его жена.

Сын Иван тяжело переживал смерть своих родителей. С отцом его связывали не только кровные узы, они были товарищами, соратниками в суровой революционной борьбе. Сын принял из рук старого Витте эстафету этой борьбы.

В тюменской ссылке Иван Фердинандович находился более 4-х лет. В 1911 году ему было разрешено возвратиться в Пермь. Полиция, следившая за его каждым шагом, сообщает по этому случаю следующее: «28 июня 1911 года возвратился в Пермь сосланный в Тюмень Иван Витте». 24 августа Витте уже работал в инструментальном цехе Мотовилихинского завода токарем. Здесь он работал до середины 1914 года. В июне 1914 года на заводе вспыхнула забастовка, в которой принял участие и Иван Витте. 26 июня он был вновь уволен с завода и арестован. Ему предъявили обвинение в том, что он не только участвовал в заба-

стовке, но и подал сигнал к ней заводской гудок. Любовь Николаевна рассказывала, что гудок к забастовке подал не её Иван, а другой рабочий. Но Витте взял вину на себя, так как того рабочего неминуемо бы уволили, а у него дети. Но ведь дети были и у самого Витте. Этот пример как нельзя лучше раскрывает самоотверженную и горячую душу Ивана Фердинандовича, его готовность прийти на помощь товарищам в любую минуту.

¹ Сокращённый вариант статьи опубликован под фамилией Маргариты Михайловны Борзенковой, инспектора архивного отдела Пермского облисполкома. См.: Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. – Пермь: Кн. изд-во, 1966. – С. 101-107. – Ред.

² Это не совсем корректное утверждение: квалифицированные рабочие жили не очень бедно. – Ред.

³ В статье Л. С. Кашихина написано: «За иву». Более корректный вариант, который мы приводим, предлагает И. А. Подюков. См.: Подюков И. А. Современное городское топонимическое творчество (на материале неофициальной урбанистики Перми) // Современный городской фольклор. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. – С. 462-463. – Ред.

1965 г.

Личный архив историка В. С. Колбаса.

Фонд Л. С. Кашихина.

Л. С. Кашихин

Книги с агитпарохода «Красная звезда»

В каталогах Пермской областной публичной библиотеки имени А. М. Горького, краеведческого музея и областного архива¹ значатся произведения В. И. Ленина «Борьба за хлеб», К. Маркса «Наёмный труд и капитал», «Заработная плата, цена и прибыль», а также брошюры со статьями К. Либкнехта, А. Луначарского, А. Коллонтай и других видных деятелей русского и международного революционного движения, изданные ещё на заре Советской власти. Те, кто пользуется этими книгами, наверно, даже не подозревают, что эта литература была передана библиотекам в 1919 году из фондов агитпарохода ВЦИК «Красная звезда», на котором вместе с другими агитаторами и пропагандистами находилась Н. К. Крупская². Это подтверждает документ, обнаруженный недавно в Пермском областном архиве. Согласно этому документу, пермская библиотека получила с агитпарохода 3630 экземпляров книг. Помимо политической литературы,

на которую тогда ощущался настоящий «голод» в освобожденном от Колчака Прикамье, «Красная звезда» доставила в Пермь значительное количество книг, брошюр, календарей по сельскому хозяйству, произведения Л. Толстого, И. Тургенева, В. Короленко, Д. Бедного, Д. Лондона, Г. Уэльса, учебники «Живое слово», «Букварь новой народной школы».

¹ В настоящее время библиотека, музей и архив являются краевыми учреждениями. – **Ред.**

² См. подробнее: Н. К. Крупская и Прикамье: Сб. док-тов и воспоминаний. – Пермь: Кн. изд-во, 1969. – С. 35-100. – **Ред.**

Опубликовано:

Звезда (Пермь). – 1971. – 31 августа.

Л. С. Кашихин

Он дружил с Блоком

В «Календаре-справочнике Пермской области на 1970 г.» сообщается, что в этом году исполнилось «80 лет со дня рождения Василия Васильевича Гиппиуса (1890-1942), советского литературоведа. В 1922-1930 годах работал профессором Пермского университета». Это, пожалуй, и всё, что известно на сегодня большинству пермских читателей-краеведов об этом крупном советском учёном. А между тем его научная и педагогическая деятельность, особенно в пермский период жизни, представляет большой интерес.

В. В. Гиппиус рос и воспитывался в культурной петербургской семье. Отец его В. И. Гиппиус в молодости был причастен к литературе, сотрудничал в ряде журналов, переводил Данте, Петрарку и других поэтов древности. Старшие братья Владимир и Александр были тесно связаны с литературным движением модного в то время русского символизма, увлекшего молодёжь в начале 20 века.

В уютной квартире Гиппиусов регулярно собирались известнейшие петербургские литераторы. Велись бесконечные споры о судьбах русской литературы, читались и обсуждались произведения писателей. Частым гостем у Гиппиусов был и находившийся в зените своей славы Александр Блок. Ни на кого не

глядя, отвернувшись к окну, он читал свои неподражаемые, неземные стихи. Словно зачарованный, смотрел на него юный гимназист, а затем студент Вася Гиппиус. Нескрываемое восхищение им немного смущало Блока, но тем не менее не мешало их дружбе.

Литературные занятия членов семьи, знакомство со многими писателями и особенно с Блоком оказали решающее влияние на будущего учёного, рано пробудив у него склонности к литературным занятиям. В 1912 г. Гиппиус окончил романо-германское, а в 1914 г. славяно-русское отделения историко-филологического факультета Петербургского университета. С гимназических лет он начинает писать стихи, подражая своему кумиру Блоку. Но в печати его первые опыты появляются несколько позже, в студенческие годы. В это же время Гиппиус пробует свои силы как критик и переводчик. В 1908-1911 гг. он чаще всего печатался в журналах «Новая жизнь» и «Новый журнал для всех».

Постепенно В. В. Гиппиус становился заметной фигурой в литературном мире России. Но обратимся сразу к наиболее интересному для нас периоду жизни и работы ученого-литературоведа, поэта и переводчика в Перми.

В Пермь Гиппиус приехал осенью 1922 г. из Петрограда, где он занимал должность преподавателя института истории искусств. Его пригласил Пермский университет для заведования кафедрой новой русской литературы. При выборе кандидатуры Гиппиуса большую роль сыграли отзывы его университетских педагогов и наставников. Так, профессор Д. К. Петров писал декану педфака Пермского университета А. И. Сырцову: «...я беру на себя смелость поддержать кандидатуру В. В. Гиппиуса. В. В. Гиппиус – молодой талантливый учёный, занимавшийся в СПб университете под руководством проф. Ф. А. Брауна, И. А. Шляпкина, А. А. Шахматова и моим (ученые с мировым именем. – Л. К.). Его труду принадлежит ряд ценных учёных и литературных работ. Он имеет также немалый педагогический опыт – преподавал в провинции, столице, читал публичные лекции. Полагаю, что, вступив в состав пермской профессуры, он окажется полезным деятелем высшей школы».

В Пермском университете Гиппиус работал до осени 1930 г., читая ряд литературоведческих и лингвистических курсов – общих и специальных. Помимо лекций он также руководил семинарскими занятиями по творчеству Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Жизненные, служебные и научные интересы учёного тех лет в той или иной мере нашли отражение в документах его

личного дела, дошедшего до нас и хранящегося ныне в Пермском облархиве.

Эти документы рассказывают о том, насколько трудно было перебираться из обжитого родного Петрограда семье Гиппиусов на далёкий Урал, устраиваться на новом месте, наравне с другими преподавателями университета переживать все тяготы и лишения тех трудных голодных и холодных лет. Они отражают напряженную работу Гиппиуса-педагога по налаживанию работы доверенной ему кафедры, рисуют перед нами образ принципиального, порой резковатого в обращении, не боящегося ради справедливого дела вступать в конфликты с мешающими ему людьми, человека.

Материалы этого же «дела» показывают, правда, далеко не полностью, Гиппиуса как учёного. Несмотря на огромную занятость педагогической работой в университете, в Перми он написал ряд крупных филологических работ, нашедших достойное признание среди учёных-филологов. Так, в 1924 г. вышел его капитальный труд о Гоголе. В следующем году увидел свет его учебник по русской грамматике, изданный в Ленинграде. Это учебное пособие оказало в то время большую помощь студентам-словесникам. В различных изданиях Пермского университета, а также в центральных журналах «Былое», «Новый мир», «Родной язык в школе» и др. на протяжении 1920-х годов появились ряд других его крупных исследований – о литературном общении Пушкина с Гоголем, несколько статей о творчестве Салтыкова-Щедрина, о Чернышевском и многие другие.

Во всех работах Гиппиуса, посвящённых анализу творчества классиков русской литературы, чувствуется вдумчивый тонкий исследователь. Но Гиппиус был не только учёным в области литературоведения, он был и блестящим переводчиком. Известны его превосходные переводы комедий Мольера, стихотворений Шиллера и Гейне. И в этой области Гиппиус оставил свой ошутимый труд.

В 1930 г. Гиппиус переводится в Иркутский университет, а с 1932 г. навсегда поселяется в родном ему Ленинграде. Здесь он работает научным сотрудником Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), преподаёт в университете и пединституте им. А. И. Герцена, вступает в члены Союза советских писателей, ведёт обширную научно-исследовательскую и текстологическую работу. В 1935 г. Гиппиусу была присуждена учёная степень доктора литературоведения.

Умер В. В. Гиппиус в 1942 г. в осажденном Ленинграде. Он принадлежал к представителям старшего поколения деятелей советской литературоведческой науки. Немалый труд его был вложен в становление молодого Пермского университета.

03.11.1970 г.

Опубликовано:

Вечерняя Пермь. – 1970. – 25 ноября.

Л. С. Кашихин

Проект книги «Хрестоматия уральского (пермского) краеведения»¹

Известно, что в разное время создана огромная по объёму и разнообразная по жанрам краеведческая литература об Урале, в частности, и о Пермском крае: летописи, разного рода календари, труды Пермского географического общества, статьи краеведческого характера в газетах и журналах, наконец, художественные произведения. Ценность этой литературы для всех интересующихся историей, природой и т. д. родного края, думается, бесспорна (для учителей, школьников, краеведов-любителей и т. д.). К сожалению, многие источники, особенно созданные в прошлые века, сегодня недоступны широкому кругу читателей.

В связи с этим, нам кажется, возникает необходимость в издании книги, типа хрестоматии, которая вобрала бы в себя хотя бы часть наиболее интересных, оригинальных материалов краеведческого характера в основном – малоизвестных, редких, касающихся Урала, и, кроме того, содержала бы библиографическое описание основных источников и хотя бы вкратце освещала историю нашего краеведения.

Книга, на наш взгляд, могла бы иметь следующие разделы:

1. Вступительная статья об истории уральского краеведения, об основных источниках, которыми мы на сегодняшний день располагаем, о проблемах и задачах местного краеведения.

2. Собственно хрестоматия (кроме избранных страниц летописей и т. д., здесь же – справки об их составителях, описание журналов, календарей и т. д., и т. д.)

3. Комментарий, критика и т. д.

4. Библиография.

Безусловно, этот план нуждается в дальнейшем уточнении и т. д.

Примерный объём «хрестоматии» – 20 авторских листов (?).

Конечно, следует самым тщательным образом разработать принципы отбора материалов для публикации в книге. Материалы могут быть сгруппированы по темам (история, природа, общественные деятели края и т. д.), по времени написания (или, наоборот, в зависимости от того, какому периоду истории края они посвящены...).

Составителями сборника могут быть работники библиотеки им. Горького, архивов, краеведы и др.

Думается, что «хрестоматия» явится не только своего рода памятником энтузиастам краеведения прошлого, но и, ни в коем случае не заменяя собою самих летописей, поможет им войти в обиход всех, кто интересуется судьбой Прикамья...

¹ Ниже заголовка в круглых скобках Л. С. Кашихиным сделана приписка, что предлагаемый им вариант – «название условное». – **Ред.**

Без даты.

Личный архив историка В. С. Колбаса.

Фонд Л. С. Кашихина.

Л. С. Кашихин

Фонд-коллекция А. К. Шарца в Государственном архиве Пермской области¹

Документальные материалы личного происхождения (личные фонды), поступившие на государственное хранение, отражают жизнь и повседневную деятельность отдельных людей в обществе. По ним можно проследить творческий и духовный рост советского человека, строителя коммунизма, его отношение к реальной действительности, его материальные и культурные запросы. Эти материалы как нельзя лучше дополняют документы государственных учреждений, позволяя воссоздать более полную картину того или иного исторического процесса. Вспомним, например, восстановленную писателем С. Смирновым историю мужественной борьбы защитников Брестской крепости. В своей

кропотливой титанической работе помимо официальных документов писатель использовал огромное количество писем, дневников, воспоминаний, фотографий и даже... надписей на стене крепости. И таких примеров можно привести множество.

Комплектованию личными фондами Государственный архив Пермской области стал уделять наибольшее внимание с 1961 г., когда научный совет при архивном отделе Пермского облисполкома принял обращение, в котором говорилось: «Исключительную ценность для государственных архивов представляют личные архивы советских граждан. Советское архивное законодательство предусматривает в государственных архивах концентрацию личных документов государственных и общественных деятелей советского государства, а также и дореволюционного периода, деятелей науки, техники, литературы и искусства, новаторов и передовиков производства. Личные документы – письма, записи, дневники, воспоминания – дополняют официальные документы, помогают воссоздать более полную картину прошедших событий. Значительную помощь оказывают материалы личных фондов также при изучении различных исторических проблем.

Наши современники часто по скромности считают, что их документы не представляют исторического интереса, но это глубоко ошибочное мнение. Тысячи личных фондов простых людей отражают историю нашего общества, а поэтому научный совет обращается ко всем лицам, имеющим документы, представляющие историческую ценность, с просьбой передавать их на хранение в Государственный архив Пермской области».

В настоящее время в Государственном архиве Пермской области сосредоточен большой комплекс материалов личного происхождения, дополняющих и иллюстрирующих материалы государственных учреждений конца XVIII – середины XX веков. В него входит более 80 личных фондов, насчитывающих до 16 000 единиц хранения. Это в основном фонды лиц, чья деятельность оставила заметный след в истории революционного движения, науки, культуры и искусства на Урале. Наиболее видное место среди них по количеству материалов, их оригинальности, своеобразию и научной значимости занимает личный фонд-коллекция Александра Кузьмича Шарца, педагога, партийного и советского работника, уральского журналиста и краеведа, носящий инвентарный номер 790.

Исследователи часто обращаются в Пермский архив. Для монографии солидного учёного из Ленинграда необходимы

материалы о соляных варницах на Урале. Школьники из Москвы прислали письмо: они создают музей М. И. Калинина, их интересуют материалы о пребывании Калинина в Перми. Студент-дипломник который месяц корпит над историей пермского театра. А любителю старины, местному краеведу, вынь да положи всё, что касается зарождения пароходства на Каме. Во всех подобных случаях сотрудники архива никогда не обходят фонд 790. В нём можно встретить самые неожиданные материалы. Такой фонд-коллекция может служить украшением любого исторического архива: так велико его справочное и научное значение.

Несколько биографических строк о создателе коллекции.

Александр Кузьмич Шарц (Шарцев) родился 19 ноября 1906 г. в семье рабочего картонной фабрики «Северный коммунар» Сивинского района Пермской области. Бедовое трудовое детство. Революция, гражданская война, создание первой коммуны, митинги у сельсовета, новая советская школа – всё это пробудило у деревенского паренька огромное любопытство к жизни, к новому миру социализма, зародило мечту стать достойным строителем этого мира. 1922 год. Позади средняя школа. Активного комсомольца Александра Шарца ЦК комсомола направляет на учёбу в Пермский университет. Университет он окончил в 1926 г. по физико-математическому факультету. Ещё в университете Шарц пробует свои силы на литературном поприще. Комсомольская газета «На смену» и журнал «Юный пролетарий Урала» печатают его стихи на антирелигиозную тематику.

После окончания университета А. Шарц работает некоторое время директором и преподавателем в Сергинской средней школе. В январе 1932 г. по решению Уральского обкома партии он был направлен в Пермь на строящийся завод авиационных моторов (ныне – завод им. Я. М. Свердлова), где работал директором организованного им авиационного техникума. Хотя А. Шарц уже имел высшее образование и педагогический опыт, он в эти годы оканчивает заочно Московский авиационный институт. Им руководило стремление стать высокообразованным педагогом и знающим руководителем вверенного ему учебного заведения.

В 1937 г. по решению оргбюро ЦК ВКП(б) А. К. Шарц был утверждён заведующим Свердловским облоно, а в 1940 г. избран секретарём Свердловского обкома партии. С 1943 г. А. К. Шарц работает в Перми вначале председателем горисполкома, затем секретарём партийного комитета и одновременно старшим науч-

ным сотрудником Пермского госуниверситета, а с 1950 г. – директором Пермской научно-технической библиотекой и преподавателем вечернего университета марксизма-ленинизма при Пермском горкоме КПСС. С 1966 г. А. К. Шарц на пенсии. Это служебная биография А. К. Шарца, но существует ещё творческая, журналистская, научная и общественная его биография.

Общественной работой А. К. Шарц начал заниматься с детских лет. С 1918 по 1930 гг. он состоял в комсомоле, избирался членом пленумов волостного, уездного, районного, губернского и Уральского областного комитетов комсомола, был делегатом на V Всероссийском съезде РКСМ. В 1926 г. он был принят в ряды КПСС и неоднократно избирался в руководящие партийные органы – парткомы, райкомы, горкомы, окружкомы и обкомы партии.

Общественность города Перми и области знает А. К. Шарца как замечательного лектора Всесоюзного общества «Знание», популяризатора новейших достижений науки и техники, как неутомимого краеведа, историка. Его перу принадлежит большое количество научно-исследовательских работ по истории революционного движения, истории культуры и техники на Урале.

Помимо всего было ещё одно дело, которое увлекло А. К. Шарца на всю жизнь. Он стал одним из первых на Урале собирателей-коллекционеров документального наследия, которое накапливалось в частных руках, хранилось в семейных архивах. Многие из этих архивов содержали уникальные документы. Теперь только благодаря коллекционеру они обязаны своей сохранностью. Он вовремя сумел их спасти от верной гибели. Многие из владельцев архивных материалов считали, да и поныне считают, что их семейные бумаги не представляют исторического интереса, некоторые родственники умерших просто не знают, как распорядиться оставшимся документальным наследием, и оно идёт в огонь, некоторые, уезжая на новые места, не намерены везти с собой «бумажный хлам». Да мало ли могло быть причин, когда ценные документы оставались без хозяина! А определить их ценность мог только человек эрудированный, широко образованный. Но не только бесхозные, не нужные никому материалы попадали в шарцевскую коллекцию. Он развернул широкий поиск материалов, относящихся к истории Урала. С каждым годом ширился круг знакомых А. К. Шарца, обладателей ценных архивных материалов. Он часто получал от них интересовавшие его рукописи, письма, фотографии и помещал их в свою коллекцию. Некоторые наиболее ценные материалы он покупал за свой счёт.

Когда и как началось это необычайное увлечение у Александра Кузьмича? Сам он начало своего собирательства относит к марту 1919 г. Дело происходило так: «Ранним утром 25 марта 1919 г. Серафимовский ревком закончил своё последнее заседание: план эвакуации был выполнен. У опустевшего здания волисполкома ждали подводы, на облучках саней сидели ямщики.

У раскрытых ворот стоял мальчишка лет 13-14, в лаптях, большой заячьей шапке и изодранном полушубке с отцовского плеча.

– Вот что, Шарцев, – обратился к нему учитель Иван Васильевич Базаров, вышедший последним из здания волисполкома. Он держал в руках большую папку. – Возьми и спрячь эту папку, да так, чтобы никто, кроме тебя, не знал. Это очень интересный материал о нашем крае. Сжигать его жалко, нельзя и отдавать в руки белогвардейцев.

Дрожащими руками, со слезами на глазах (ведь школа закрылась и уезжал его любимый учитель) мальчик взял папку. Взметнув снежную пыль, умчались подводы. К селу подходили колчаковцы.

Папку удалось спрятать в надёжное место – на колокольне местной церкви за обивкой стены. А осенью того же года, когда белогвардейцы были окончательно изгнаны с Урала и учитель Базаров возвратился в село, его бывший ученик торжественно вручил ему сохранный папку.

На первом же уроке в новой – уже советской – школе Иван Васильевич рассказал ребятам о папке, которую вернул ему ученик Шарцев. В ней были ценные материалы по истории района.

«Нужно не только хранить, но и собирать материалы по истории местного края, о наших замечательных людях, о их жизни и хороших делах», – говорил Иван Васильевич. Через несколько лет эту папку Базаров передал своему бывшему ученику Шарцеву (Шарцу), который собрал и записал к тому времени довольно много интересных рассказов старожил... Так мне вспоминается начало моей краеведческой деятельности. Так было положено начало «Фонду № 790» в Пермском областном государственном архиве...»

Более 50 лет складывалась коллекция А. К. Шарца. Когда знакомишься с её составом, то невольно приходишь в изумление: «Да полно, по силам ли одному человеку собрать такое богатство?» Десятки, сотни корреспондентов А. К. Шарца присылали и продолжают присылать по его просьбе самые разнообразные

материалы: рукописи трудов, автобиографии, воспоминания, печатные работы с дарственными надписями, фотографии, чертежи и даже картины. Все эти люди очень чутко отнеслись к намерению уральского краеведа-журналиста собрать как можно полнее материалы о жизни и деятельности выдающихся уральцев или людей, в какой-то степени связанных с Уралом. Здесь, на Урале, А. К. Шарц проводил ту же работу, которую проводил в Москве в своё время В. Д. Бонч-Бруевич по созданию Государственного литературного музея. Он придавал исключительно важное значение сбору документов личного происхождения. В письме от 4 ноября 1948 г. он писал А. К. Шарцу: «Борис Дмитриевич Удинцев мне много рассказывал о Вашей замечательной коллекции автографов и рукописей уральских писателей. Я лично очень ценю труды таких собирателей, как Вы...» Далее автор письма предлагал А. К. Шарцу написать статью с описанием его коллекции и историей её создания. Переписка с Бонч-Бруевичем продолжалась. Она помогла А. К. Шарцу лучше осознать всю важность его работы по сбору личных архивов и отдельных рукописей.

Как пишет А. К. Шарц в журнале «Уральский следопыт» № 12 за 1961 год, с 1949 г. материалы его коллекции стали поступать на государственное хранение с тем, чтобы его трудами могли пользоваться многие исследователи. Часть материалов в 1949 г. была передана Пермскому государственному университету, в 1957 г. часть их поступила в Свердловский литературный музей имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, но большинство материалов поступило в Государственный архив Пермской области – основной центр сбора личных архивов в Прикамье.

Все поступившие в Пермский облархив материалы фонда-коллекции А. К. Шарца разделены на следующие пять групп-разделов:

1. Коллекция материалов для «Уральского биографического словаря».
2. Материалы для «Календаря знаменательных дат».
3. Материалы для «Уральского библиографического указателя».
4. Коллекция разрозненных фотографий.
5. Личный фонд А. К. Шарца, т. е. материалы, образовавшиеся в процессе жизни и деятельности самого фондообразователя.

Первая группа материалов, включённая в опись № 1 фонда 790, является самой большой и насчитывает около 5000 дел.

«Уральский биографический словарь» был давнишней мечтой не одного поколения уральских краеведов. Инициатором его создания являлся А. А. Черданцев (1871-1943). В одной из своих статей А. К. Шарц писал: «Интересуясь историей Урала, Черданцев стал уделять большое внимание людям Урала и в 1903 году внёс предложение: начать составлять биографический словарь деятелей Урала. Он накопил значительные данные о И. И. Ползунове – изобретателе первой в мире паровой машины, А. С. Попове – изобретателе радио, Е. М. Артамонове – изобретателе первого в мире железного велосипеда, Н. Г. Славянове – изобретателе дуговой электросварки металлов, П. П. Аносове – знаменитом русском металлурге и П. М. Обухове – основоположнике сталепушечного производства в России».

Инициативу Черданцева поддержали известные уральские краеведы, историки, публицисты И. Г. Остроумов, В. А. Весновский, А. И. Чайкин, Н. В. Здобнов, П. С. Богословский, Б. Д. Удинцев, Ю. М. Курочкин, С. Ф. Николаев, И. А. Лунегов, К. В. Кострин, В. Г. Пленков, М. А. Сигов и многие другие. Они потратили немало сил по сбору материалов для «Словаря» и его популяризации. Не мог, конечно, остаться в стороне от этого дела и страстный собиратель рукописей и автобиографических материалов пермский краевед, патриот своего края А. К. Шарц. Мало того, он, продолжая дело своих предшественников Черданцева, Остроумова и других, становится во главе энтузиастов по созданию «Уральского биографического словаря».

Но издать «Словарь», несмотря на героические усилия краеведов, общественности, до сих пор не удалось. Этому помешал ряд причин. Главные из них, на мой взгляд, это – разноречивая в работе краеведов, отсутствие единого научного официального центра, имевшего бы свою финансовую базу и взявшего бы «Словарь» под свою «опеку». На общественных же началах вытянуть и издать такой солидный труд вряд ли было возможно.

Но история создания «Уральского биографического словаря» ещё далеко не окончена. Она ещё будет иметь дальнейшее продолжение. Самое главное в этом вопросе – сосредоточение всех материалов в Государственном архиве Пермской области и научное их описание. «Уральского биографического словаря» изданного ещё нет, но он уже существует, так сказать, в архивном варианте. Им уже можно пользоваться и им активно пользуются как сотрудники архива, так и исследователи. А дело его издания – вопрос времени: предстоит ещё большая работа по окончательному отбору материалов для «Словаря», классификация их,

написание аннотаций и т. д. Пока что Пермский облархив ведёт работу по сбору материалов и их упорядочению.

Дать исчерпывающую характеристику на материалы «Уральского биографического словаря» – задача довольно трудная, практически можно только назвать некоторые группы лиц по роду их деятельности. Прежде всего, следует выделить материалы на таких видных уральских дореволюционных и советских историков, краеведов, библиографов, как Д. Д. Смышляев, А. А. Дмитриев, Н. К. Чупин, В. Н. Шишонко, Ф. А. Волегов, Д. М. Бобылев, Н. В. Здобнов, Д. А. Кашинцев. Материалы на Н. К. Чупина, например, представлены в фонде его некрологами, биографическими статьями о нём, трудами учёного, портретами и т. д. Такими же видами документов представлены в основном и другие лица этой группа.

Революционеры, борцы за Советскую власть, участники Гражданской и Великой Отечественной войн, партийные и советские деятели Урала представлены в фонде материалами на А. Л. Борчанинова, Н. Г. Толмачёва, И. М. Малышева, С. М. Цвиллинга**, В. И. Чапаева, С. А. Черепанова, С. Г. Чуцкаева, А. А. Анишева, А. П. Банникова, Э. П. Берзина, А. А. Белобородова, Г. Я. Гончарова и на многих других. Количественный состав материалов на них разнообразен: от одной биографической справки и фотографии до нескольких дел самого своеобразного характера.

В фонде-коллекции сосредоточены также материалы на большую группу деятелей науки и техники на Урале – таких, как творец булата П. П. Аносов, академик А. А. Горшков, доктор геологии М. О. Клер, ботаник В. В. Сапожников, академик архитектуры И. И. Свизев, выдающийся советский фенолог, натуралист, краевед В. А. Батманов, академики И. М. Губкин, А. П. Карпинский.

Литература, поэзия и журналистика Урала представлена материалами о жизни и творчестве таких русских и советских писателей и поэтов, как С. Т. Аксаков, П. Я. Блинковский, П. П. Бажов, А. Г. Бармин, В. П. Бирюков, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Ф. М. Решетников, Е. А. Фёдоров. Среди этих материалов находятся редкие рукописи произведений писателей, письма, печатные произведения с их автографами, автобиографические произведения, фотоиллюстративные материалы и многое другое. Так, например, среди рукописей уральского поэта П. Блиновского сохранились редкие ныне номера общественно-сатирического журнала «Гном» за 1906-1907 гг. и отдельные номера прогрессивных

дореволюционных уральских и сибирских газет, в которых довелось работать поэту. А в личном архиве публициста-революционера Н. А. Чердынцева сохранились номера марксистского журнала «Общество», которого он был редактором и за который отсидел год в тюрьме.

Кроме отмеченных выше, для словаря подобраны материалы на тысячи лиц самых разнообразных профессий, таких как врач А. С. Доронина, учитель А. Т. Лацис, артист В. М. Луканин, музейный работник И. А. Лунегов, художник Г. А. Мелентьев, животновод И. В. Базилов, скульптор И. Д. Иванов-Шадр, биолог-путешественник А. Э. Брем, топограф Н. П. Иванов, хирург-стоматолог С. И. Крылов, юрист М. В. Птуха, агроном И. П. Орлов, журналист Б. Н. Назаровский, шахтер-стахановец Г. Ф. Нырбцов, тракторист, депутат Верховного Совета РСФСР Г. И. Гусев, моряк, Герой Советского Союза Р. М. Жуков, метеоролог, исследователь гроз в Прикамье П. П. Елсаков, генерал-лейтенант М. И. Озолин***, колхозница, мать-героиня Н. Е. Данилова.

Необходимо отметить, что в группе материалов для «Уральского биографического словаря» имеется значительное количество рукописей автобиографического характера и воспоминаний, которые не были нигде опубликованы, да, собственно, и были написаны не для печати. Но это не значит, что этим умаляется их историко-культурное значение. С большим интересом читаются, например, воспоминания лесовода В. Ф. Панаева «Полвека моих скитаний по лесам», обширная автобиография и дневники этнографа, археолога географа П. П. Славнина или автобиографическая повесть уральского инженера И. Н. Егорова «55 лет борьбы за лучшие идеалы человечества».

Работа над «Словарём» не ограничивалась для А. К. Шарца только сбором материалов из личных архивов. В 1950-1960-е годы он много работает над составлением и уточнением списков выдающихся деятелей Урала и написанием аннотаций для «Словаря».

Вторую группу-раздел в фонде-коллекции представляют 337 дел «Календаря знаменательных дат», над которым долгое время работал А. К. Шарц. «Календарь» охватывает период с 1505 по 1940 год. В него включены знаменательные даты мирового, всесоюзного и местного уральского значения. Имеются отдельные календари знаменательных дат по Чердынскому краю, по городу Перми, по Екатеринбургскому уезду за 1723-1912 гг., по Башкирии за 1918-1928 гг., по Оренбургской и Уфимской губерниям за 1735-1915 гг. и по городу Тагилу.

Некоторые календари построены по тематическому признаку, например, «Календарь знаменательных дат – хроника профдвижения по городу Перми и Пермской губернии за 1884-1920 гг.».

Часть календарей построена не по годам, а по числам и месяцам, например, в них отражены события, прошедшие за 22 декабря 1720, 1881, 1896, 1917 гг. или 1 мая 1878, 1853, 1885, 1894 и 1905 гг.

В третью группу «Материалы для уральского библиографического указателя» вошло 17 дел. Большинство из них представлены библиографическими работами А. К. Шарца. Помимо общих библиографических работ по Уралу им составлены библиографические указатели по темам, как например: «Советы, партия, комсомол, профсоюзы Урала» (1944), «Великие стройки коммунизма» (1951), «Уральцы в боях за родину», «Природные богатства Урала на службе Родины», «Люди тыла и социалистическое соревнование», «Сельское хозяйство Урала» (1944).

В эту же группу вошли библиографические работы И. Г. Остроумова «Список литературы о Вишерско-Печерском крае» (1921) и А. А. Черданцева «Опыт указателя литературы по Башкирии» и «Материалы к климатологии Башкирской АССР. Опыт библиографического указателя» (1934).

Разрозненные фотографии в количестве более 300, вошедшие в коллекцию, составили четвертую её группу. Их можно разделить на следующие виды: групповые и индивидуальные фотографии различных лиц, видовые фотографии и фотографии памятников, в основном на погибших героях гражданской войны.

Фотографии на лиц расположены в фонде по алфавиту фамилий, а видовые и фотографии памятников – по географическому их расположению.

Среди фотографий наибольший интерес представляют такие, например, как фотография демонстрации в Лысьве 1 мая 1917 г., фотография манифестации рабочих-грузчиков на ст. Лёвшино по случаю освобождения Урала от Колчака в 1919 г., фото участников VI губернского съезда РКП(б) в Перми 11 декабря 1920 г., снимок пермских рабфаковцев и делегатов франко-бельгийской рабочей молодежи 3 декабря 1925 г. и т. п.

И, наконец, пятая группа фонда-коллекции – материалы о жизни и деятельности создателя этой коллекции Александра Кузьмича Шарца. Эта группа материалов насчитывает более

700 дел. Она теснейшим образом связана с четырьмя предыдущими, так как в них на каждом шагу мы находим следы деятельности А. К. Шарца.

Первое место в этой группе занимают рукописные и печатные экземпляры научно-краеведческих трудов А. К. Шарца по истории уральской промышленности, науки и техники, культуры и искусства, биографические очерки и целые монографии о замечательных людях Урала, таких как академик архитектуры И. И. Свиязев, изобретатель электросварки металлов Н. Г. Славянов, выдающийся математик И. М. Первушин, первооткрыватель калия Н. П. Рязанцев, первооткрыватель уральского угля М. И. Югов, писатель П. П. Бажов. Много работ А. К. Шарца посвящено истории городов, заводов и посёлков Урала, а также охране уральской природы.

Особое место занимают биобиблиографические работы А. К. Шарца о пермском филологе, фольклористе П. С. Богословском, писателе Н. А. Крашенинникове, литературоведе Б. Д. Удинцеве, целой семье русских учёных Вологдиных и других известных деятелях Урала.

Из других материалов к этой последней группе фонда отнесены рецензии на труды А. К. Шарца, материалы о его служебной и общественной деятельности, автобиографические материалы, личные документы, книги с дарственными надписями авторов А. К. Шарцу. Сюда же отнесено всё то огромное количество писем, полученных Шарцем со всех концов страны от партийных и советских государственных учреждений, институтов, редакций газет и журналов, издательств, библиотек, музеев и архивов, а также от отдельных лиц. Письма эти представляют в большинстве своём ответы на запросы А. К. Шарца о розыске материалов для «Уральского биографического словаря» или по интересующим его темам, а также по вопросам публикации работ А. К. Шарца и т. д.

С некоторыми из своих корреспондентов А. К. Шарц переписывался десятки лет. Выявлялись общие интересы, и деловые отношения перерастали в дружественные. Примером может послужить многолетняя переписка А. К. Шарца с известным советским писателем Е. А. Федоровым, автором романов «Демидовы», «Ермак».

Завершают эту группу материалов личного архива А. К. Шарца его семейные и служебные фотографии.

Если говорить о перспективах научного использования, то к фонду-коллекции А. К. Шарца исследователя могут подходить

двойко. Во-первых, материалы коллекции, взятые вкуче с материалами государственных учреждений, могут служить целям изучения какого-либо исторического процесса. Например, история культуры, промышленности, сельского хозяйства Урала могут исследоваться по документам фонда, который даст интересный фактический и иллюстративный материал. И, во-вторых, материалы коллекции могут служить незаменимыми источниками для написания биографических работ, используя прежде всего материалы «Уральского биографического словаря». Здесь уместно вспомнить конференцию советских и итальянских историков, проходившую в Москве 12-14 октября 1964 г., где живо обсуждался вопрос о биографическом жанре. Известный итальянский историк Ф. Вентури говорил о важности изучения биографий отдельных исторических личностей. Советские же историки, по его мнению, пользуются этим жанром мало. Он отмечал, что в высшей степени полезными являются биографические словари, подобные тем, которые издаются в Италии и в Польше. Он говорил далее, что очень важно, чтобы каждая страна имела центр изучения исторических личностей, принадлежавших к различным политическим и идеологическим течениям. Советские историки признали справедливость этого замечания. Так, А. Л. Сидоров указал, что советским историкам действительно необходимо расширять биографическую литературу. Разработка биографий Ленина, Плеханова, Герцена имеет большое воспитательное значение. Полезными были бы и биографии представителей буржуазно-либерального движения или даже таких реакционных деятелей, как Катков. Всё дело в том, как будут написаны эти биографии. (См.: История СССР, 1965, № 1, с.213). Думается, что подобное мнение относится и ко многим деятелям Урала, которые ждут ещё своих биографов.

В связи с этим огромная коллекция А. К. Шарца нуждается в том, чтобы о ней больше знали среди литераторов, историков, исследователей, краеведов, больше писали о ней и больше популяризировали.

Работа по составлению и публикации информационных материалов о фонде-коллекции А. К. Шарца только начинается. В местной и центральной печати опубликовано несколько статей о фонде и два небольших обзора материалов уральского публициста и краеведа В. А. Весновского и революционера, писателя и педагога Н. А. Чердынцева, материалы которых в своё время были переданы в архив А. К. Шарцем. Продолжать публикацию подобного рода обзорных материалов шарцевской коллекции

с целью информирования заинтересованных кругов научной и краеведческой общественности сотрудники Государственного архива Пермской области намерены и в дальнейшем.

¹ Сохранилось несколько вариантов статьи: например, один датирован 5 апреля 1974 г. (по нему статья и публикуется), второй – 23 мая 1974 г. в качестве тезисов и третий – 15 ноября 1974 г. Есть и другие. – **Ред.**

² Официальное написание фамилии: С. М. Цвиллинг. – **Ред.**

³ В тексте Л. С. Кашихина, видимо, ошибка. В «Уральский биографический словарь» А. К. Шарца включено имя генерал-лейтенанта М. И. Озимины. – **Ред.**

05.04.1974 г.

Опубликовано:

Тезисы докладов и сообщений вторых уральских «Бирюковских чтений», г. Челябинск, октябрь 1974 г. – [Челябинск, 1974.] – С. 72-76.

Документ с архивной полки

Л. С. Кашихин

Книги старого Чёрмоза

В начале XIX века на Урале, как и по всей России, усиливается разложение крепостного строя; в его недрах развиваются новые капиталистические отношения. Крупные уральские магнаты, заводчики, приспособляясь к новым социально-экономическим отношениям, вынуждены были проводить ряд прогрессивных начинаний, способствовавших увеличению производительности их предприятий. Одним из таких новшеств было введение обучения некоторых крепостных рабочих, чтобы сделать из них грамотных инженеров, мастеров, квалифицированных специалистов. С этой целью они посылают наиболее способных молодых людей обучаться в различные учебные заведения России, а иногда даже за границу. Некоторые богатые владельцы открывают свои специальные учебные заведения. Так, например, поступили Лазаревы, хозяева крупнейшего на Урале Пермского горнозаводского имения. Они открыли в центре его на Чёрмозском заводе в 1811 году так называемое народное училище, готовившее в основном специалистов по горнозаводскому делу. Не только ученики, но и преподаватели этого училища были крепостными. Окончившие училище шли работать на заводы Лазаревых или на канцелярскую работу в главное правление имения и его конторы. Таким образом, старый Чёрмоз в начале и середине прошлого века был своеобразным культурным центром на Урале.

Почти одновременно с училищем в 1812 году в Чёрмозе была основана общественная библиотека. Вскоре свои библиотеки образуются при главном правлении имения, при училище и при госпитале. Эти библиотеки пополнялись в основном за счёт служащих, местной интеллигенции. Сохранился систематический каталог книг Чёрмозской общественной библиотеки, составленный на 1 апреля 1845 года. Систематизация книг была произведена по следующим разделам: богословие и философия – 39 томов, история российская – 161 том, история всеобщая – 163, биографии – 28 томов, словесность – 427 томов, путешествия,

география и статистика – 98 томов, смесь и извести – 100 томов, журналы – 1236 томов. Всего в этот каталог было включено 2340 книг. В разделе философии мы находим сочинения Монтескье «О существе законов», Фонтенеля «Разговор о множестве миров», сочинения других просветителей XVIII века. В разделе по истории значились такие замечательные книги, как «Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений» Н. Новикова, «История государства Российского» Н. Карамзина.

Несомненно, большую ценность представляло, помещенное в разделе биографии, пятитомное собрание с длинным названием «Галерея гравированных портретов генералов, офицеров и прочих, которые мужеством своим, воинскими дарованиями и любовью к отечеству способствовали успехам русского оружия в войну 1812-1814 годов», изданное на русском и французском языках в 1817 году.

Среди значительного количества литературных произведений, судя по тому же каталогу, в Чёрмозской библиотеке имелись сочинения в стихах и прозе Ломоносова, Хераскова, Жуковского, Карамзина, Загоскина, Сумарокова, Погодина, Коцебу, Шиллера, Жорж Занд, Вальтера Скотта. Особо следует отметить поступившую в Чёрмозскую библиотеку в 1812 году «Историческую песнь о походе на половцев удельного князя Игоря Святославовича» (*так у автора. – В. К.*), издания 1800 года. Это то самое первое издание величайшего памятника русской литературы «Слово о полку Игореве», предпринятое А. И. Мусиным-Пушкиным, рукопись со списком «Слова», как известно, сгорела в 1812 году во время московского пожара. Поэтому первое издание приобрело значимость подлинника. Приятно сознавать, особенно сегодня, когда мировая общественность широко отмечает 800-летие одного из величайших поэтических произведений Древней Руси, что экземпляр издания 1800 года находился в одной из библиотек уральского далёкого края. И было бы величайшей удачей, если бы оказалось, что экземпляр этот со штампом Чёрмозской библиотеки дошёл через десятилетия до наших дней. Ведь дошли же и хранятся в личных библиотеках некоторых жителей города Перми единичные экземпляры книг именно из этой библиотеки.

В общественной библиотеке Чёрмоза находились и сочинения первых уральских краеведов, статистиков, географов. Среди них следует назвать «Хозяйственное описание Пермской губер-

нии» Н. Попова, изданное в 1804 году в Перми, а также «Путешествие в города Чердынь и Соликамск» Н. Берха, изданное в Петербурге в 1821 году.

Раздел периодической печати был довольно обширен и разнообразен. Среди годовых комплектов и разрозненных журналов имелись «Отечественные записки», «Сын Отечества», «Горный журнал», «Вестник Европы», «Труды Вольного экономического общества», «Трудолюбивая пчела» и ряд других.

Библиотека Чёрмозского училища состояла в основном из учебников и учебных пособий по разным дисциплинам. Госпиталь собирал книги по медицине. В главном управлении имением Лазаревых были сосредоточены книги по бухгалтерскому учёту, счетоводству, экономике, юриспруденции, а также своды законов Российской империи.

Лазаревы стремились прослыть людьми гуманными, просвещёнными и пускали пыль в глаза высокопоставленному столичному обществу своими разглагольствованиями о том, что их крепостные крестьяне и мастеровые живут не хуже иных свободных, имеют свои больницы, школы и даже библиотеки. Действительно, так оно и было в Чёрмозе, но как исключение. На большинстве же уральских заводов рабочие жили и в нищете, и в невежестве.

Стараясь показать, что их слова не расходятся с делом, Лазаревы иногда посылали в Чёрмоз, свою уральскую столицу, посылки с книгами и журналами. Так, в марте 1833 года Христофор Лазарев писал в Чёрмоз: «В первых числах сего месяца отправлены отсюда водою два ящика с книгами. Книги разделить согласно приложенным при них каталогам частью в Чёрмозскую библиотеку, частью в оное правление, в главный госпиталь и в училище». Просматривая каталоги присланных Лазаревым книг, убеждаешься, что он не имел ни малейшего понятия о духовных запросах своих подданных. Книги были самого неожиданного содержания; видимо, подбирались, что под руку попадёт, или выделенные при чистке вельможной библиотеки в макулатуру. Например, для библиотеки главного Чёрмозского правления были присланы книги «Учреждение для управления большой действующей армией (1812)», «Доклад об устройстве военного поселения (1818)», «Рукопись о конюшнях кавалерийских полков» и многие другие, вызвавшие у служителей если не возмущение, то усмешки. Много низкопробной литературы доставили лазаревские ящики и в публичную библиотеку, например, книги с такими вызывающими недоумение заголовками, как

«Сновидение неспящего человека», «Картина чудных происшествий в мире», «Таинства чёрной башни» и другие. Большинство авторов присланных сочинений ещё при жизни ушло в забвение. Среди присланных книг нет сочинений ни Пушкина, ни Карамзина, ни Гёте, ни Шиллера. Эти авторы попадали в чёрмозские библиотеки другими путями. Но хотя на присланных каталогах книг Лазарев сделал приписки о том, чтобы книги его тщательно берегались, сверялись периодически по каталогам, выдавались на руки под расписку, а в отчетах владельцу сообщалось о их наличии, чёрмозцы быстро избавились от барских книг, не убоясь его гнева. Во всяком случае, в каталоге 1845 года лазаревских книжек уже не значится.

Чёрмозская общественная библиотека разрасталась из года в год. Состав её был богат и содержателен. Недаром краеведы, историки, писатели, занимавшиеся изучением Чёрмозского общества вольности (1836 г.), единодушно отмечали решающую роль в этом, небывалом для России той поры случае антикрепостнического выступления, библиотек старого Чёрмоза.

06.12.1985

Личный архив историка В. С. Колбаса.

Фонд Л. С. Кашихина.

В. С. Колбас

Каталог 1845 года Чёрмозской заводской библиотеки

Работая в Государственном архиве Пермской области (в настоящее время – края) с описями документов фонда «Главное управление имениями и железодельными заводами Абамелек-Лазарева», мне и искусствоведу Евгении Ивановне Егоровой¹ посчастливилось обнаружить «Систематический каталог книгам Чёрмозской общественной библиотеки»². Датой основания библиотеки считается 1815 год, когда у книгопродавца Колоптилина была приобретена для служащих и для школы небольшая библиотека³.

По найденному нами каталогу в библиотеке насчитывалось по состоянию на 1 апреля 1845 года 1236 томов. Кроме того, «книги господские» находились, помимо библиотеки, в Чёрмоз-

ской конторе, при горной чертёжной, при горнозаводском училище, при Кизеловской конторе, у горного смотрителя Воронина и в других местах. Общее количество книг достигало 2340 томов, в том числе книг XVIII века – 325, рукописей – 4, остальные книги – первой половины XIX века.

Книги подразделялись на семь разделов.

По богословию и философии имелось 39 томов. Это сравнительно немного. Значительно больше книг по истории: российской – 161 том, всеобщей – 163 и 28 томов биографий выдающихся личностей. В этом разделе внимание привлекает подборка литературы об освободительной борьбе русского народа против нашествия Наполеона в Россию. Наличие этих книг в библиотеке свидетельствует об искреннем интересе читателей к истории войны 1812 года.

Весьма солидно представлена в каталоге словесность: 427 томов! В их числе – памятник древней русской литературы, рукопись которого погибла во время пожара Москвы в 1812 году, «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича», изданная в 1800 году, а также сочинения Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, Я. Б. Княжнина, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, А. С. Хвостова и других литераторов «века ушедшего». Несомненно, интересны «Древняя российская вивлиофика», «История о невинном заточении боярина Артамона Сергеевича Матвеева» и другие издания и сочинения писателя, журналиста, просветителя Н. И. Новикова. Значительно меньше произведений писателей-современников первой трети XIX века. Но что любопытно, среди книг этого раздела числится поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», 1820 года издания, поступившая в библиотеку в 1837 году.

Много в библиотеке было популярных в прошлом столетии различных альманахов, таких как «Сто русских литераторов» (1841 г.) издателя и книгопродавца А. Ф. Смирдина, «Утренняя заря» на 1841 и 1842 годы В. А. Владиславлева, «Метеор» на 1831 год Ф. Соловьёва. Имелись подборки журналов – случайные и неполные: «Отечественные записки» П. П. Свиньина за 1823, 1824 и 1828 годы; «Северный архив» Ф. В. Булгарина за 1822 и 1823 годы; «Московский телеграф» Н. А. Полевого за 1829 и 1832 годы; «Телескоп» Н. И. Надеждина за 1831 год; «Вестник Европы» М. Т. Каченовского за 1815, 1818–1825 годы; «Сын отечества» Н. И. Греча за 1812–1825 годы и даже «Дамский журнал» за 1830–1831 годы. Наиболее полно представлены «Труды Вольного экономического общества» – с 1766 по 1820 год.

Помимо этого, в каталоге отдельно выделена литература о путешествиях, географии и статистике: в этом разделе числится 96 томов. Девяносто томов имелось в разделе «Промышленность, сельское хозяйство и технология» и сто томов в разделе «Смесь и известия» – по самым различным вопросам и очень пёстрого содержания.

Судьба библиотеки оказалась печальной. Сейчас трудно назвать окончательную дату её гибели. Еще Н. Н. Новокрещенных, летописец завода, в 1889 году отмечал, что заводская часть библиотеки растащена⁴.

Так, осколком погибшей заводской библиотеки является книга, приобретённая мною в июне 1969 года в букинистическом магазине города Перми на Комсомольском проспекте, который располагался ниже ЦУМа – Центрального универсального магазина. Это небольшой томик в кожаном переплёте, размером 8,5 на 14 сантиметров, – «Стихотворения Оссияна, сына Фингалова, барда III-го века», книга, вышедшая в переводе Р. Ф. Тимковского и изданная в Москве в 1803 году в «вольной типографии Гария и компании»⁵. Книга эта хранит следы владельческих надписей, которые позволяют приподнять завесу тайны над её судьбой. Оказывается, «Стихотворения Оссияна» побывали в своё время в книжной лавке Инихова и Базунова, в 1967 году книга попала в собрание пермского библиофила Н. Климова, а от него вместе с другими книгами – в букинистический магазин.

Длительный период «Стихотворений Оссияна» связан с Чёрмозом. На форзаце хорошо читается выведенная порыжевшими чернилами «владельческая» надпись: «Принадлежит общественной Чёрмоского завода библиотеке; цена два рубля; поступила в библиотеку 1812 года октября «» дня. Алексей Клопов». Всё соответствует данным каталога 1845 года: и цена, указанная А. Клоповым, и время поступления книги, что позволяет отнести дату возникновения библиотеки не к 1815 году, а к более раннему периоду. Был и Алексей Егорович Клопов, управляющий Чёрмоского завода с 1848 по 1857 год⁶, оставивший автограф на книге из заводской библиотеки.

Возможно, отыщутся и другие следы библиотеки Чёрмоского завода – в музеях и библиотеках, в книжных магазинах и в коллекциях библиофилов... Путеводной звездой в библиофильском поиске может стать публикация каталога.

⁴Первый вариант данной статьи был написан мною совместно с искусствоведом Евгенией Ивановной Егоровой. См.: Колбас В. С., Егорова Е. И. Библиотека Чёрмоского завода Абамелек–Лазаревых // История библиотеки – история

страны: Тезисы док-дов и сообщений науч.-практ. конф., посвящённой истории библиотечного дела в Прикамье. 16 ноября 1994 г. – Пермь, 1995. – С. 52-59.

² Государственный архив Пермского края. Ф. 280. Оп. 1. Д. 661. Л. 7-26.

³ Новокрещенных Н. Н. Чёрмоозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. – СПб., 1889. – С. 92-93, 133.

⁴ Там же. – С. 93.

⁵ См. библиографический указатель в кн.: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII – первая треть XIX века). – Л., 1980. – С. 160 (№ 67).

⁶ Новокрещенных Н. Н. Чёрмоозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. – СПб., 1889. – С. 152, 160.

Опубликовано:

История библиотеки – история страны: Тезисы докл. и сообщ. науч.-практ. конф., посвящённой истории библиотеч. дела в Прикамье. 16 ноября 1994 г. – Пермь, 1995. – С. 52-59. – (Соавтор Е. И. Егорова).

История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья: (Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.). – Березники, 1995. – С. 86-88.

Колбас В. С. И медлит времени течение... – Пермь: ИЦ «Титул», 2018. – С. 214-216.

У него было имя – Леон Кашихин

В. С. Колбас

Кашихин Леон Сергеевич

Кашихин Леон Сергеевич (22, по офиц. док-там 25.05.1932, Ленинская ферма совхоза «Приволье» Маслянского р-на Уральской обл., позже совхоз «Ленинский» Абатского р-на Тюменской обл. – 01.02.1997, г. Пермь). В детстве с 1936 по 1946 гг. жил в г. Уржуме Кировской области, с лета 1946 до зимы 1947 гг. – в д. Рыкуши Лихославльского района Калининской области, с 1947 г. – в г. Пыталово Псковской области. В 1947-1950 гг. учился в Пыталовском зоотехническом техникуме, по окончании которого был распределён в Гдовский отдел сельского хозяйства, где работал с 1950 по 1953 гг. вначале на центральном зооветучастке, затем заведующим Луневщинским зооветпунктом в д. Юшкино. В 1952 г. в г. Гдове Псковской области закончил 10-й класс ШРМ. В 1953 г. сдал экзамены и был зачислен в Московский зоотехнический институт коневодства и одновременно в Московский государственный историко-архивный институт. Выбрав второй, закончил его в 1958 г. по специальности историк-архивист и по распределению был направлен в Тюмень.

Работал научным сотрудником (1958-1960), и. о. начальника (1960-1961) Тюменского областного архива, в январе 1961 г. назначен начальником, в ноябре 1962 г. научным сотрудником Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области. Принимал участие в подготовке путеводителя по государственным архивам Тюменской области, публикаций документальных обзоров и архивных материалов по истории Западной Сибири, очерков о ссыльных поляках и Ямало-Ненецком округе.

В апреле 1963 г. Л. С. Кашихин переехал в г. Пермь. С 1963 по 1984 гг. работал в Государственном архиве Пермской области (ГАПО) начальником отдела фондов Октябрьской революции и социалистического строительства, заведующим отдела обеспечения сохранности документов. Л. С. Кашихин был инициатором создания в ГАПО отдела личных фондов, сбор, обработка, изуче-

ние, публикация которых (как, например, семейного фонда Богословских, родового фонда Теплоуховых, фондов Ф. А. Волегова, А. А. Дмитриева, В. Н. Шишонко, К. Т. Хлебникова и др.) стали главным делом его жизни. Под руководством Л. С. Кашихина была проведена научно-техническая обработка новых фондовых поступлений и усовершенствование старых архивных фондов ГАПО. Это позволило исследователям и самому Л. С. Кашихину ввести в научный оборот новые документы и факты, в частности, об общественном деятеле и краеведе Д. Д. Смышляеве, исследователе Русской Америки К. Т. Хлебникове, о многих пермских учёных и революционерах Прикамья. В качестве автора и составителя документальных сборников Л. С. Кашихин принимал участие в подготовке и публикации многотомной миниатюрной библиотеки «Пермская лениниана». В 1981 г. Главное архивное управление при Совете Министров РСФСР наградило Л. С. Кашихина дипломом и третьей премией за участие в научной разработке документальных источников и подготовке документальных сборников по истории социалистического строительства в Пермской области.

Л. С. Кашихин активно занимался изучением истории пермского краеведения. Им опубликованы статьи об историках и краеведах Урала: Д. М. Бобылёве, П. С. Богословском, В. С. Верхованцеве, В. А. Весновском, С. М. Гинце, А. А. Дмитриеве, Ф. А. Прядильщикове, Д. Д. Смышляеве, В. Н. Трапезникове. Много лет он работал над книгой о докторе медицины, педагоге и краеведе П. Н. Серебренникове, которая вышла в Пермском книжном издательстве в 1991 г. в серии «Замечательные люди Прикамья».

В 1984 г. Л. С. Кашихин перешёл на должность искусствоведа в Пермское специальное научно-реставрационное управление. Здесь он проработал практически до конца своей жизни, до июня 1996 г. Им были составлены исторические записки на памятные места и отдельные памятники истории и культуры Березников, Добрянки, Ильинского, Кунгура, Осы, Оханска, Перми, Соликамска, Суксуна, Усоля, Чёрмоза.

Л. С. Кашихиным собрана богатая краеведческая библиотека и личный архив, переданный им историку и краеведу В. С. Колбасу. Библиотека, к сожалению, оказалась разрозненной, но большая часть её хранится у В. С. Колбаса и искусствоведа М. А. Волгаревой.

Л. С. Кашихин принимал активное участие в деятельности краеведческих обществ Перми, в работе ВООПИК, Пермского областного краеведческого музея, пермской городской комиссии

по наименованию улиц и пр. В 1980 г. решением Президиума Центрального совета ВООПИК он награждён нагрудным знаком «За активную работу в обществе». По заданию Пермского областного отделения ВООПИК Л. С. Кашихин подготовил методические рекомендации по организации работы краеведа-историка и по обработке личных архивов. Он является одним из авторов пермского тома «Материалов Свода памятников истории и культуры РСФСР» (М., 1978). Всего в печати опубликовано около 180 работ Л. С. Кашихина.

Похоронен Л. С. Кашихин на Северном кладбище г. Перми.

Соч.: Сельское хозяйство и крестьянство Западной Сибири (XVII-XX вв.): (Обзор док-тов). – Тюмень, 1960. (В соавт.); 30 лет Ямало-Ненецкого округа: (Истор.-экон. очерк). – Тюмень, 1960. (В соавт.); Путеводитель по государственным архивам Тюменской области. – Тюмень, 1962. (Сост., в соавт.); Участники польского восстания 1863-1864 гг. в Тобольской ссылке. – Тюмень, 1963. (В соавт.); Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917-1920 гг.): Сб. док-ных мат-лов. – Свердловск, 1967. (Сост., в соавт.); К биографии русского путешественника К. Т. Хлебникова: (По новым мат-лам) // Конференция, посвящённая 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа: (Проблемы исследования Америки в XIX - XX вв.). Ленинград, 22-24 окт. 1974 г.: Тез. док-дов. – Л., 1974; Обзор фонда К. Т. Хлебникова // Советские архивы. – 1974. – № 4; Методические рекомендации по обработке личных архивов: (В помощь краеведам). – Пермь, 1975. (Сост.); Методические рекомендации по организации работы краеведа-историка. – Пермь, 1976. (Сост.); По пути коллективизации. Трудящиеся Прикамья в борьбе за коллективизацию сельского хоз-ва (1927-1937 гг.): Сб. док-тов и мат-лов. – Пермь, 1978. (Сост., в соавт.); «Дедушка пермского прогресса» // Подвижники культуры Серебрянниковы. – Пермь, 1991.

Лит.: Наш Леон: Сб. док-тов и мат-лов, посвящённых памяти Кашихина Леона Сергеевича. – Пермь, 1998; Шмидт С. О. Л. С. Кашихин – архивист, краевед // Отечественные архивы. – 1998. – № 4.

Опубликовано:

Краеведы и краеведческие организации Перми: Библиографический справочник. – Пермь, 2000. – С. 145-146.

Архив и архивисты полвека назад

Глядя сейчас на здания Государственного архива Пермской области – с множеством кабинетов, лабораториями и солидным штатом сотрудников, я невольно устремляю свой взор в далёкое прошлое, вспоминая, как в конце июля 1953 года состоялось первое знакомство с Молотовским (тогда) областным государственным архивом вчерашней студентки Московского государственного историко-архивного института, присланной по распределению для работы в архиве.

Все государственные архивы страны в то время находились в непосредственном подчинении МВД, поэтому по приезду я должна была в первую очередь обратиться в архивный отдел областного управления внутренних дел.

Сравнительно недавно отстроенное здание Молотовского УВД, в народе именуемое «Башней смерти», острым клином врезалось в теперешнюю Комсомольскую площадь, завершая территорию поселка Сталинского (тогда) завода и одноимённого проспекта.

На пустыре перед зданием УВД (там, где сейчас сквер) в дождливое время стояла непросыхающая «миргородская» лужа, а в сухое – тучи пыли, поднимаемые ветрами и транспортом. Пейзаж дополнялся ветхими деревянными строениями (кое-где барачного типа) по обе стороны Комсомольского проспекта. Очень хорошо запомнился двухэтажный деревянный сруб на углу Красноармейской улицы, подпертый со стороны проспекта здоровым столбом. В нем помещалось 39-е отделение связи. На месте кинотеатра «Кристалл» стоял длинный одноэтажный барак. Уже красовалось здание «Пермэнерго», напротив которого строился Дом научных работников. Чуть ниже стояло здание 9-й школы. Рядом, за высоким забором, детская больница. На месте теперешнего технического университета располагался большой колхозный рынок, пределы которого ограничивались многочисленными деревянными магазинчиками и лавочками, торговавшими всем, вплоть до сданных на комиссию предметов антиквариата. Окончательному оформлению и преобразению Комсомольского проспекта Пермь обязана Анатолию Григорьевичу Солдатову в период его возвращения в Пермь в качестве председателя Пермского совнархоза. Ему же Пермь обязана и реконструкцией театра оперы и балета.

Итак, в определённый моим направлением день я должна была явиться в архивный отдел УВД Молотовской области.

Нужно сказать, что как до, так и после Великой Отечественной войны архивы были и оставались научно-исследовательскими учреждениями. Соответственно, в штате архива числились старшие и младшие научные сотрудники и архивно-технические сотрудники. До войны труд архивистов оплачивался весьма достойно – 800 руб. для старших научных сотрудников, 690 руб. – для младших научных сотрудников и 310 – для архивно-технических. Начальник архивного отдела, начальник архива и начальники отделов занимали должности старших научных сотрудников. Однако после войны, когда ставки большинства учреждений были пересмотрены в сторону значительного увеличения, руководство МВД «забыло» об архивах. Ставки остались прежними, несмотря на возросшую дороговизну жизни. Престижность профессии была утрачена. Ученые, возглавлявшие раньше архивные учреждения, постепенно заменялись случайными людьми. Основными требованиями при назначении на руководящие архивные должности стали партийность и партийный стаж. Чаще всего эти должности занимали пожилые люди, уставшие от основной специальности (например, учителя) или отставшие от потока времени бывшие партийные деятели. Таким был и «старый большевик» В. Г. Романов, возглавивший архивный отдел УВД Молотовской области после ухода в науку достаточно молодого Феофана Александровича Александрова. Для последнего работа на архивном поприще была трамплином в науку: на материалах архива он написал кандидатскую диссертацию и после успешной защиты был приглашён на исторический факультет ПГУ.

Вот к упомянутому В. Г. Романову мне и предстояло явиться.

В вышитой косоворотке, приземистый полноватый мужчина, с невыразительным, как картофелина, лицом, на котором, как говорится, интеллект не ночевал, он был похож на завхоза отстающего колхоза. И уж никак не на старшего научного сотрудника – руководителя областного архивного ведомства.

Наш разговор совершенно стёрся в моей памяти. Запомнилось только, что это по его инициативе был запрошен молодой специалист на место младшего научного сотрудника, которое сейчас занимал человек без высшего образования. Это меня неприятно поразило. Ещё более я была поражена, когда начальник отдела кадров УВД полковник В. Е. Калабин, которому меня представил Романов, без обиняков заявил мне: «А вообще-то у

нас это место занято, не знаю, что с Вами делать!» Я ответила: «Что ж, пишите отказ, и я с удовольствием уеду в Москву». Здесь он уже пошёл на попятный и сделался более дружелюбным.

Мне объяснили, как найти архив, и по пыльному немощённому Комсомольскому проспекту (бульвара тогда не было) я пошла его искать, на каждом шагу спрашивая, далеко ли до архива и получая в ответ недоуменные взгляды редких прохожих.

Когда, наконец, я нашла его на задворках детской больницы, здание архива произвело на меня угнетающее впечатление: низкое, мрачное, длинное приземистое строение (цокольный этаж недостроенного в дореволюционные годы здания Народного дома). К нему со стороны улицы Краснова вела дощатая дорожка вдоль забора, отгораживающего территорию детской больницы. Несколько ступенек деревянного крыльца приводили к обшарпанной двери, обитой дерматином, из рвани которой торчала ватная начинка. За дверью был мрачный коридор, по правую сторону которого располагались четыре небольших кабинета.

В первом находились секретарь, справочный работник и, как помнится, здесь же стоял стол старшего научного сотрудника, занимавшегося работой по использованию (тогда – Е. Н. Лукьяновой).

Второй кабинет в то время играл роль читального зала. В нём могло уместиться не более четырёх человек. За ним следовал кабинет начальника архива (в то время – Л. П. Шардиной). Последним был кабинет начальника отдела секретных фондов (Л. А. Трефиловой) и закреплённого за отделом архивно-технического работника.

Единственная дверь на левой стороне коридора вела в так называемую разборочную комнату. Рядом с этой дверью стоял дерматиновый диван, предназначенный для отдыха посетителей. За ним, поперёк коридора, стоял огромный старинный шкаф, используемый для хранения всякой хозяйственной утвари. За шкафом был закуток с рукомойником и кухонным столом. Помнится, что там стоял огромный самовар, но им в то время уже не пользовались. Здесь же была топка голландской печи, обогревавшей кабинеты.

Разборочная комната, в которую нужно было сходить по нескольким деревянным ступенькам, представляла собой большой зал с высокими потолками и двумя огромными круглыми голландскими печами, отапливаемыми дровами. Метраж

этого помещения мне сейчас трудно определить, но 50 квадратных метров, несомненно, там было. Половину пространства разборочной занимали два огромных старинных деревянных стола, на которых грудились дела, подлежащие обработке. Вдоль правой стены упирался в потолок деревянный стеллаж с делами неопределенной фондовой принадлежности.

Вторая половина разборочной (с помощью книжных шкафов, в которых хранилась справочная литература) была поделена на три неравные части, большую из которых (среднюю) занимал отдел фондов Октябрьской революции и социалистического строительства (АОР), возглавляемый тогда старшим научным сотрудником М. Г. Щербаковым. В штат его отдела входил один младший научный сотрудник (до меня – З. В. Лобовикова) и два архивно-технических работника. Здесь же находился и стол завхоза архива.

Слева от АОРа находилась резиденция отдела дореволюционных фондов (истарха). Его возглавляла старший научный сотрудник М. Н. Фирсова (Царт), в то время находившаяся в декретном отпуске. Отделу полагался один архивно-технический работник.

Непосредственно перед входом в хранилище было отведено место для справочной работы. Исполнением справок занималась архивно-технический работник И. Д. Кожевникова (Мерзлякова).

Огромное хранилище (метров 50 в длину и 5 – в ширину), оборудованное грубыми деревянными стеллажами, не отапливалось и даже летом в него можно было ходить только в специальных стёганных телогрейках. Его продолжало помещение, отведённое для уникальной краеведческой библиотеки архива. Помещение за библиотекой называлось «макулатурной комнатой». Помню, что там валялась масса дореволюционных фотографий духовенства Пермской губернии. Из «макулатурной» был выход в довольно большой двор архива. Все «удобства» были во дворе, где находился также огромный сарай, в который безжалостно были свалены «лишние» экземпляры дореволюционных периодических изданий. Когда и по чьему распоряжению это было сделано, трудно сказать. Периодически на этот «развал» литературы приходили преподаватели и аспиранты университета, чтобы пополнить свои краеведческие домашние библиотеки.

Архив только-только оправлялся после реэвакуации Центрального государственного архива Октябрьской революции.

В АОРе трудились над обработкой фонда Пермского губисполкома. В истархе шла кропотливая работа над фондом пермского губернатора. Тщательно приводились в порядок материалы секретного отдела.

В штате архива в послевоенное время появились специалисты с высшим историко-архивным образованием, выпускники Московского государственного историко-архивного института, в котором тогда преподавали такие корифеи отечественной исторической науки, как Л. В. Черепнин, В. К. Яцунский, А. А. Зимин, С. О. Шмидт и другие. В 1947 г. на работу в Государственный архив Пермской области приехала Е. Н. Лукьянова, в последующие годы – Л. А. Трефилова, М. Н. Фирсова.

Но всё вышесказанное я узнала позднее.

А в тот первый день, не без труда найдя архив, я вошла в тёмный коридор, освещённый тусклой лампочкой и светом, падавшим из «приёмной» секретаря.

Начальник архива – Л. П. Шардина – была в отпуске, её замещала Елена Николаевна Лукьянова, встретившая меня сдержанно приветливо. Сразу чувствовалось, что это человек самодостаточный, с большим чувством собственного достоинства. Что-то в ней было от чопорной классной дамы и в манере говорить (назидательной), и в манере одеваться, и в причёске, и даже в круглых очках. Нужно сказать, что через пару лет она совершенно преобразилась, расставшись со старушечьим пучком и подружившись с отличной портнихой. Но тогда она выглядела типичным «синим чулком».

Елена Николаевна ввела меня в курс архивных дел, сказала, что искренне рада пополнению архива ещё одним специалистом, что двое других специалистов находятся в отпусках, что сама она занимается в архиве работой по использованию и в настоящее время выявляет документы для сборника, посвящённого 50-летию первой русской революции. Затем последовало моё представление коллективу и экскурсия по хранилищу.

Несмотря на жаркое лето, каменный мешок разборочной был весьма прохладен. «Прохладной» была и встреча: ведь я фактически приехала на «живое» место.

– Знакомьтесь: это наш новый научный сотрудник – Наталия Дмитриевна Алечикова, – сказала, представляя меня, Елена Николаевна.

– Можно просто – Наташа, – тихо проблеяла я.

– Нет, именно Наталия Дмитриевна – привыкайте, – повелительно возразила Елена Николаевна. Сотрудники восприняли

это как должное. Так имя Наташа осталось в употреблении только у родственников и близких друзей.

Начальник отдела АОР, на должность младшего научного сотрудника которого я была определена, – пожилой мужчина пенсионного возраста – был по специальности учителем географии, но работал в архиве уже несколько лет. Это был немногословный бесконфликтный человек. Он не оставил в моей памяти заметного следа. Моё появление в архиве он воспринял равнодушно.

Другое дело – младший научный сотрудник Зинаида Васильевна Лобовикова, на место которой меня направило Главное архивное управление СССР. Она тоже уже несколько лет работала в архиве, оставив учительство в начальной школе. Её неприязненное отношение ко мне, хотя и было по-человечески легко объяснимо, глубоко ранило меня. Она была, по всей видимости, хорошим человеком, и все сотрудники были полны сочувствия к ней. Я оказалась без вины виноватой. Первое время мне приходилось работать на каком-то островке отчуждённости, общаясь только с Еленой Николаевной.

К отделу АОР были приписаны два архивно-технических работника, в обязанности которых входили подшивка, ремонт, нумерация дел находящегося в обработке фонда и подсобные работы в хранилище. Это были молоденькие деревенские девочки, приехавшие в город в поисках своего нехитрого счастья. Долго в архиве они обычно не задерживались. Состав их постоянно обновлялся.

Очень хорошо помню первые дни работы в архиве. Я была подключена к обработке большого фонда Пермского губисполкома. Нужно было на практике применить ту теоретическую подготовку, которую дал мне родной институт. К архивной практике в стенах института все студенты относились легкомысленно: проходила она в Лефортовском военно-историческом архиве, и для обработки нам выдавалась заведомая макулатура, о чем мы, разумеется, знали. Отсюда и несерьезное к ней отношение. Настоящую практику нам посчастливилось пройти после окончания 3-го курса в архиве литературы и искусства, где каждый из нас должен был полностью обработать по два небольших фонда. Мне довелось обрабатывать фонд Владимира Соловьева, и я занималась этим с увлечением.

Однако специфика обработки личных фондов не давала навыков в обработке ведомственных фондов с разнообразием

форм их документов. Составление заголовков, выявление крайних дат, точное определение фондообразователя, систематизация дел перед описанием (пять принципов – какой выбрать?) – всё это осложнялось безграмотностью делопроизводства первых лет Советской власти. А мне именно здесь предстояло продемонстрировать свою состоятельность как дипломированного специалиста.

Первое время я работала как пчела, боясь хоть на минуту отвлечься от порученного дела. Стеснялась ходить на перерыв. Еще более стеснялась получать зарплату. В общем, комплексовала по всем статьям.

Вскоре пришла знакомиться с новым пополнением архива Маргарита Никитична Фирсова (Царт) – очаровательная блондинка с сияющими глазами и ослепительной белозубой улыбкой. Она была в «интересном положении», как говорили в добрые старые времена, и это положение было очень ей к лицу. Её необыкновенная общительность, добрый юмор и оптимизм сразу расположили меня к ней. Часа два она расспрашивала меня о новостях Москвы и института, о знакомых профессорах. Мы как-то сразу приняли друг друга.

Возвратилась из отпуска начальник архива Лидия Павловна Шардина. Это была женщина предпенсионного возраста, худенькая, небольшого роста, очень говорливая, с вечной папироской у рта. Бывшая учительница, член партии (иначе и быть не могло), овдовев, она одна воспитывала двух дочерей, активно участвовала в деятельности партийной организации УВД, гордилась многочисленными знакомствами в руководстве УВД и научном мире и была очень демократичным начальником.

С затаённой тревогой я ждала возвращения из отпуска Ленианы Алексеевны Трефиловой, о которой в коллективе говорили хоть и с почтением, но почему-то и со страхом. И вот – явилась она – лёгкая, изящная, с умным серьёзным лицом, совершенно не похожая на того угрюмого монстра, каким она представлялась мне по отдельным репликам сотрудников. Она приняла моё появление с необыкновенным радушием. Именно ей я обязана своим профессиональным становлением. К ней я бегала по всем сложным вопросам, возникавшим в процессе работы, и никогда, ни в каких вопросах, касающихся профессии, она не отмахнулась от меня, всегда очень серьёзно и внимательно вникала в них и помогала в их разрешении. Она буквально пестовала меня как специалиста. Она была требовательна и справедлива. Архивно-технические работники в её отделе всегда «ходили

по струнке». Зато и её отдел был в образцовом состоянии. Я никогда не видела, чтобы в рабочее время она занималась досужими разговорами. Всегда собранная, целеустремлённая, с чётким заданием самой себе на очередной рабочий день. У неё был, безусловно, сложный характер, она терпеть не могла разгильдяйства в работе и всегда напрямую высказывала своё возмущение или несогласие с действиями архивного руководства. Порядочность и принципиальность были одними из основных качеств её характера. Мы подружились. И хотя в течение 20-летней совместной работы в архиве не обходилось без размолвок и обид, до настоящего времени мы сохранили тёплые отношения.

Первый год я была занята в основном научно-технической обработкой и досконально освоила все её стадии – от подшивки до составления описи. В процессе работы даже составила инструкцию о трёх вариантах подшивки дел. Ни о каком переплете дел тогда не было и речи: подшивались даже дела свыше 200 листов.

Однако неотвратимо приближался юбилей революции 1905 года, к которому архив, наряду с областными архивами всей страны, должен был выпустить сборник документов, показывающих развитие революционных событий в нашем крае, и пустить в широкий научный оборот важнейшие и интереснейшие документы периода революции 1905-1907 гг.

Работа велась в содружестве с областным партийным архивом, кафедрой истории СССР Пермского государственного университета и Пермским книжным издательством в лице его редактора Бориса Никандровича Назаровского, замечательного человека лихачёвского склада ума, большого патриота нашего края, эрудита, создававшего вокруг себя такую интеллектуальную ауру, которая накладывала отпечаток на всю жизнь соприкасавшихся с ним людей.

Ответственным составителем сборника была Е. Н. Лукьянова, вдумчивый, серьёзный, педантичный исследователь, прекрасный знаток правил археографии. Никакого отдела использования, как уже упоминалось, не было и в помине. Она одна занималась выявлением и отбором документов. Однако, когда очередь дошла до археографического оформления документов, в 1954 г. к работе над сборником были привлечены все научные сотрудники архива, в том числе и я (в то время я уже была старшим научным сотрудником).

С участия в подготовке этого сборника началась моя работа в использовании документальных материалов. Мне было поручено составление справочника по заводам Пермской губернии. В процессе работы я подняла большой пласт краеведческой литературы и составила довольно подробные справки по всем упомянутым в сборнике заводам. Хотя при публикации, в связи с дефицитом объёма сборника, справочник превратился в простой указатель, работа над ним для меня была очень познавательна и интересна и приобщила меня к исследовательской работе, к которой я питала склонность ещё на студенческой скамье.

Научным редактором сборника был профессор Ф. С. Горовой. Мои воспоминания о нём и Б. Н. Назаровском опубликованы в сборнике «Документальная память эпохи»¹. До конца своих дней он активно участвовал в жизни архива, был председателем научного совета архива. Одной из главных задач архива Ф. С. Горовой считал организацию использования документальных материалов, в частности, публикаторскую работу. Под его научным руководством были подготовлены и выпущены в свет сборники документальных материалов «Революция 1905-1907 гг. в Прикамье» (1955 г.), «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии» (1957 г.), «Упрочение Советской власти в Пермской губернии» (1966 г.).

В работе над сборниками постепенно формировалась группа использования, которая окончательно оформилась после ухода Е. Н. Лукьяновой на преподавательскую работу в ПГУ. Возглавила группу Л. А. Трефилова. В группу вошли я и И. Г. Горвая. Однако и остальные научные сотрудники активно участвовали в работе по использованию: готовили статьи для периодики, радио, телевидения, работали над подготовкой докладов и сообщений на научных конференциях ПГУ, Свердловска, Казани, нашего краеведческого музея. Особенно всеохватной была работа над подготовкой сборника документальных очерков «Революционеры Прикамья», приуроченного к 50-летию Октября.

Во второй половине [19]50-х гг. архив пополнился ещё двумя выпускниками историко-архивного института. По распределению появилась в архиве Лидия Павловна Матвеенко и переводом из Тобольска – Леон Сергеевич Кашихин².

Л. П. Матвеенко попросила распределения в Пермь, т. к. здесь жили её родители. Это была практичная и целеустремленная особа, которая чётко определила свои жизненные планы: вступление в партию, сдача кандидатского минимума, защита

диссертации, замужество. Все это она успешно воплотила в жизнь и к середине 60-х гг. покинула пределы Перми.

Другое дело – Леон Сергеевич Кашихин. Это был, как говорится, архивист «от Бога». До безобразия скромный, без всяких амбиций, он был настоящим учёным, влюблённым в свою работу, отдающим ей не только рабочее, но и всё своё свободное время. Леон Сергеевич активно и методично собирал свою собственную краеведческую библиотеку и вплоть до ухода из архива держал её в своём рабочем кабинете. По официальному статусу Леон Сергеевич был начальником отдела хранения, и им было обработано немалое количество сложных фондов. Он стоял у истоков сосредоточивания в архиве личных фондов видных деятелей Пермского края. Одновременно он активно и плодотворно участвовал в работе по использованию документальных материалов архива. Наряду с другими сотрудниками он стал одним из авторов очерков «Революционеры Прикамья», много писал для газет «Звезда» и «Вечерняя Пермь», готовил интересные телепередачи. С первых дней его появления в архиве у нас установились дружеские отношения, сохранившиеся вплоть до его безвременной кончины. Его болезнь и гибель явились результатом травли со стороны начальника архивного отдела В. В. Котова, который целенаправленно и успешно выживал из архива всех специалистов. Леон Сергеевич ушёл последним, но состояние постоянного нервного стресса, в котором ему пришлось работать в течение нескольких лет, не прошло для него даром.

К концу [19]50-х гг. в архиве работал крепкий и дружный коллектив профессионалов, который пополнился ещё одним выпускником историко-архивного института Маргаритой Ивановой Плясовой, занявшей вакантное место директора архива. До поступления в институт она некоторое время работала инспектором архивного отдела УВД. До её возвращения в Пермь начальник отдела кадров УВД уговорил меня возглавить архив, поэтому у меня были все основания больше всех радоваться её появлению. Умная, сдержанная, доброжелательная и достаточно властная, она очень быстро адаптировалась на месте директора и включилась в работу по использованию.

Все вопросы работы архива обсуждались на ежедневных «пятиминутках» у директора. Таким образом, каждый отдел знал, чем занимаются в других отделах, и участвовал в разрешении их текущих проблем.

Примерно в это же время внутри архива произошли некоторые перестановки: читальный зал был перемещен в разборочную, его место заняла группа использования (Трефилова, Аленичкова, Горовая). Здесь же притулился Леон Сергеевич, бывший тогда начальником АОРа. Кабинет секретного отдела занял истарх.

Количество исследователей, работавших в читальном зале, из года в год возрастало (этим и были вызваны перемещения). Если в начале [19]50-х гг. в читальном зале работали преимущественно Ф. С. Горовой и Ф. А. Александров, то к началу [19]60-х над сбором документов к диссертациям здесь трудились все преподаватели и аспиранты исторического факультета ПГУ – будущие известные историки нашего края Я. Б. Рабинович, М. И. Черныш, П. И. Хитров, В. Н. Устюгов, В. В. Мухин, А. В. Шилов, И. С. Капцугович и др. Собирали материалы по истории медицины в нашем крае В. Т. Селезнёва (будущий профессор медицины) и В. С. Бабушкин. Появились исследователи из Свердловска, Казани, Ижевска, Москвы. Затребованные читателями дела выдавались в день подачи требования. Для иногородних был установлен особый режим, при котором они могли работать в читальном зале и в вечернее время. Для этого устанавливались дежурства научных сотрудников. В общем, делалось всё для удобства исследователей. Школьники к работе в читальном зале не допускались. По особым ходатайствам допускались студенты-дипломники исторического факультета.

В начале [19]60-х гг., после передачи архива из ведения УВД в подчинение облисполкома, в руководство архивным отделом пришла Юлия Ивановна Пьянкова. Нужно сказать, что время её нахождения на этом посту было счастливым и плодотворным временем в работе архива. Бывший профсоюзный работник, умный, хорошо разбирающийся в людях человек, она и не стремилась досконально овладеть архивным делом, целиком доверившись профессионализму научных сотрудников архива, поощряла широкие научные связи архива, участие сотрудников в региональных и межвузовских конференциях, поддерживая их инициативы и помогая в решении организационных и хозяйственных вопросов. И коллектив никогда не подводил её. Именно в её бытность было, наконец, завершено строительство нового здания архива на Городских Горках и состоялось «великое переселение» фондов архива на новое место.

Это была целая эпопея. Коллектив архива был разделён на две группы, одна из которых работала в старом здании, другая –

в новом. В работе участвовали все без исключения работники архива во главе с директором. В помощь архивистам была прикомандирована группа солдат. В старом здании каждый день выстраивалась цепочка сотрудников с интервалом метра в три. Снятые со стеллажей связки дел перебрасывались с рук на руки до открытых дверей хранилища, у которых стоял открытый грузовик. Солдаты забрасывали связки в грузовик, где их сослуживец ловил их и компактно укладывал в кузове. Дело было зимой: помню, что очень мерзли руки. Обратный процесс происходил в новом здании. И так – все 8 часов рабочего дня. Это было тяжёлое, но весёлое время.

После переезда в новое здание работа по использованию стала набирать новые обороты. В архив зачастили представители радиокомитета и телевидения. Начались регулярные пятиминутные выступления архивистов в ежедневной телевизионной передаче «Пермь вечерняя» (кажется, так она назвалась). Был подготовлен цикл получасовых телевизионных передач, освещающих знаменательные события истории нашего края. Помнится, это были ежемесячные передачи и продолжались они около двух лет. Шли передачи на радио. Готовились статьи для газет по новым находкам архива. Шла работа над тематическими обзорами фондов. Продолжалась работа над сборником «Революционеры Прикамья». За ней следовала работа над сборниками по истории индустриализации и истории коллективизации края. Работа над сборниками велась в сотрудничестве с партийным архивом Пермского обкома КПСС и областным краеведческим музеем.

В это же время активно и успешно работал научный совет при архивном отделе, в состав которого входили видные историки ПГУ, Б. Н. Назаровский – от областного книжного издательства, Н. А. Аликина – от партийного архива Пермского обкома КПСС, Л. Г. Дворсон – от областного краеведческого музея. Председательствовал профессор Ф. С. Горовой. Совет обсуждал вопросы, связанные с публикаторской деятельностью архива; с проблемами подготовки путеводителя по архиву, которым в то время занималась М. Н. Царт, и т. п.

Дружная и слаженная работа коллектива в это время объяснялась замечательным климатом внутри коллектива, творческой атмосферой, стабильностью коллектива, сплочённого более чем десятилетним совместным трудом.

Перемены к худшему обозначились после ухода с поста директора М. И. Плясовой, а потом и Ю. И. Пьянковой (в связи

с тяжёлой болезнью). Их сменил сначала в архиве, потом и в архивном отделе А. М. Селянкин – мелкий интриган и жулик, тихо расхищавший уникальную библиотеку архива и воровавший марки с конвертов, подшитых в дореволюционные дела. По этому поводу мы обратились в Мотовилихинский райком партии, была создана комиссия по расследованию нашей жалобы, которая сочла её обоснованной. Несмотря на предпенсионный возраст, на виду у всего коллектива он завёл шашни с одной из сотрудниц. Пошли сплетни, не способствовавшие здоровой обстановке в архиве.

Но непоправимый удар по коллективу архива был нанесён после назначения на должность начальника архивного отдела В. В. Котова. Мелкий бесперспективный чиновник, дорвавшийся до небольшой власти, он сразу повёл себя как слон в посудной лавке. Его работа началась с заявления о том, что коллектив нуждается в обновлении и омоложении. Началась систематическая изощёренная травля оставшихся в архиве специалистов (к этому времени Л. А. Трефилова уже работала в ПГУ, М. И. Плясова уехала в другой город). Вспоминать подробности всех перипетий этой драмы мне до сих пор тяжело. Для меня работа в архиве была делом жизни.

Я каждый день шла на работу, как на праздник. Даже дома не переставала думать с радостью о том, что предстоит сделать на следующий день. Так же самозабвенно были преданы архивному делу все мои коллеги. Котов всячески мешал нормальной работе коллектива, ставил палки на пути полезных инициатив, создавал нервную обстановку в коллективе. Особенную неприязнь он испытывал к работе по использованию документов. Вплоть до того, что мне пришлось обращаться непосредственно к секретарю облисполкома С. В. Березнякову для того, чтобы получить необходимую командировку в ЦГАОР для выявления материалов к сборнику «История индустриализации Прикамья». Кстати, этот сборник, который мне пришлось дорабатывать уже уйдя в университет, был премирован в последствии Главным архивным управлением как один из лучших. Дошло до того, что сотрудники писали на него жалобы в облисполком. Началось бегство специалистов из архива. Еще в бытность Ю. И. Пьянковой меня неоднократно приглашал на работу в ПГУ тогдашний декан исторического факультета И. С. Капцугович. Но я и думать не хотела об уходе из архива. В ноябре 1975 г. я приняла очередное приглашение в университет. Это было решение отчаяния: я чувствовала себя на грани инфаркта.

К этому времени ушли из жизни Ф. С. Горовой и Б. Н. Назаровский, которые, я уверена, не допустили бы выдавливания из архива специалистов с многолетним стажем, людей, преданных делу и болеющих за него.

Началась затяжная кадровая свистопляска.

¹См.: Аленчикова Н.Д. Ф. С. Горовой и Б. Н. Назаровский в истории Госархива Пермской области // Документальная память эпохи: тезисы докладов и выступлений научно- практической конференции 21 октября 1999 г. – Пермь, 1999. – С.70-73.

²Л. С. Кашихин переехал в Пермь из Тобольска в апреле 1963 г. – **Ред.**

Опубликовано:

«Никто и ничто не минуют архива»: [Сб.] / Сост. В. Г. Светлаков. – Пермь, 2004. – С. 17-28.

Л. В. Мишланова

Сам себе не изменил

Среди знатоков пермской старины есть люди по рождению и воспитанию не здешние. Но однажды попав на эту землю да углубившись в её удивительное прошлое, да найдя там, в навсегда, казалось бы, исчезнувших веках, близких по духу предшественников, человек буквально «прикипает» к истории пермского края и посвящает ей всю свою жизнь.

Вот и Леон Сергеевич Кашихин родился в Тюменской, учился (между прочим, на зоотехника) в Псковской области и только после Московского историко-архивного института и нескольких лет работы в архивах Тюмени и Тобольска приехал в Пермь. Было это в 1963 году.

В ту пору государственный архив области находился ещё в старом здании у стадиона «Динамо». Там во дворе стоял ветхий сарай, куда во время ремонтов сбрасывали остатки стройматериалов. А подо всем этим многолетним хламом лежали с незапамятных времён бесценные документы и книги. Сотрудники архива не раз пытались добраться до них. Но только потянут за слипшиеся листы, как поднимается туча цементной пыли, и люди, чихая и отряхиваясь, поскорее выскакивают обратно.

Однажды, когда откладывать уже было невозможно – архив переезжал в новое здание на Городские горки, – Леон Сергеевич решил: закатал рукава, поднял воротник и ринулся на

штурм сарая. Он спас тогда семейный фонд учёных-лесоводов Теплоуховых, массу личных и служебных документов других специалистов, историков и краеведов прошлых времён, много старинных пермских книг, которые могли быть утрачены навсегда и сегодня были бы неизвестны.

К тому времени на государственном хранении в области насчитывалось не более пяти личных фондов, слишком долго на это не обращали внимания. Усилиями Л. С. Кашихина их число стало стремительно увеличиваться. Знакомый студент приволок архив бутцов Насоновых, из краеведческого музея передал фонд ботаника П. В. Сюзева, из Кунгура привезли документы путешественника и писателя, автора записок о Русской Америке К. Т. Хлебникова. Но бог мой! В каком состоянии порой находилось всё это!

Энтузиазм Леона Сергеевича вдохновлял и других сотрудников. Реставрационной мастерской тогда ещё не существовало, и архивисты с высшим образованием сами разбирали, разглаживали, очищали от грязи и плесени каждый листочек, подклеивали, подшивали, упаковывали... Более тонкой работой было описание документов, формирование дел: это уже требовало специальных знаний и краеведческого опыта.

Те из исследователей, кто часто пользуется архивами, знают, как много значит качество научно-технической обработки материала. Вот почему главной заслугой научного сотрудника, а затем заведующего отделом сохранности документов Леона Сергеевича Кашихина надо признать то, что за двадцать лет работы в Пермском архиве он буквально «довёл до ума» огромное количество описей, либо лично обрабатывая фонды (разумеется, не только персональные), либо усовершенствуя работу других. Он сделал так, что его предисловиями и описями, а следовательно, и самими документами легко могут пользоваться как местные историки и краеведы, так и те, кто специально едет в Пермь в надежде найти нужные материалы.

Так, не раз здесь бывал учитель Кашихина по институту, известный отечественный историк Сигурд Оттович Шмидт. И, отдавая должное широкому кругозору своего ученика, его большим познаниям в истории края, способности быстро ориентироваться в литературных источниках и архивных богатствах, настойчиво советовал заняться наукой. Наукой Леон Сергеевич занялся, а вот диссертацию так и не написал: ему не нравилась пустопорожняя суэта, в которую неизбежно вовлекался каждый соискатель кандидатской степени.

Тем не менее имя Кашихина стало известно не только в Перми, где, конечно, наиболее часто появлялись его публикации. В газете «Труд» была напечатана корреспонденция о найденном в Пермском госархиве автографе К. Ф. Рылеева. «Литературная Россия» поместила обнаруженную в материалах ГАПО неизвестную миниатюру В. Я. Шишкова, автора романа «Угрюм-река».

Результатом уже не просто поисковой, а подлинно исследовательской деятельности Л. С. Кашихина стала публикация тезисов его доклада «К биографии русского путешественника К. Т. Хлебникова» (в книге «Проблемы исследования Америки в XIX-XX вв.», которую издали в Ленинграде в 1974 году). Своей работой пермский историк внёс вклад в установление даты рождения Кирилла Тимофеевича Хлебникова, причём впервые она обосновывалась документально: недаром Леон Сергеевич изучал материалы архивов Кунгурского магистрата, городской думы и городского старосты. Подробнее с оценкой его роли в этом деле можно познакомиться в толстом академическом издании «Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова» (Ленинград, 1979).

Там же, в предисловии, составители книги Р. Г. Ляпунова и С. Г. Фёдорова, выражая благодарность за помощь в работе, в частности, сотрудникам ГАПО персонально выделяют советского историка Л. С. Кашихина наряду с Г. И. Дзенискевич, канадским историком Р. А. Пирсом и американской исследовательницей А. Шалкоп за консультации при составлении указателя личных имен.

Когда Леон Сергеевич работал в областном госархиве, была у него мечта создать здесь самостоятельный отдел личных фондов. И он с увлечением шёл к этому: устанавливал контакты с наиболее интересными людьми или их родственниками, убеждал в преимуществах государственного хранения документов, сочинял методичку в помощь краеведам о том, как привести в порядок домашний архив, выступал с рассказами о работе архивистов. Увы, мечта и до сих пор не сбылась. Но почти на пустом месте ему удалось создать группу, а затем сектор и, таким образом, заложить основу важнейшего и увлекательнейшего направления архивной деятельности в пермском крае. Сейчас в ведении сектора уже полторы сотни личных, семейных фондов, а также тематических коллекций. Истинные профессионалы всегда имеют собственное мнение, они ершисты и непокладисты. И, понятно, глупые распоряжения они исполнять просто не будут. В 1984 году

Л. С. Кашихина... уволили из архива, не посчитавшись ни с какими заслугами. Для пермских историков и краеведов это был удар, ведь многие привыкли обращаться к нему за консультациями и без него архива себе не представляли. За него сказал свое слово и правдист, известный на Западном Урале не только в качестве журналиста, но и в качестве талантливого исследователя-краеведа, ныне, к сожалению, покойный А. Г. Никитин. Кашихина отстояли, восстановили на работе. Но... он обиделся и ушел сам.

Себе, однако, Леон Сергеевич не изменил. В должности искусствоведа Пермского специального научно-реставрационного управления он уже семь лет занимается историческим описанием памятников и других объектов архитектуры. И по словам его коллег и руководителей, делает это блестяще. Создал заново целый архив, продолжает дружить с историками и краеведами, роется в библиотеках и часто работает в читальном зале ГАПО. Тех, кто его увольнял, здесь уже нет. Да и время, как всегда, даёт понять людям, что в этом мире преходяще, а что – постоянно.

В мае общественность города отметила 60-летний юбилей Леона Сергеевича. Его чествовали реставраторы и кружок «Пермский краевед», он получил кучу приветствий. Присоединяемся к поздравлениям и мы, нынешние архивисты. Помните, Леон Сергеевич, что Государственный архив Пермской области, где вы так долго и так плодотворно работали, по-прежнему ваш родной дом, где вас ценят, уважают и всегда встречают с искренней радостью.

Опубликовано:

Вечерняя Пермь. – 1992. – 6 июня.

Студенты истфака вспоминают о Леоне Сергеевиче Кашихине

Римма Вениаминовна Нестерова (выпуск 1977 г.)

Каждое лето мы, студенты истфака ПГУ, отправлялись на практику. На первом курсе это была археологическая практика. На втором – педагогическая: нас ждали пионерские лагеря. И это была самая нелёгкая практика, потому что мы работали по 24 часа в сутки вожатыми или воспитателями. Поскольку стать

учителями в то время практически никто из нас не планировал, то серьёзно к этой практике никто и не относился. А вот когда после третьего курса нам объявили, что целый месяц мы будем проходить архивную практику в областном архиве на Студенческой, кое-кто из девчонок решил, что стоит приглядеться к работе сотрудников архива более серьезно. Работа в музее или архиве нам тогда казалась гораздо более престижной, чем работа в школе. Руководителем практики нам назначили Леона Сергеевича Кашихина. Он тогда занимал должность заведующего отдела сохранности документальных материалов ГАПО. На первом ознакомительном занятии Леон Сергеевич сказал, что нам предстоит обработать фонд пермского охранного отделения. Эта информация вызвала дикий восторг, особенно у мужской половины курса. В результате наша практика превратилась в сплошное шоу. Каждый документ, который кто-либо из нас доставал из папки, вызывал бурю эмоций:

– Ой, ребята, у меня донос! Какой-то стукач на своих доносил, запомните его имя! Может, оно встретится и в других документах!

– Ой, городской-то, видимо, был серьёзным мужиком! Вот бы ещё к каждому отчёту работников охранного отделения прилагалась фотография! Очень уж интересно, как они выглядели, эти стражи порядка прошлого века!

Работа в архиве требует тишины и сосредоточенности. А мы в течение всего рабочего дня веселились и хохотали. Очень уж интересный фонд нам достался! Леон Сергеевич почему-то замечаний нам не делал. В первые два дня он, видимо, и сам не знал, как себя вести с нами. А потом решил включиться в нашу игру, хотя был человеком сдержанным и закрытым. Наверное, и ему было интересно взглянуть на сотрудников охранного отделения, живших в прошлом веке, глазами современников, а вернее, глазами наших мальчишек, прежде всего глазами Лёньки Сотникова. Он был самый креативный из нас. На лекциях по истории средних веков, которые нам читал профессор Василий Трофимович Сиротенко, у нас стоял такой же хохот и веселье. После лекций Сотников воспроизводил с точностью все анекдоты из жизни средневековых персонажей, которые нам рассказывал В. Т. Сиротенко.

Постепенно страсти улеглись. И мы стали работать плодотворно. К концу практики были написаны сотни карточек, составлены десятки описей. Конечно, Леон Сергеевич Кашихин очень серьёзную научную работу нам не доверял. Но как-то незаметно

смог объяснить суть того, чем должен заниматься работник архива.

Поскольку я все свои курсовые, а потом и диплом писала по истории горнозаводской промышленности Урала, то, можно сказать, что я с первого курса «прописалась» в архиве. Я не раз обращалась к Леону Сергеевичу за помощью. И всегда получала квалифицированные советы. На пятом курсе все студенты истфака по традиции ездили в центральные архивы «собирать информацию для диплома». Именно здесь нам пригодились те знания, которые вложил в нас Л. С. Кашихин.

Николай Владимирович Андреев (выпуск 1977 г.)

Мне эта практика многое дала. Помню, что сначала была лекция. Леон Сергеевич Кашихин рассказал, что такое каталог, опись, фонд. Через несколько лет, когда я начал работать над своей диссертацией, мне пригодились знания, полученные в архиве во время практики. На 4 курсе я занял первое место на студенческой научной конференции и получил премию 120 руб. Олег Петрович Малис возмущался, что студенты нынче стали получать больше денег, чем преподаватели. Но я эту премию получил справедливо, в моей работе было более 600 сносок на источники, в том числе – на архивные. Ещё хочу заметить, что если в ГАПО разрешали работать всем, то для работы в партархивах требовалось разрешение КГБ. Я подал заявку, но проверяли меня что-то очень долго. Разрешения я так и не дождался и поехал в Челябинск, потом в Уфу и Оренбург. Везде у меня спрашивали, где допуск, я отвечал, что заявку отправил, но документ еще не получил. И вот ведь что удивительно, везде меня принимали без этого допуска: и в Уфе, и в Оренбурге, и даже в Москве в центральном архиве. Мне создавали все условия для работы, потому что я приезжал с секретарём (как слабовидящему мне полагался секретарь). А вот в Пермский партархив меня не пустили. Моя диссертация называлась «Идейная и организационная нелегальная работа большевиков в годы нового революционного подъема. 1910-1914 гг.». Ну я понимаю, если бы я занимался проблемами, связанными с разоблачением культа личности Сталина, например, то меня можно было бы не допустить к работе с секретными документами, как не члена партии. А почему мне не позволили ознакомиться с документами, отражающими работу большевиков? До сих пор не понимаю. Одно могу сказать, что атмосфера в ГАПО, где работал Л. С. Кашихин, была более демократичная,

чем в партархиве г. Перми. Очевидно, Леон Сергеевич, как один из ведущих сотрудников архива, задавал тон. И поэтому вошёл в историю как очень грамотный, умный, неравнодушный и интеллигентный человек и ученый-архивист.

Н. Н. Токарева

«...Желаю Вам больших каменско-творческих успехов»

С Леоном Сергеевичем Кашихиным я познакомилась очень давно. Можно сказать, что в школьные годы. В этом нет ничего странного, учитывая то, что историей памятников архитектуры начала увлекаться с детства. Объединил и подружил нас с Леоном Сергеевичем наш знаменитый дом – дача заводчика Ивана Григорьевича Каменского в Суксуне, где я проживала по соседству с этим домом и парком у пруда. Там я и проживаю до сих пор.

Усадьба И. Г. Каменского возникла в Суксуне на рубеже веков, когда братья Каменские купили три завода Суксунского горного округа. Братья Каменские – это дети известных пароходчиков Фёдора Козьмича и Григория Козьмича Каменских. Вместе с Суксунским железодельным заводом Каменским достался и старый дом управляющего Суксунским горным округом. Дом тогда уже сильно обветшал, и из него Иван Григорьевич и его супруга Лидия Николаевна создали новую усадьбу. В ансамбль дома Каменского входили главный дом, построенный в стиле «модерн», прилегающий к дому старинный парк с набережной у пруда и два деревянных, построенных заново здания. Это – дом для прислуги и людская. На территории усадьбы были господские конюшни и подсобные помещения.

В 1918 году всё движимое и недвижимое имущество Каменских было национализировано. В суксунской усадьбе, до нашего знакомства с Леоном Сергеевичем, с 1918 года находилось очень много разных организаций, которые постоянно менялись. Они не особо заботились о его внешнем и внутреннем виде. В 1977 году впервые в истории заводского посёлка Суксун в доме был создан краеведческий музей на общественных началах. Основала его по призыву нашего районного комитета КПСС Клавдия Александровна Садкова, которая была долгое время директором музея. Я, тогда второклассница, приходила в музей и часто общалась

с тётей Клавой, а поскольку меня в детстве всегда влекло в этот красивый дом, то я где-то в это же время стала пытаться узнать о доме и его бывших хозяевах как можно больше. Моё детство прошло в старинном парке и в музее, если можно так сказать. В дальнейшем всё своё свободное от школы время я проводила в записях воспоминаний старожилов о Каменских. Архивы, конечно же, мне не были доступны. В начале 1980-х ещё были живы те очевидцы, кто общался с Каменскими, бывал у них в доме или работал на них.

Дому уже тогда сильно требовался капитальный ремонт, но на это не было средств и желания у наших властей, он частично разрушался. Чтобы спасти такой уникальный дом, потребовалось его поставить на учёт как памятник архитектуры. Это было сделано стараниями нашего районного архитектора Людмилы Ивановны Грушковской. 5 марта 1984 года решением Пермского обл-исполкома дом поставили на учёт. В то время Л. И. Грушковская у нас в районе была председателем Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а я ей помогала чем могла. Мы часто с ней на велосипедах ездили по поселку и на фотоаппарат снимали старинные дома, кованые решётки, ажурные железные печные и водосточные трубы, печатали фотографии.

Людмила Ивановна привлекала меня к участию в местных конференциях. Темой моих выступлений всегда были доклады о состоянии памятников в нашем районе. В итоге в 1985 году я приехала в Пермские научно-промышленные реставрационные мастерские, чтоб поговорить на тему и заинтересовать начальника этих мастерских Г. Д. Канторовича по поводу нашего недавно поставленного на учёт объекта. Мы очень хорошо поговорили, Гершен Давидович наш дом Каменского тогда лично ещё не видел, но сильно заинтересовался его историей в таком редком и уникальном для уральской глубинки стиле «модерн». Несмотря на то, что перед ним была школьница, он очень внимательно выслушал мой рассказ обо всех моих исторических изысканиях. Новая суксунская тема ему понравилась. В этот момент, видимо, он и решил призвать для научных изысканий по Каменским и по дому в Суксуне своего сотрудника, архивариуса и краеведа Леона Сергеевича Кашихина. В тот момент Л. С. Кашихина не было в мастерских, поэтому мы договорились, что он меня с ним познакомит позже.

В середине 1980-х я также уже была знакома с искусствоведом из Пермской государственной художественной галереи Евгенией Ивановной Егоровой. Она, как-то побывав у нас в Суксуне

с передвижной выставкой пермских художников, была восхищена нашим домом Каменского и всячески старалась нам помочь в поисках каких-то сведений или документов. В то время не было ещё пылких исследователей темы Каменских и дома Каменских в Суксуне, кроме меня. Тогда ещё советская система диктовала другие темы, ставила другие цели и задачи. Местный райком партии не сильно поощрял моё занятие – изучение истории семьи Каменских, бывших эксплуататоров. За мной наблюдали, но не мешали. Все мои попытки рассказать о Каменских, скажем, в школе одноклассникам, некоторым людям даже казались аполитичным действием, а я рассказывала лишь о своих изысканиях ребятам в школе. Правда, и некоторым учителям была интересна история рода Каменских.

В середине 1990-х – начале 2000-х годов появились и другие исследователи темы Каменских, они и продолжили начатое мной дело. Это – пермская школа № 92, ныне гимназия № 4 имени братьев Каменских. Главным действующим лицом здесь была Анна Константиновна Купкель. Она объединила ребят для больших поисков. Они под её руководством со школьной скамьи привыкали к исследовательской работе в архиве. Они часто приезжали в Суксун, где жили прямо в доме Каменских (в музее) и помогали нам, так сказать, по хозяйству. С ними приезжал и пермский краевед Виктор Владимирович Семянников, и краевед-поисковик Владимир Александрович Дылдин. Темой Каменских и домом в Суксуне тогда же заинтересовался и журналист Владимир Фёдорович Гладышев.

Но надо сказать и отдать должное, что первые, кто проторил дорожки в архивы по Каменским, был Леон Сергеевич Кашихин и Евгения Ивановна Егорова. Это были мои лучшие старшие товарищи и единомышленники. Хотя... был ещё краевед Александр Кузьмич Шарц (настоящая фамилия Шарцев), с которым я тоже ещё в 1983 году беседовала у него на квартире в Перми. У него, видимо, был интерес к Каменским, и мне казалось, что он многое знал. С каким интересом я слушала все его байки, но даже не догадывалась, что пройдет немного лет, и я опровергну всё, что этот сказочник сочинял, не знаю только зачем. Поэтому первопроходцем я его не назову.

С Леоном Сергеевичем Кашихиным я лично познакомилась в Пермской областной больнице, кажется, в феврале 1986 года. Г. Д. Канторович планировал, чтобы мы с Леоном Сергеевичем встретились в мастерских, но мне тогда сделали глазную операцию, и я не пошла бы никуда, даже после выписки. Поэтому

Леон Сергеевич сам пришёл ко мне в стационар. Очень хорошо помню, как он принёс толстый альбом старинных фотографий с видами города Перми, видимо, это была его коллекция, и я с увлечением рассматривала. Также, к моей большой радости, он принёс мне дефицитных дорогуших шоколадных трюфелей и фруктов. Мы долго беседовали о Каменских и доме. Я поделилась всем, что собрала на тот момент. Мы решили объединить свои поиски. Впоследствии я часто заходила в реставрационные мастерские Г. Д. Канторовича, когда бывала в Перми. Помню, когда в конце 1980-х началась очередная инвентаризация памятников истории и архитектуры, в том числе и по нашему району, я по просьбе Г. Д. Канторовича составляла для их каталога новый список.

Потом у меня была учёба в художественном училище, но я не забыла своё начатое дело по Каменским.

В 1992 году Суксунскому музею понадобился новый сотрудник, поскольку музей развивался и пополнялся многочисленными экспонатами. О новом сотруднике перед местным начальством сильно ходатайствовали заведующая отделом культуры Валентина Викторовна Бачурина и моя знакомая архитектор Людмила Ивановна Грушковская. С августа 1992 года я была определена на должность хранителя фонда музея. Нас стало двое с К. А. Садковой, но работы не убавилось. Вскоре в 1993 году музей получил новый статус муниципального. Прибавились и новые помещения.

В начале 1990-х годов произошло ещё одно интересное событие. Рабочий посёлок Суксун в 1990 году в феврале был внесён в Список исторических населённых мест РСФСР совместным постановлением Коллегии Министерства культуры РСФСР, Коллегии Госстроя РСФСР и Президиума Центрального Совета ВО-ОПИИК. На дом И. Г. Каменского наконец-то обратили внимание.

В 1992 году управлением культуры Пермского облисполкома, Суксунским отделом культуры и Пермскими научно-промышленными реставрационными мастерскими планировалось составление проектной документации на реставрацию дома Каменского. Леон Сергеевич в это время был занят написанием «Исторической записки», которая являлась составной частью этого начатого дела. Она должна была отразить некоторые моменты биографии памятника, подсказать пути подхода к началу реставрационных работ. Поэтому Леон Сергеевич и его коллега

Виктор Алексеевич Побоженко приезжали к нам для исследовательской работы. Виктор Алексеевич делал обмеры помещений, составлял проектную документацию. Проект реставрации предусматривал восстановление каменного крыльца на северном фасаде, деревянного эркера, балконов и ворот, а также воссоздание планировки и интерьеров дома на начало XX века. Чертежи в итоге были выполнены в 1993 году за подписью начальника проектного отдела Г. Д. Канторовича и В. А. Побоженко. Где-то в это время Суксун посетил и сам Гершен Давидович, с которым мы общались уже в нашем музее.

Леон Сергеевич не раз приезжал в Суксун, и наше с ним общение вновь и вновь сводилось к изучению и пополнению новых материалов и документов для будущей «Исторической записки». В то время у него ещё ничего не было, но вскоре он нашёл много нового и интересного по Каменским в Пермском государственном архиве. Но это на то время была небольшая всего лишь информация.

Из письма Леона Сергеевича мне от 17 ноября 1992 года: «Большое спасибо Вам за все сведения, коими Вы меня снабдили для работы. Из обширных этих сведений об окружении И[вана] Г[ригорьевича] всё взять мне неспособно. Дом Каменских, вот у меня главное. А я к нему совсем не приблизился даже, хотя и перерыл уже кучу библиотечного и архивного материала. Кто архитектор, где проект, даты постройки, кто строил, подрядчик, как эксплуатировался дом до 1917 года и после, перестройки, ремонты??? Вопросы, вопросы и ни одного точного ответа. Надежда на сны не сбылась. А по времени надо уже закругляться. Кончатся опущенные на это дело деньги.

Но хватит ныть. Придётся пустить в дело весь Ваш краеведческий материал».

У меня от тех былых времён сохранилось несколько его деловых писем, поздравительные открытки и подаренная книга «Подвижники культуры Серебренниковы» (Пермь, 1991) из серии «Замечательные люди Прикамья» с его очерком о докторе медицины Павле Николаевиче Серебренникове. Почти в каждом письме Леон Сергеевич желал мне «каменско-творческих успехов», и они, конечно, меня всегда сопровождали и сопровождают.

Мы с Леоном Сергеевичем в поисках новых открытий и впечатлений активно прогуливались по Суксуну. Он любовался старой застройкой, элементами домов, резными наличниками, коваными решётками. Проживал он обычно в нашей гостинице. Конечно, незнакомый ему ранее небольшой заводской поселок

вызывал у него интерес. Потому что я показывала ему самые-самые любопытные и старинные строения. Он потом всем коллегам с юмором рассказывал о наших прогулках: «Кто с Наташей не гулял, тот Суксуна не видал!» У него всегда был с собой фотоаппарат, он фотографировал виды Суксуна и дома. Разумеется, в нашем музее для исторической записки Леоном Сергеевичем и Г. В. Александровым были отсняты редкие фотографии и документы. Меня он тоже при случае не забывал фотографировать, высылая потом мне фотокарточки.

Конечно, заблудиться в нашем поселке было бы невозможно, но однажды он пошёл на базар и заблудился! Потом он мне рассказывал, что нашёл дорогу обратно по шпилью и флюгеру дома Каменских, который гордо и высоко всегда возвышался над Суксуном и был виден отовсюду! Помню, Леон Сергеевич всегда, когда мы с ним шли по посёлку, заходил в магазин и покупал мне конфеты. Человек он был добрый, интеллигентный, внимательный и отзывчивый. Многие, я слышала, о нём хорошо отзывались и помнили его доброту. Во время нашего общения я никогда не интересовалась его личной жизнью или биографией, он, возможно, что и рассказывал, но я уже не помню.

«Историческую записку» он всё же написал из того, что на тот период времени и за короткий срок им было найдено. Конечно же, в ней упомянута и я, как «биограф дома». Хотя архитектора суксунского дома и проект он так и не нашёл. Конечно, будь у него на это больше времени, он бы раскопал ещё многое! Дом Каменских он полюбил и потом всегда интересовался, что я нового нашла. Помню, как мы втроем лазили на чердак дома, и я, прыгая через многочисленные балки, вызвала удивление Леона Сергеевича, который аккуратно со своим портфелем перелезал через столетние брёвна. Мною в детстве был обследован весь дом: и подвалы, и чердаки, я даже залазила на шпиль дома, обозревая красоты Суксуна с высоты. Мне был известен каждый сантиметр дома, скрип каждой двери и каждый шорох. Мы в детстве с друзьями как обезьяны носились по крышам дома, и нам не было страшно, даже залезали по шпилью на сам флюгер.

В дальнейшем, работая в музее, я продолжала своё начатое дело, жила этим домом, и в 2015 году завершила в итоге свои поиски выходом своей книги о «суксунских» Каменских – «Особенный дом». Хотя после написания книги нашлось ещё много чего, что заслуживает следующего издания.

У Леона Сергеевича после Суксуна в 1994 году появилась новая тема для исследования: «История планировки и застройки

рабочего посёлка Пожва Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа». Мы с ним продолжали общаться уже изредка по телефону или в городе, когда я приезжала. Помню, он жил одиноко на улице Пушкарской, не помню, чтобы у него была семья. Он всегда приглашал меня в гости, если вдруг нужно в городе заночевать. Но я не доехала до него – не получилось. Общались мы и на разных краеведческих конференциях и мероприятиях. Помню, по приглашению Леона Сергеевича я участвовала в 3-х Смышляевских чтениях. Разумеется, с докладом «Дом И. Г. Каменского в Суксуне».

В реставрационные мастерские я тоже навещала и общалась почти со всеми, кто там работал в то время. Особенно я подружилась с Серафимой Васильевной Жолобовой. Жизнь её сложилась трагически, общались мы недолго, хотя Гершен Давидович изо всех сил пытался ей помочь. Можно сказать, что после того, когда Леон Сергеевич внезапно заболел и умер в 1997 году, а Гершен Давидович вскоре перешёл на новую должность директора ОЦОПа – областного центра охраны памятников, шумный и весёлый коллектив (в старом составе) этих реставрационных мастерских к 2000 году распался. В 2003 году ушёл из жизни и Гершен Давидович.

Последний раз я с Леоном Сергеевичем пообщалась по телефону, наверное, летом 1996 года. Незадолго до смерти он женился и в разговоре со мной был весел и бодр, как мне казалось, был счастлив. Но я уже знала о его неизлечимой болезни, но не думала, что его скоро не будет. Помню, как мы в Суксуне в 1997 году хотели устроить свои краеведческие чтения, и по старой памяти я позвонила Леону Сергеевичу на домашний телефон, хотела пригласить в Суксун. Трубку взяла женщина. Я попросила позвать Леона Сергеевича к телефону. Женщина удивленно сказала: «Вы что ли не знаете, что он умер? Мы сегодня уже сороковой день отмечаем». Я, конечно же, была поражена такой новостью, а ей ответила, что я не живу в Перми, поэтому о смерти не слышала и некролог не читала. Выразила ей свои соболезнования. Это была его жена и наследница, Анна Петровна Микрюкова, которая после его смерти прожила 16 лет и умерла в 2013 году.

Помню, еще при жизни я расспросила Леона Сергеевича, крещёный ли он? Он ответил, что да, что в детстве звали его Лёвкой, Лев, значит. Так что я первого февраля (день его смерти) всегда поминаю Льва – Леона Сергеевича Кашихина.

Историческая мозаика

А. В. Малышев

К вопросу этнического происхождения патриарха Никона

Этническое происхождение патриарха Никона из вопроса исследовательского на рубеже XX-XXI вв. превратилось в вопрос социально-политический. Историческая фигура Никона как преобразователя Русской церкви, чьи реформы оказали колоссальное влияние на всю последующую историю России, льстила поборникам «национального самосознания», пытавшимся порой не только подчеркнуть его этническое происхождение, но и найти связь между национальностью патриарха и его деятельностью преобразователя. Указание на то, что Никон был рождён в мордовской семье, вызвало повышенный интерес к личности патриарха в среде мордовских учёных-историков и деятелей культуры. В 2005 г. на предполагаемой родине патриарха в селе Вельдеманово (Перевозский р-он Нижегородской обл.) по инициативе общественности Республики Мордовия рядом с памятником Никону был установлен поклонный крест «от благодарного мордовского народа»¹.

Тем не менее на основании дошедших до нас документов национальность патриарха не может быть установлена до конца точно. В последнее время к этой теме возвращался целый ряд учёных², привлекая самые разные источники, и в целом им удалось приблизиться к разгадке, однако некоторые аспекты ускользнули от внимания специалистов.

Из исследователей впервые о происхождении патриарха Никона во второй половине XIX в. высказался П. И. Мельников. Без обоснований он указал, что: «Никон сам был мордовского происхождения, сын обруселого мордвина Мины», и даже в его портрете нашёл «мордовские» черты³. Действительно, в источниках Никон представлен уроженцем села, которое в писцовых книгах XVI в. названо «государево село Велдеманово Закудемского стана Нижегородского уезда»⁴. «Государевыми» в Нижего-

родском Поволжье, как правило, были сёла, населённые «инородцами», так как при присоединении края к России они отходили в непосредственное владение приказа Большого дворца. Исследователи указывают, что «государевы» сёла Нижегородского уезда, лежавшие к востоку от реки Кудьмы, были в основном мордовскими⁵. Название села Вельдеманова, согласно легенде, произошедшее от прозвища мордовского разбойника Вельдемы (или Вельдея), также указывает на мордовские корни его основателей⁶. Однако прямых указаний на мордовских предков патриарха в документах той эпохи не сохранилось.

В «житийных» трудах этническая принадлежность Никона не обсуждалась, да это в XVII в. было и ни к чему; крестьянский сын Никита Минов, крещён в православную веру, как и его отец и дед, стали «русскими» просто по факту исповедания «русской» православной веры. Конфессиональная принадлежность в Средние века превалировала над этнической, и, допустим, язычник, принявший ислам – «татарскую» веру, «автоматически» становился татарин, как и язычник, принявший православие, – русским. Неслучайно сам о себе Никон говорил, что он «русский и сын русского...»⁷. Биограф Никона – Иван Шушерин – писал, что будущий патриарх родился «от простых, но благочестивых родителей – отца по имени Мины и матери Мариамы»⁸. «Простых, но благочестивых» – означает христиан крестьянского сословия.

Судя по документам, население Вельдеманово было крещено уже в XVI в. В книге «письма и дозору» писца Василия Борисова и подьячего Третьяка Аврамова 1587/1588 гг. о Вельдеманове говорится, что здесь после третьей черемисской войны 1581-1585 гг. «...церковь сожгли черемиса. Да в селе же крестианских дворов на льготе... 18 дворов живущих... Да впусе того же села 12 мест дворовых, а дворы пожгла черемиса...»⁹.

Мы видим, что в селе к этому времени уже существовала церковь, и жители названы «крестианами», то есть были крещёными, и следовательно, «русскими». Таким образом, и указания в церковных поминаниях патриарха Никона на предков, носивших русские имена, объяснимы этим крещением. Таких документов сохранилось несколько¹⁰, и любопытно, что в поминании из синодика Крестного монастыря после отца Мины и дедов Ивана и Василия (деда по матери) указаны священноиерей Мирон и священномонах Авраамий¹¹. Можно осторожно допустить, что здесь указаны «духовные» предки мордвина Никиты Минова (Никона), крестившие его дедов в XVI в., так как по понятным причинам предков-язычников в церкви Никон помянуть не мог.

П. И. Мельников, много путешествовавший по нижегородским весям, наверняка получил сведения о «мордовстве» Никона от кого-то из своих многочисленных информаторов. Однако в вопросе «определения» этнической принадлежности Никона П. И. Мельникова-Печерского опередил главный противник патриарха-реформатора – «огнепальный» отец Аввакум. В своих трудах он прямо называл Никона сыном «черемисина», что позволило современным исследователям утверждать о марийских корнях патриарха¹².

В частности, в «Послании к «отцу» Ионе» Аввакум пишет: «Я Никона знаю: недалеко от моей родины родился, между Мурашкина и Лыскова, в деревне; отец у него черемисин, а матери русалка, Минка да Манька; а он Никитка колдун учинился, да баб блудить научился, да в Желтоводии с книгою поводился, да выше, да выше, да и к чертям попал в атаманы. А ныне, яко Кинопс пропадёт скоро, и память его скоро погибнет»¹³.

Эту запись отца Аввакума, безусловно, можно принять за прямое указание современника и земляка Никона на его этническое происхождение, если бы не одно обстоятельство – протопоп Аввакум был одним из самых непримиримых врагов патриарха, и в желании очернить своего оппонента не брезговал никакими средствами. Неслучайно он называет Никитку (мирское имя Никона) колдуном, «поводившимся с книгою», то есть освоившим чернокнижие, и «возглавившим» чертей. В этой связи следует допустить, что и упоминания прямых предков Никона как «черемисина» и «русалки» могли быть некоей уничижительной гиперболой, использованной Аввакумом в желании как можно сильнее уязвить своего недруга.

Для этого следует подробнее рассмотреть, какие смыслы вкладывал Аввакум в применяемые им термины. Общеизвестно, что этноним черемис (черемисин) является экзоэтнонимом. Его употребляли соседи марийцев, причём употребляли достаточно давно. Впервые его в виде сар-мис записал в X в. хазарский каган Иосиф¹⁴. Очевидно, от хазар он был воспринят и остальными участниками исторических процессов, происходивших в Среднем Поволжье. Надо отметить, что средневековые авторы часто под именем «черемисы», или «черемисские татары», подразумевали также и чувашей, и удмуртов, чему способствовал сходный образ жизни и хозяйствования их всех¹⁵, а также то, что у русских было традицией «считать земли восточнее Суры и Ветлуги «черемисскими», а их обитателей – «черемисами»¹⁶.

Но сами себя черемисы называли *марий* (марийцы), что и было закреплено в 1920 году при создании автономии. Этноним марий считается национальным, в отличие от черемис, пришедшего из чужих языков. Более того, марийцы считают это слово ругательным и используют его в негативном контексте¹⁷. Но надо сказать, что и средневековые соседи марийцев также употребляли этноним черемис отнюдь не «с пиететом». Самые нейтральные его толкования – это «лесной человек», а ещё «дикий, злой человек», а в Пермском крае «черемис» истолковывается как «чародей, колдун»¹⁸.

Древняя языческая вера марийцев могла дать повод к такому толкованию их экзотнонима. Дело в том, что в их обрядах, кроме возглавлявших эти обряды жрецов-картов, серьёзную роль играли колдуны-мужаши. Впрочем, и сами карты были чем-то вроде колдунов, могли «наговаривать» и прочее, и их боялись не меньше мужашей. Вместе они назначали великие моления, участвовали в брачных обрядах и др.¹⁹. Мужаши были связующим звеном между миром духов и миром людей, пользовались большим авторитетом среди соплеменников, и, несомненно, на взгляд соседей такое почитание колдунов могло казаться предосудительным.

Сам образ жизни марийцев, предпочитавших жить в глухих лесах, веривших в злых духов своих киреметей и не всегда приветливых к чужакам, давали повод обвинять их в колдовстве. Адам Олеарий, видевший черемисов в XVII в., подчёркивал, что «это вероломный, разбойничий и чародействующий народ»²⁰. Из беседы с черемисом он сделал вывод, что священное место у реки Немда, которому поклоняются все черемисы, является резиденцией чёрта²¹. Черемисы в некоторых случаях поклонялись растениям и животным, различным духам, были очень суеверны, и всё это со стороны могло казаться общением со «злыми силами». Черемисские войны, прогремевшие в регионе в XVI в., также оставили о черемисах недобрую память.

Даже крещёным черемисам священники не доверяли, говоря, что в церкви черемис мог молиться, например, об отпущении врагу. Описывавший черемисов епископ Никанор (Каменский) указывал, что в нач. XX в. царевokokшайские священники отмечали, что черемисы «...сильно язычествуют и более Бога почитают дьявола и вообще злую силу, о чём у них и существует поговорка, а именно, что дьявол сильнее Бога»²².

И русские и мордва, жившие в непосредственном соседстве с марийцами, в обиходе вполне могли считать их «колдунами»,

неслучайно в Предуралье термин «черемисин» толковался как «колдун». Среди жителей селений правобережья Средней Волги, которым черемисы были известны с самых древних времён, безусловно, этноним «черемисин» был в некоторых случаях синонимом колдуна. Исследователи отмечали, что между марийцами и их соседями – русскими крестьянами – всегда сохранялась определённая дистанция, так как последние «считали марийцев людьми, обладающими тайными знаниями в земледелии, охоте, рыболовстве и духовной жизни»²³.

Отсюда «огнепальный» Аввакум и мог назвать своего заклятого врага «сыном черемисина», имея в виду «сына колдуна», дополнительно обвинив этого «колдуна-черемисина» в любовной связи с русалкой. От брака колдуна с представительницей «нечистой силы» не может быть ничего хорошего, и это очень укладывалось в обосновываемую Аввакумом мысль о Никоне как о «предтече» антихриста.

Аввакум называет любовницу «черемисина» «русалкой», и исследователь объясняет это ошибкой переписчика, дескать, в изначальном варианте речь шла об этнониме «русачка»²⁴.

Безусловно, это можно объяснить ошибкой писаря, но в данном случае, в свете вышесказанного, ничто не мешает допустить, что в запале Аввакум действительно упоминал русалку – мифологическое существо, и употреблял этот термин именно в «мифологическом» смысле, отсылая смысл написанного к своей «теории» о Никоне – «предтече» антихриста.

При этом в своём желании опорочить происхождение патриарха Аввакуму, судя по всему, было всё равно, кем была мать Никона. В другом сочинении он и вовсе называет её «татаркой». «Одва не татарка ли его Семен родила – там ведь татар тех много. Да плюнем на него, кто его не родил...»²⁵

Ещё в одном, малоизвестном своем сочинении, говоря о происхождении Никона, отец Аввакум выстраивает целую аналогию библейского предания, перенося его сюжет на берега Волги. В желании обосновать роль патриарха Никона как «предтечи» антихриста, он сравнивает библейские народы едомлян (идумян), моавитян и «сынов Аммонове» (аммонитян) с мордвой и черемисами, жившими тогда по Волге. «Внимайте вернии. Есть исходящая из рая река Ефрат, течёт по конец Перския земли, и колено даново, еврейский род по ней живут. И близ их живут по той же реке Едом и Моав и сынове Аммонове, как быдто в моей родине за Нижним, около Курмыша, мордва и черемиса. Мы с Никоном патриархом ис тех мест, знаем там. Я от попа родился, а

Никона черемисин Минька добыл в деревнишке, то есть разум слову сему. Вонмите, тем образом и антихрист родится беззаконным, яко и Никон предотеца его, от черемисина. Яко антихрист зачнется духом дьявольским от жены жидовки, тако и Никон зачатся от христианки черемисином. Ему ж, антихристу первые доброты едомляня с моавляны и со Аммосовичи. Устраояется и судиею устраояет преже, и будет в судиях...»²⁶

Как библейские народы «едомляня с моавляны и со Аммосовичи» по преданию будут помогать антихристу, так и язычников мордву с черемисами Аввакум прочит в помощники его «предтече» Никону. Отмечая себя как потомка священника, распалившийся Аввакум, в данном случае, указывает на союз черемисина и христианки как богопротивный, едва ли не равный союзу «духа дьявольского» и «жидовки». Отец Никона – «черемисин» именно «добыл» его, то есть родил не в браке, а в «блуде», о чём и «разум слову сему».

Во всём здесь виден нарочитый контекст, свойственный манере «неистового» Аввакума. Отметим, что нельзя исключать того, что и сам Аввакум был «из мордвы». Во всяком случае, происхождение родителей Аввакума из жителей такого же «государева» села Григорова, расположенного «за Кудмою-рекою»²⁷, недалеко от Вельдеманово, даёт основание такому предположению. Очевидно, упоминание об отце-священнике «сняло», по мнению Аввакума, «тяжесть» происхождения из бывших язычников («едомляны с моавляны и со Аммосовичи»).

Аввакум, родившийся на несколько лет позже Никона, мужая на своей исторической родине, безусловно, интересовался подробностями жизни своего земляка, построившего такую успешную карьеру. Здесь важным представляется указание протопопа на то, что младенца Никиту «черемисин Минька добыл в деревне». Дело в том, что в писцовой книге Дмитрия Лодыгина 1621-1623 гг., содержащей описание села Вельдеманово, среди его жителей нет ни одного крестьянина с именем Мина²⁸. Но к Вельдеманову тогда были приписаны несколько близлежащих деревень, жители которых именовались тем не менее по селу, и в одной из этих деревень – Шершово (теперь село в Перевозском р-не) – в нач. 20-х гг. XVII в. проживало два человека с именем Мина: крестьянин Минька Киреев и бобыль Минька Иванов²⁹. По предположению А. В. Морохина, этот Минька Иванов и был отцом будущего патриарха³⁰, и есть вероятность, что «добыл» он своего Никиту именно в деревне Шершово. Это к тому, что упомянутый

вначале поклонный крест, возможно, установлен совсем не на родине патриарха.

В этой связи интересно, что слухи о незаконнорожденном происхождении Никона, вероятно, доходили и до царя Алексея Михайловича. Неслучайно, браня Никона, он в гневе произнёс в его адрес «мужик, невежа, бл...дин сын»³¹. Смысл последней фразы говорит именно об этом.

Несмотря на высказывания Аввакума, есть одно свидетельство, которое заставляет признать, что Никон, скорее всего, действительно был потомком крещёных мордвинов, однако не забывших свои корни и свой язык. Дело в том, что первый «словник» мордовского языка, составленный западноевропейским путешественником Николасом Витсенем, был им написан именно с помощью Никона. Посетивший в 1664-1665 гг., в составе голландского посольства Москву, Н. Витсен навещал патриарха Никона в Воскресенском монастыре, и от него записал 325 мордовских слов, снабдив их голландскими соответствиями³². Очевидно, патриарх раскрыл любознательному иностранцу своё происхождение, после чего голландец, интересовавшийся этнографией, и выразил желание зафиксировать язык одного из народов, населявших Россию.

Но так ли уж важно, кем был патриарх-реформатор по национальности? Акцентирование внимания на национальной принадлежности исторического деятеля является надуманным. Кем бы ни были предки будущего патриарха, сам Никон был воспитан в парадигме русской культуры и русского языка, и в этом смысле был настоящим сыном русского народа в самом широком понимании этого сыновства, и определять его деяния отсылкой к какой бы то ни было национальной принадлежности нет никаких причин. Тем не менее исследования по данной тематике представляют несомненный научный интерес, и дальнейшее изучение документов, связанных с генеалогией патриарха, поможет пролить свет на многие аспекты трагичного периода церковных реформ второй половины XVII в.

¹ Памятник патриарху Никону в селе Вельдеманово Эл. ресурс URL: <https://nn-gid.ru/monastyri/pamyatnik-patriarxu-nikonu-v-s-veldemanovo/> (дата обращения 09.05.2022).

² См., например.: Морохин А. В. Новые сведения об отце Патриарха Никона // Эл. ресурс URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/1_1.pdf (дата обращения 11.06.22); Акшиков А. Г. «Отец у него черемисин...»: О национальности патриарха Никона // Марийский мир. – 2010. – №1. – С. 42-43; Мурзин-Гундоров В. В. Синодики как источник новых данных о генеалогии

патриарха Никона // Известия Русского генеалогического общества. – СПб., 2013. – Вып. 25. – С. 24-46.

³ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. – Саранск, 1981. – С. 40.

⁴ Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI века (1588-1600 гг.). – М., 1977. – С. 283.

⁵ Давыдова А. А. Границы Нижегородского уезда в конце XVI–XVII вв. и их пространственные изменения. Внутренняя административно-территориальная структура. Эл. ресурс URL: <http://opentextnn.ru/old/history/rushist/dorevigu/gub..> (дата обр. 14.04.2022)

⁶ Трубе Л. Л. Как возникли географические названия Горьковской области. – Горький, 1962. – С. 31.

⁷ Карташёв А. В. Очерки по истории русской церкви. – М., 1992. – Т. II. – С. 157.

⁸ Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, Патриарха Московского и всея Руси. – М., 1997. – С. 3.

⁹ Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). – М., 1977. – С. 17.

¹⁰ Мурзин-Гундоров В. В. Синодики как источник новых данных о генеалогии патриарха Никона // Известия Русского генеалогического общества. – СПб., 2013. – Вып. 25. – С. 24-30.

¹¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Q I. 1561. – Л. 21 (основной почерк синодика [действующим оставался синодик со второй пол. XVII – 1831 г.]).

¹² Акшиков А. Г. О национальности патриарха Никона // Христианское просвещение и русская культура. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 37-40.

¹³ Письмо «отцу» Ионе // Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост. и комм. А. Н. Робинсон. – М., 1991. – С. 212.

¹⁴ Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка. Эл. ресурс URL: <http://gumilevica.kulichki.net/Rest/rest0504.htm> (дата обращения: 20.04.22).

¹⁵ Смирнов И. Н. Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1890. – Т. VIII. – Вып. 2: Вотяки: Историко-этнографический очерк. – С. 262-263.

¹⁶ Дмитриев В. Д. Чуваши в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). – Чебоксары, 1986. – С. 12.

¹⁷ Черемис – это... История народа, культура и верования Эл. ресурс URL: <https://fb.ru/article/457929/cheremis---eto-istoriya-naroda-kultura-i-verovaniya> (дата обращения 06.04.22)

¹⁸ Чёрмоз – город колдунов Эл. ресурс URL: http://paranormal-news.ru/news/chermoz_gorod_koldunov/2014-03-17-8698 (дата обращения 06.04.22)

¹⁹ Епископ Никанор (Каменский). Черемисы и языческие верования их. Эл. ресурс URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikanor_Kamenskij/cheremisy-i-jazycheskie-verovaniya-ih/ (дата обращения 04.04.22)

²⁰ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – СПб. 1906. – С. 364

²¹ Там же. – С. 365.

²² Епископ Никанор (Каменский). Черемисы и языческие верования их. Эл. ресурс URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikanor_Kamenskij/cheremisy-i-jazycheskie-verovaniya-ih/ (дата обращения 06.04.22).

²³ Нижегородские марийцы / Сост. Н. В. Морохин. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 22.

²⁴ Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. – Ростов н/Д., 1998. – С. 333.

²⁵ Аввакум. Из толкований псалмов // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – М., 1934. – С. 236.

²⁶ Демкова Н. С. Из сочинения об антихристе // Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума. Эл. ресурс URL: https://docviewer.yandex.ru/view/o/?*=sU5kh1... (дата обращения 6.04.22)

²⁷ Филатов Н. Ф. На родине огнепального Аввакума. – Н. Новгород, 1991. – С. 4-7.

²⁸ Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века. – М., 2015. – Ч. 1. – С. 584-588.

²⁹ Там же. – С. 589.

³⁰ Морохин А. В. Новые сведения об отце Патриарха Никона // Эл. ресурс URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/1_1.pdf (дата обращения 11.06.22).

³¹ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. – М., 1992. – Т. II. – С. 144.

³² Феокистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. – Саранск, 2008. – С. 130-132.

В. С. Колбас

Уральские «адреса» Робинзона Крузо

Читатели, хотя бы минимально знакомые с мировой классикой, в частности, с английской литературой, знают имя писателя Даниэля Дефо, имя которого при рождении было Даниэль Фо (ок. 1660-1731)¹. Даниэль Дефо – автор плодовитый: у него известно около четырёхсот произведений, а теперь, возможно, и больше². Кстати, с творчеством этого английского писателя был знаком Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837), а книга Даниэля Дефо «History of the Plague» имелась, возможно, как считает академик Михаил Павлович Алексеев (1896-1981), в библиотеке классика русской литературы³. О книгах Даниэля Дефо в библиотеке А. С. Пушкина пишет литературовед Дмитрий Михайлович Урнов: «В пушкинской библиотеке, кроме «Приключений Робинзона», хранились «Дневник чумного города», «История пиратов» в первоизданиях, и мы можем предположить, что достались Пушкину эти книги от читателя – современника Дефо, а именно от прадеда Пушкина А. П. Ганнибала, который из Европы времён Дефо привёз целую библиотеку»⁴.

Самой известной книгой Даниэля Дефо, разумеется, является роман «Приключения Робинзона Крузо». Я, например, раз пятнадцать-двадцать прочёл его в пересказе Корнея Ивановича

Чуковского (1882-1969) с иллюстрациями замечательного французского графика Жана Иньяса Изидора Гранвиля (настоящая фамилия Жерар; 1803-1847)⁵, а позже – и неоднократно! – во «взрослом» переводе Марии Андреевны Шишмарёвой (1852-1939) с иллюстрациями Петра Наумовича Пинкисевича (1925-2004)⁶. Менее известно продолжение романа – «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо»⁷, позже появилось ещё одно – «Серьёзные размышления в течение жизни и удивительные приключения Робинзона Крузо». Успеха эта, третья, книга вовсе не имела, как отмечает Д. М. Урнов⁸.

Из второй части книги мы узнаём, что постаревший, но жаждущий новых приключений и острых ощущений Робинзон Крузо вновь отправился в путешествие. «Дефо, – пишет академик М. П. Алексеев, – заставляет Робинзона вновь пуститься в странствования исключительно из-за его непреодолимой страсти к путешествиям; эту страсть не могли победить ни его почтенные лета, ни благосостояние, ни мирная жизнь в кругу любящей семьи. Мы узнаём в этом старике, мечтавшем о далёких днях своей юности, прежнего Робинзона, каким он представлен в первом томе, искателя приключений, скитальца, который слишком долго жил в одиночестве, среди опасностей и тревог, чтобы находить счастье в заслуженном покое и довольстве бездеятельной жизни»⁹.

Маршрут путешествия Робинзона Крузо внимательно проследил краевед из г. Усолье, переехавший в Березники Геннадий Иванович Верёвкин: путь героя Даниэля Дефо начался «морем в Америку, потом на «свой» остров, где уже живут люди, далее – Океания, Мадагаскар, Сиам, Филиппины, Китай». Далее Робинзон Крузо «добирается из Пекина через Сибирь, Тобольск, Верхотурье по Бабиновской дороге в Соликамск (оттуда делал поездку в Ленву¹⁰), Архангельск и морем в Англию»¹¹.

Важно отметить: одним из источников сведений о России для Даниэля Дефо стали «Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695)» голландцев по национальности Избранта Идеса и Адама Брандта¹². По воле автора «Дальнейших приключений» Робинзону Крузо пришлось совершить то же путешествие, что и голштинским дипломатам, лишь с тем отличием, что путь его был совершён в обратном направлении¹³. Любопытное предположение выдвинул Г. И. Верёвкин: «Петровский посланник Избрант Идес¹⁴ (как Селькирк¹⁵ – в первой) стал прототипом героя второй части «Робинзона Крузо» на территории Сибири и Урала.

Множество совпадений в описании быта путешественников и местных жителей подтверждают это»¹⁶.

Итак, продолжая рассказ, необходимо вспомнить один любопытный эпизод, который связан с городом Туринск, где честь быть первым туринским ссыльным, по преданию, закрепилась за опальным князем Петром Ивановичем Пронским (род. не ранее 1552-не позднее 1608 – ум. 1652). Он в 1617 году во время войны с Польшей, будучи вяземским воеводой, проявил малодушие и бежал из города, когда к нему приблизились войска короля Владислава IV Вазы (1595-1648), за что по приказу царя Михаила Фёдоровича (1596-1645) он был высечен кнутом и сослан в Туринский острог, куда прибыл в начале 1618 года. Так вот этот самый Пётр Пронский, более двадцати лет ждавший освобождения, к которому, как говорят, тайно приезжал сын и уговаривал отца на побег, но тот ответил отказом, и стал прототипом опального царского министра, находившегося в ссылке в Тобольске, в разговорах с которым, «узником духа», Робинзон Крузо, «бывший узник необитаемого острова»¹⁷, проводит долгих восемь (!) зимних месяцев¹⁸. Ну что взять с англичан XVII века и даже более поздних времён, если они так представляли суровые и длинные русские зимы! Тем более в Великой Тартарии – так тогда называли в Западной Европе Сибирь!

Чтобы не затягивать рассказ, процитирую уральского краеведа Алексея Викторовича Рычкова: «Так как на улице [Тобольска] из-за холода нет никакой возможности находиться, Робинзон с Пронским философствуют, попивая за разговорами водочку, смешанную с водой, а в торжественных случаях – мёд. Через эти разговоры Дефо доносит до читателя свои взгляды на смысл человеческого бытия. Беседы туринского ссыльного с Робинзоном Крузо занимают едва ли не десятую часть «Дальнейших приключений». Перед отъездом Крузо друзья обмениваются подарками, Робинзон предлагает ссыльному содействие в побеге в Европу. Пётр Пронский думает и, в конце концов, просит организовать побег не себе, а сыну, молодому опальному вельможе. Робинзон отправляется в путь. По ночам останавливается в Туринске, Верхотурье, других русских городах. Сын Пронского ночует в палатке за пределами городских стен, а днём в пути выдаёт себя за управляющего, который сопровождает караван Робинзона»¹⁹. Но эта история имеет и противников. Так, некоторые исследователи считают, что под царским министром надо понимать князя В. В. Голицына или Головкина²⁰. Князь В. В. Голицын, как мне представляется, – это Василий Васильевич Голицын (1643-

1714), боярин, дипломат, государственный деятель и фаворит царицы Софьи Алексеевны (1657-1704). А вот вопрос о графе Головкине (по крайней мере, для меня) остаётся открытым.

Совершая своё кругосветное путешествие, герой Даниэля Дефо достиг Соликамска. Предоставим слово Робинзону Крузо: «Наконец, переправившись через Каму, которая в тех местах служит границей между Европой и Азией, мы вступили в Европу; первый город на европейском берегу Камы называется Соликамском. Мы думали увидеть здесь другой народ, другие обычаи, другую одежду, другую религию, другие занятия, но ошиблись; нам предстояло пройти ещё одну обширную пустыню, тянувшуюся двести, а в иных местах семьсот миль. Эта мрачная местность мало чем отличалась от монголо-татарских областей; население, большей частью языческое, стояло немногим выше американских дикарей: их дома, их города полны идолов, образ жизни самый варварский; исключения составляют только города и близлежащие селения, жители которых являются христианами или мнимыми христианами греческой церкви, но религия их перемешана со столькими суевериями, что в некоторых местах едва отличаются от простого шаманства»²¹.

Что тут можно сказать? Во-первых, не стоит удивляться тому, что Даниэль Дефо от имени Робинзона Крузо высокомерно даёт оценку «иностранцам», которая ярко характеризует «колониальный» взгляд «просвещённых» англичан на варваров-язычников как в Московии, так и в Америке, что укладывается в европейские стереотипы того времени. Во-вторых, тюменский журналист и краевед Владимир Владимирович Полищук установил, что перевод первой строчки в приведённом отрывке Зинаиды Николаевны Журавской (1867-1937) не совсем полон, в английском оригинале в этом предложении стоит не точка, а запятая, Даниэль Дефо далее продолжает: «...и это великий город на реке Кама»²². И, в-третьих, Урал не был «обширной пустыней», как это представлялось в Западной Европе в XVII веке. Чтобы опровергнуть это, достаточно обратиться к другим «сказаниям» иностранцев, писавших об Урале²³. Что любопытно, востоковед Александр Михайлович Петров (1946-2010) в комментариях к роману, говоря об отдельных неточностях или недоразумениях в географических названиях (не поддающихся порой идентификации) и комментируя пассаж об «обширной пустыне», считает их в «общем прощительными», «когда автор именуется, например, огромные безлесные и болотистые пространства Сибири пустыней (он просто не

знал более подходящего термина для обозначения такого рода безжизненности земель)»²⁴.

Но тема о Робинзоне Крузо на Урале на этом не заканчивается. Знаете ли вы, что один из киношных Робинзонов Крузо жил на Урале?

Речь идёт об актёре театра, кино, кинорежиссёре и сценаристе, педагоге, лауреате трёх Государственных (Сталинских) премий, народном артисте СССР, Герое Социалистического Труда Павле Петровиче Кадочникове (1915-1988)²⁵. Павел Кадочников родился в Петрограде, которому вернули первоначальное имя Санкт-Петербург. Во время Гражданской войны отец вместе со всей семьёй, женой и двумя детьми, уехал на родину – на Урал в небольшое село Бикбарда (ныне – Куединский район Пермского края). Там и прошло детство Павла. В деревне он поступил и окончил школу крестьянской молодёжи. Там же определилось главное его увлечение – рисование. В 1927 году семья вернулась в Ленинград. В 1946-1947 годах он снялся в роли Робинзона Крузо в чёрно-белом кинофильме – экранизации одноимённого романа Даниэля Дефо режиссёра Александра Николаевича Андриевского (1899-1983)²⁶.

Другая экранизация романа Даниэля Дефо тоже связана с Пермским краем.

Режиссёр Станислав Сергеевич Говорухин (1936-2018)²⁷ снял в 1973 году на Одесской киностудии цветной художественный фильм «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», в котором главную роль исполнил Леонид Вячеславович Куравлёв (1936-2022)²⁸. Станислав Говорухин, кинорежиссёр, актёр, сценарист, продюсер, политический и общественный деятель, автор многих знаковых фильмов (художественных – «Вертикаль», «Место встречи изменить нельзя», «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна», «Десять негрятят», документальных – «Так жить нельзя» и «Россия, которую мы потеряли» и других) родился в городе Березники Молотовской области, ныне это – Пермский край.

Если брать во внимание тех людей, которые в силу различных обстоятельств оказались в положении Робинзона, тогда стоит отметить имя Георга Вильгельма Стеллера (1709-1746)²⁹ – врача Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга, русского учёного-ботаника немецкого происхождения, в судьбе которого дважды важной вехой был Соликамск, где он задерживался на несколько месяцев в 1738 и 1746 году. В первый период

пребывания в Соликамске Г. В. Стеллер привёл в должный научный порядок весь ботанический сад Григория Акинфиевича Демидова (1715-1761)³⁰, расположенного в селе Красное, составив первый научный план его развития³¹. За время экспедиции Г. В. Стеллер обследовал западную окраину Североамериканского материка, вместе с участниками экспедиции перенёс тяжёлую зимовку на одном из Командорских островов, где описал двух животных, получивших его имя: эндемик острова Беринга – очковый большой, или стеллеров, баклан и морская, или стеллерова, корова, или также капустаница – млекопитающее отряда сирен, хищническое истребление которого ради вкусного мяса привело к полному исчезновению этого животного к 1768 году.

Пермским Робинзоном Крузо называли Василия Герасимовича Лапина (1731-1793)³², выходца из соликамских купцов, который остался в пермской истории как третий по счёту городской голова и как первый председатель городской думы. Почему такого прозвища удостоился уважаемый человек, купец второй гильдии В. Г. Лапин?

С ним приключилась такая вот история: отправившись к берегам Индокитая, корабль, на котором В. Г. Лапин вёз свой товар – меха, кожи и прочее, попал в Тихом океане³³ в шторм и потерпел крушение. Незадачливого купца с остатками товара и обломками судна выбросило на песчаный безлюдный берег, где его неминуемо ждала смерть от голода и жажды. Когда страдалец совсем было отчаялся, он, как гласит семейное предание, обратился к Богородице и дал обет: «Богородица, Пречистая Дева, если я спасусь, если я вернусь на родину любезную мою, я построю храм в честь твоего святого имени!..» То ли горячая молитва была услышана, то ли удачный случай выпал, но случилось чудо: вскоре его взял на борт плывший мимо английский корабль³⁴.

Обет свой В. В. Лапин выполнил: на его деньги и при непосредственном участии была построена каменная церковь во имя Пресвятой Богородицы, её чудотворной Владимирской иконы, впоследствии эта церковь была переименована в Рождество-Богородицкую (это был второй каменный храм в Перми). В годы Советской власти здание церкви Рождества Богородицы на улице Ленина (бывшей Покровской), 48, занимали различные заведения, большую часть времени здесь находился Пермский государственный фармацевтический институт (ныне – академия). Здание церкви, датой начала постройки которого является 1787 год,

признано памятником градостроительства и архитектуры Пермского края местного значения, в 2010 году оно возвращено верующим³⁵.

И ещё один факт, к Уралу, правда, прямого отношения не имеющий, но вполне занятный. Так, в Москве на Новодевичьем кладбище похоронен... Робинзон Крузо! И это истинная правда. В колумбарии кладбища, в 80-й секции, покоится прах Николая Николаевича Робинзон-Крузо (1887-1974) – солиста Большого театра, педагога, режиссёра Московской оперной студии, заслуженного работника культуры РСФСР. Вместе с ним похоронена его жена Марина Алексеевна Робинзон-Крузо (1884-1936), а также их зять – актёр Свердловского (ныне – Екатеринбургского) драматического театра Михаил Евтихийевич Сеницын (1912-1992) и его сын, инженер-энергетик, сотрудник Мосэнерго Роман Михайлович Сеницын (1939-1991)³⁶.

Прав В. В. Полищук: «Маркетингу территорий в целях улучшения имиджа и достижения большей инвестиционной привлекательности сопутствует комплекс факторов, включая и туристическую составляющую. Для её развития важны не только имеющаяся и создаваемая инфраструктура сферы гостеприимства, но и такой ресурс, как привлекательность через *мифологизацию местности* (курсив автора. – В. К.). Ведь чтобы люди из других регионов и стран куда-то поехали, их что-то должно привлечь. И поэтому в такой высококонкурентной сфере бизнеса, как туристская, весьма ценятся «раскрученные» местные легенды, мифы, бренды, «фишки» и прочие «заманухи». Значительную роль здесь играют «улыбчивые бренды»³⁷. Многие могут вспомнить хрестоматийные примеры: Ромео и Джульетту в итальянской Вероне и дом с балконом, который властям города специально пришлось приделать ради придания строению романтического вида, на котором якобы проходило свидание влюблённых; «родину» Деда Мороза – Великий Устюг; Мюнхгаузена в Калининграде или более близкие нам примеры – легенду о чеховских трёх сёстрах в Перми и миф о пастернаковском городе Юрятине, который многие краеведы идентифицируют с Пермью.

Вывод напрашивается вполне определённый: раскрутка бренда Робинзона Крузо может служить привлекательности Урала в целом и Пермского края в частности для российских и иностранных туристов и инвесторов. Первые примеры создания «улыбчивого бренда» Робинзона Крузо имеются в Тобольске и Тюмени³⁸. Появились сведения, что и в Республике Коми Ро-

бинзона Крузо хотят сделать проводником регионального туризма. Думаю, и пермякам пора подумать о раскрутке робинзовского бренда³⁹.

¹См.: Урнов Д. М. Дефо. – М.: Мол. гвардия, 1978. – (Жизнь замечательных людей).

²См.: Урнов Д. Создатель Робинзона // Дефо Д. Избранное / Под общ. ред. М. Урнова. – М.: Правда, 1971. – С. 470-471.

³См.: Алексеев М. П. Несколько английских книг из библиотеки А. С. Пушкина // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. – Л.: Наука, 1987. – С. 573.

⁴См.: Урнов Д. М. Дефо. – М.: Мол. гвардия, 1978. – (Жизнь замечательных людей). – С. 7.

⁵См.: Дефо Д. Жизнь и удивительные приключения морехода Робинзона Крузо / Переиздание. Пересказал К. Чуковский. Рис. Ж. Гранвиля. – М.: Дет. лит., 1976. – (Школьная б-ка).

⁶См.: Дефо Д. Избранное / Под общ. ред. М. Урнова. – М.: Правда, 1971. – (Б-ка «Огонёк»; Б-ка зарубежной классики).

⁷См.: Дефо Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трём частям света, написанные им самим / Пер. с англ. З. Н. Журавской под ред. А. А. Франковского; Илл. Ж. Гранвиля. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996.

⁸Урнов Д. М. Дефо. – М.: Мол. гвардия, 1978. – (Жизнь замечательных людей). – С. 198.

⁹ Литературное наследство. – Т. 91: Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века / Исслед. М. П. Алексеева. – М.: Наука, 1982. – С. 83.

¹⁰Интересен фрагмент воспоминаний, где «посол и вся приданная ему свита» побывали в гостях у «московского гостя» – купца Алексея Астафьевича Филатова в его имении в двадцати верстах, или в четырёх милях, от Соликамска. «...мы там, – записал А. Бранд, – очень веселились, так как каждый старался ответить на любезность любезным дружелюбием, что пришлось очень по сердцу нашему хозяину». См.: Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). – М.: Наука, 1967. – С. 68. Данного эпизода в тексте романа Д. Дефо «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» мне обнаружить не удалось.

¹¹Верёвкин Г. И. Бабиновская дорога в книге Даниэля Дефо // Пути сообщения, коммуникация, научные достижения народов Евразии (мат-лы Междунар. науч.- практ. конф.). – Березники, 1997. – С. 22-25. См. также: Северин Н. В. В путь, по следам Робинзона! Маршрут, разработанный Даниэлем Дефо // Неделя. – 1967. – № 32. – С. 22.

¹²См.: Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). – М.: Наука, 1967.

¹³См.: Дефо Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трём частям света, написанные им самим / Пер. с англ. З. Н. Журавской под ред. А. А. Франковского; Илл. Ж. Гранвиля. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. См. также: Алексеев М. П. Сибирь в романе Д. Дефо. – Иркутск, 1928; Верёвкин Г. И. Бабиновская дорога в книге Даниэля Дефо // Пути сообщения, коммуникация, научные достижения народов Евразии (мат-лы Междунар. науч.- практ. конф.). – Березники, 1997. – С. 22-25; Колбас В. С., Зиновьев А. П. «Сказания» иностранцев XVI-XVII веков об Урале. – Пермь, 1998. – С. 36-39.

¹⁴ Эwert Избрант (Избрантзоон) Идес (1657-1708) – «московский торговый иноземец». Царями Иваном Алексеевичем и Петром Алексеевичем был послан в Пекин к богдыхану во главе посольства 1692-1695 гг. для выяснения положения дел с ратификацией Нерчинского договора. Известен как автор книги о путешествии через Сибирь и составитель географической карты Сибири. Получил первую в России жалованную грамоту – «привилегию» на издание карты и книги о Сибири.

¹⁵ Прототипом Робинзона Крузо в первой части романа многими исследователями считается Александр Селькирк, историей жизни которого при написании романа воспользовался Д. Дефо. Александр Селькирк (1676-1721) – шотландский моряк, бывший пират, который провёл 4 года и 4 месяца (в 1704-1709 гг.) на необитаемом острове Мас-а-Тьерра (ныне – Робинзон-Крузо в составе архипелага Хуан-Фернандес) в Тихом океане, в 640 километрах от побережья Чили.

¹⁶ Верёвкин Г. И. Бабиновская дорога в книге Даниэля Дефо // Пути сообщения, коммуникация, научные достижения народов Евразии (мат-лы Междунар. науч.- практ. конф.). – Березники, 1997. – С. 24.

¹⁷ Петров А. М. Предисловие // Дефо Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трём частям света, написанные им самим / Пер. с англ. З. Н. Журавской под ред. А. А. Франковского; Илл. Ж. Гранвиля. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – С. 8.

¹⁸ Рычков А., Рычков Д. Лучшие путешествия по Среднему Уралу: Более 500 увлекательных историй: Факты, легенды, предания. – Реж: Малыш и Карлсон, 2012. – С. 264-265.

¹⁹ Там же. – С. 265. См. также: Омельчук А.К. Сибирская миссия резидента Робинзона // Омельчук А. К. Частное открытие Сибири: Каждый сам открывает свою родину / Изд. 3-е, перераб. и доп. – Тюмень: Мандр и К^а, 2007. – С. 88-92.

²⁰ Петров А. М. Послеисловие // Дефо Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трём частям света, написанные им самим / Пер. с англ. З. Н. Журавской под ред. А. А. Франковского; Илл. Ж. Гранвиля. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – С. 262.

²¹ Дефо Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трём частям света, написанные им самим / Пер. с англ. З. Н. Журавской под ред. А. А. Франковского; Илл. Ж. Гранвиля. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – С. 237-238.

²² Полищук В. В. «Улыбчивый бренд» Робинзона Крузо как «фишка» туристской дестинации Соликамска и района // Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием 19-20 ноября 2015 г. – Соликамск, 2015. – С. 283.

²³ См.: Колбас В. С., Зиновьев А. П. «Сказания» иностранцев XVI-XVII веков об Урале. – Пермь, 1998.

²⁴ Петров А. М. Послеисловие // Дефо Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трём частям света, написанные им самим / Пер. с англ. З. Н. Журавской под ред. А. А. Франковского; Илл. Ж. Гранвиля. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – С. 262.

²⁵ См.: Кино: Энциклопедический словарь / Гл. ред.: С. И. Юткевич. – М.: Сов. энциклопедия, 1986. – С. 163.

²⁶ Там же. – С. 24.

²⁷ Там же. – С. 97.

²⁸ Там же. – С.222.

²⁹ Бординских Г. А. Соликамская энциклопедия. – Пермь: Агентство «Стиль-МГ», 2013. – С. 215-216.

³⁰ Там же. – С. 63. См. также: Штибен В. К. Григорий Демидов: Демидовская энциклопедия. XVIII век. – Соликамск: Трудолюбивая пчела, 2014. – С. 52-53; Юркин И. Н. Демидовы – учёные, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. – М.: Наука, 2001. – (Науч.-биограф. литература). – С. 107-125.

³¹ Бординских Г. А. Соликамская энциклопедия. – Пермь: Агентство «Стиль-МГ», 2013. – С. 30-31, 215. Об истории сада см. также: Баньковский Л. [В]. Сад XVIII века. – Соликамск: ОГУП «Соликамская типография», 2001; Ланина Р. И. Ботанический сад XVIII века в Соликамске // История ботанических садов СССР: (мат-лы конф.). – Соликамск, [1987]. – С. 12-16; Штибен В. К. Григорий Демидов: Демидовская энциклопедия. XVIII век. – Соликамск: Трудолюбивая пчела, 2014. – С. 152-156.

³² См.: Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: Краткий историко-статистический очерк / 3-е изд., испр. и доп. – Пермь, Пушка, 2002. – С. 56, 242; Гладышев В. Ф. Над Стиксом: Пермская эпитафия. – [Пермь: Пушка, 2000]. – С. 23; он же. Перми старинное зеркало: История Перми в зеркале некрополя. – Пермь: Раритет-Пермь, 2001. – С. 72, 112, 169; он же. Пермский Робинзон Крузо // Мы – земляки (Пермь). – 2014. – Апрель. – № 4. – С. 22-25; Голубцов В. В. Пермский некрополь / Авт. вступ. ст. и прим.: Л. С. Рафиенко. – Пермь: Реал, 2002. – С. 70, 144-145.

³³ В некоторых источниках вместо Тихого океана говорится об Индийском океане.

³⁴ Гладышев В. Ф. Пермский Робинзон Крузо // Мы – земляки (Пермь). – 2014. – Апрель. – № 4. – С. 24.

³⁵ Там же. – С. 24-25; Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области: Изд. официальное. – Пермь: Пушка, 2001. – С. 140; Историко-архитектурное наследие Пермского края: Каталог-справочник. – Пермь, 2011. – С. 420; Рождество-Богородицкая церковь / Сост.: О. С. Одинова // Из истории православных храмов г. Перми: Комплект из 15 буклетов. – Пермь: Гос. архив Перм. обл., 2000.

³⁶ См.: Кипнис С. Е. Новодевичий мемориал: Некрополь монастыря и кладбища / Изд. 2-е, исправл. и доп. – М., 1998. – С. 412.

³⁷ Полищук В. В. «Улыбчивый бренд» Робинзона Крузо как «фишка» туристской дестинации Соликамска и района // Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием 19-20 ноября 2015 г. – Соликамск, 2015. – С. 282.

³⁸ Там же. – С. 284.

³⁹ См.: Полищук В. В. Пермский экстрим Робинзона Крузо: брендинг артефакта // Грибушинские чтения-2011: На стыке традиций, эпох, континентов: Тезисы док-дов и сообщений VIII Всерос. науч.-практ. конф. (г. Кунгур, 19-23 апреля 2011 г.). – Кунгур, 2011. – С. 26-29.

Опубликовано:

Язык горнозаводских мастеровых в традиционном поле культуры: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Строгановские чтения» - XVII. Усолье, 24-25 сентября, 2022. – Усолье, 2023. – С. 50-59.

Городок (Соликамск). – 2022. – 12 октября. – С. 8.

**Автограф В. Н. Шишонко
из библиотеки Стенфордского университета**

Библиотечный проект «Гугл-книги» (<http://books.google.ru>) совместно с крупными библиотеками мира работает над тем, чтобы включить книжные собрания в электронный каталог «Поиск книг Google». Каталог может показывать пользователям информацию о книге как в библиотечном каталоге, так и саму книгу в электронном варианте. Этим проектом было оцифровано большое количество изданий, вышедших до 1910 года, которые стали общественным достоянием. В том числе и семитомное издание «Пермской летописи» Василия Никифоровича Шишонко. Это издание было переведено в электронный вариант из библиотеки Стенфордского университета.

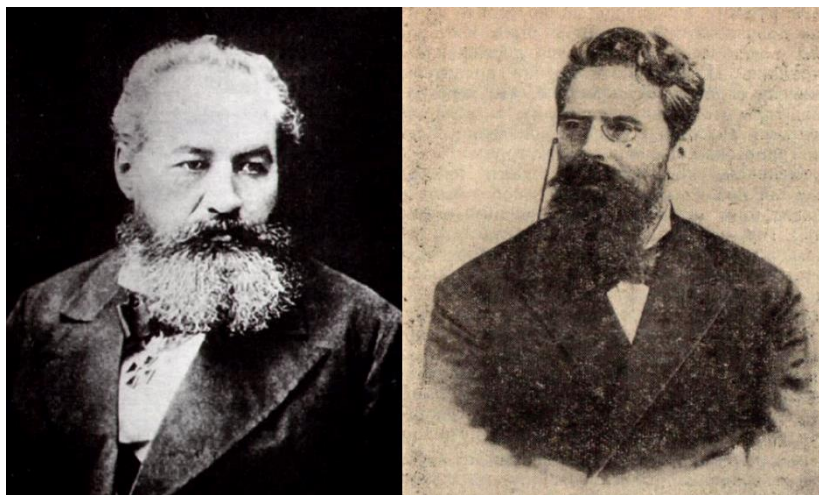
В третьем периоде «Пермской летописи» В. Н. Шишонко на титульном листе расположена дарственная надпись автора Н. С. Островскому: «На память Николаю Степановичу Господину Островскому от автора. В. Шишонко. Г. Пермь. 23/XI-1888».

В. Н. Шишонко и Н. С. Островский – известнейшие личности в Перми и на Урале в целом.

Василий Никифорович Шишонко (1831-1889) – доктор медицины, директор народных училищ Пермской губернии, но более известен как историк и краевед, археограф, создатель «Пермской летописи» (1881-1889).

Николай Степанович Островский (1849-1913) – инженер, член Пермского статистического комитета, первый управляющий Уральской горнозаводской железной дорогой, автор нескольких книг, в том числе «К вопросу о железных дорогах в Сибири», изданной в Перми в 1880 году.

Василий Никифорович Шишонко (1831-1889) (слева) и
Николай Степанович Островский (1849-1913)

Вот как характеризует Н. С. Островского в своих воспоминаниях Е. В. Корш¹, работавший с ним с 1889 года: «Это был красавец в полном смысле слова. Умные, живые, тёмные глаза, правильный нос, красивые брови, прекрасный разрез губ, добрая улыбка, роскошные усы и такая же борода... Всё лицо носило отпечаток ума, энергии и доброты. Прибавьте высокий рост и общее могучее сложение, и вы поймёте то большое, привлекательное впечатление, которое произвёл на меня внешний вид начальника дороги. Я не знал ещё его высоких внутренних качеств, но инстинктивно чувствовал, что судьба сводит меня не с заурядным

человеком, не с рядовым русской образованной армии, а с одним из немногих ее вождей. [...]

Сам Островский – двуязыльный, работает чуть не круглые сутки и не жалеет других, требуя, чтобы всё делалось хорошо и скоро, чтобы служащие отдавали службе не только всё своё время, но и свою душу. Зато он и щедр, отлично вознаграждает служащих, входит в их нужды, всячески старается улучшить быт младших служащих, не позволяет себе и другим называть их низшими служащими. И любит же его за это наша линейная мелкота. Слушая его горячую, убеждённую речь, всегда красивую по форме и увлекательную по существу, я всегда невольно думал: не инженером ему быть, а народным трибуном; не убеждать нас в правильности того или другого приёма эксплуатации дороги, а вести толпу на борьбу с врагом – вот его призвание... Все, кому довелось работать с ним, невольно подчинялись его влиянию, становились его искренними единомышленниками и почитателями»².

Все эти качества Н. С. Островского были подспорьем в его деятельности: «Сказалась эта сила и при решении вопроса, возникшего при слиянии двух линий: казённой Екатеринбург-Тюменской и частной – Уральской горнозаводской (Пермь – Екатеринбург), когда одно из двух управлений подлежало обязательному упразднению. Казалось, все шансы остаться были на стороне недавно образованного казённого управления. Но приехал министр путей сообщения, адмирал Посет, познакомился на месте с состоянием обеих дорог и с руководящим персоналом обоих управлений, убедился воочию, что на одной дороге царит рутина, а на другой – жизнь, созданная умом, знанием и энергией, и судьба казённого управления была решена: оно не выдержало сравнения и ему пришлось уступить место блестящему частному управлению, которое вместе с тем превращалось в казённое управление новой Уральской железной дороги, в состав которой вошли казённая Тюменская и выкупленная в казну частная Горнозаводская линии.

...Это торжество знания и таланта произвело на Островского окрыляющее впечатление. С одному ему свойственной энергией принялся он формировать новое большое управление, стараясь собрать все лучшие силы из персонала обеих линий, что ему и удалось вполне: теперь Уральская дорога обставлена, несомненно, отлично; она обладает редко сплочённым персоналом,

работающим не за страх, а за совесть. В этом вся сила Островского, весь секрет успешного ведения им большого, сложного дела»³.

Интересные подробности о роли Н. С. Островского в деятельности Уральской железной дороги нашлись в небольшой заметке «Легендарная личность», опубликованной в газете «Уральская магистраль» (2007, 26 октября): написано: «Руководил строительством, а затем наращивал объёмы движения первый начальник дороги Николай Степанович Островский. Приехав на Урал молодым, но уже опытным инженером, он жаждал приложить свои силы на новом месте, но не ожидал, что столько трудностей придётся преодолеть на строительстве. Только переход через Уральские горы комиссия из Петербурга, принимавшая Уральскую горнозаводскую, оценила наравне с подвигом строителей железного пути по Тирольским и Аппенинским горам. На представлении министр путей сообщения К. Н. Посыет весьма удивился: «Да вам, я смотрю, всего 29 лет! Что ж, желаю сделать Уральскую примерной дорогой для России».

Первое десятилетие Уральская железная дорога отмечала в статусе государственной. Экономических трудностей хватало, но Николая Степановича радовала другая оценка, прозвучавшая на торжественном собрании, – за все эти годы на магистрали не было ни одного, даже легко пострадавшего пассажира, а сама дорога не имела в судах России ни одного спорного дела со своими клиентами. Будь его воля, он бы так и остался на Урале, к которому прикипел душой, но судьба распорядилась иначе. Николай Островский руководил Казанской, Харьковской, одной из Московских дорог. И всюду оставил о себе добрую память: до сей поры этого человека вспоминают с уважением и признательностью»⁴.

Но вернёмся к автографу В. Н. Шишонко. Возникают вопросы о судьбе личной библиотеки Н. С. Островского. Какова она была по объёму и содержанию? Где она? Сохранилась ли? Каким образом третий период «Пермской летописи» В. Н. Шишонко попал в библиотеку Стенфордского университета? Ответа пока нет, но есть надежда, что дальнейшие поиски помогут приоткрыть тайну о её судьбе. Да и личность самого Николая Степановича Островского, вне всякого сомнения, должна привлечь внимание пермских историков и краеведов.

¹ См.: Корш Е. В. Двадцать лет на железных дорогах. 1889-1908: Воспоминания о железнодорожной службе. – СПб., 1910.

² Цит. по: Уральская магистраль (Екатеринбург). – 2007. – 20 июня.

³ Там же.

⁴ Там же. – 2007. – 26 октября.

Опубликовано:

Городок (Соликамск). – 2023. – 8 февраля. – С. 7.

А. В. Кудрин

**Дмитрий Савельев:
террорист-экспроприатор,
лесной брат, заключённый**

Среди событий первой русской революции в Прикамье и на Среднем Урале особое место занимает серия антиправительственных партизанских выступлений, названная журналистами лбовщиной. Долгое время в центре внимания публики и исследователей оставалась, главным образом, фигура человека, чья фамилия послужила основой для наименования самого явления. В то же время многие видные участники этого движения оказались в тени, и среди них, прежде всего, Дмитрий Савельев – Сибиряк.

Дмитрий Петрович Савельев родился 24 октября 1883 года в селе Озёрно-Кузнецовском Шелковниковской волости Змеиногорского уезда Томской губернии¹. Некоторое время он учился в народном училище, затем путешествовал по стране. Работал кассиром в Туркестане, приказчиком в Одессе и, наконец, поступил в Екатеринбургскую художественно-промышленную школу, в которой провёл более двух лет. На Урале его и застала революция².

На волне энтузиазма, последовавшей за объявлением царского манифеста 17 октября 1905 года, в Екатеринбурге прошли митинги и демонстрации, 19 октября случились кровавые столкновения между революционно и контрреволюционно настроенными горожанами³. Во время этих событий Дмитрий Савельев шёл в первых рядах в колонне учащих с красным флагом, прикреплённым к винтовке, которая, по мнению полиции, была дана ему одним из преподавателей его школы⁴. Манифестация была разогнана толпой сторонников правительства, среди учеников были погибшие, многие были жестоко избиты⁵. В числе избитых

оказался и Савельев. Вскоре после выздоровления, опасаясь преследования со стороны властей, он покинул Екатеринбург и переехал в столицу.

Д. П. Савельев (Л. К. Минеев, Сибиряк) вскоре после ареста.
Пермь. Февраль 1907 года. ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 1а. Д. 95. Л. 1.

По прибытии в Санкт-Петербург он долгое время не находил себе занятия по специальности и вынужден был подрабатывать в студиях у художников. Одновременно с этим Савельев стал принимать участие в деятельности революционных организаций. В апреле 1906 года его арестовали по делу о демонстрации 19 октября и отправили на Урал. В дороге он выломал решётку в окне вагона, в котором его транспортировали, и совершил побег. Прожив недолгое время в Екатеринбурге, он вернулся в столицу, где

перешёл на нелегальное положение, скрываясь под именем Дмитрия Петровича Воронова и кличкой Митя Сибиряк⁷.

Очень скоро он оказался близок к боевым структурам революционных партий, но ни в одну из них не вступил, а из отколовшихся от своих организаций боевиков – социалистов-революционеров, социал-демократов, беглых матросов, учащихся и других людей – во второй половине лета создал автономную группу террористов-экспроприаторов. В её задачи входила добыча денег на нужды революционеров путём принудительного отчуждения имущества, организация террористических актов против крупных государственных чиновников, военных, жандармов и полицейских, а также борьба с безыдейными экспроприаторами⁸. По сведениям правоохранительных органов, Сибиряк присутствовал на совещаниях руководителей петербургской боевой дружины партии социалистов-революционеров (ПСР), максималистов, его видели в обществе видных эсеров, например, П. Рутенберга и других, общался он и с социал-демократами⁹.

Вскоре его группа начала действовать. В ночь с 26 на 27 сентября ею была совершена попытка экспроприации в Полоцком казначействе, куда специально выехала часть террористов-экспроприаторов, однако эта акция окончилась неудачей. Плачевно завершилось и нападение на усадьбу помещика Чусова в Демянском уезде Новгородской губернии в октябре – один боевик погиб, двое попали в руки полиции. В ноябре Сибиряк и ещё несколько членов группы были случайно арестованы, но вскоре вышли на свободу. 19 декабря в селе Старое Паново близ станции Лигово под С.-Петербургом им, наконец, удалось экспроприировать около 40 тыс. руб. у зажиточного домовладельца Ткачукова. Но уже 23 декабря террористов ждал провал при налёте на квартиру мещанина Скуратова на Новгородской улице в С.-Петербурге¹⁰.

В то же самое время Сибиряк и члены петербургской боевой дружины ПСР готовили взрыв охранного отделения в столице, причём к делу были привлечены и завербованные революционерами сотрудники самой охранки. Теракт должен был состояться в один из больших январских праздников, на который были бы приглашены все работники отделения.

План предполагал, что один из членов группы проникнет внутрь здания, переодевшись в форму жандармского офицера. Под его мундиром и шинелью будет находиться взрывное устройство большой мощности, соединённое с пусковым механизмом,

оснащённым карманной электрической батареей. С помощью него он, пожертвовав собой, взорвёт охранное отделение.

Подготовка этого террористического акта была близка к завершению – был пошит жандармский мундир, готовилась взрывчатка, но план не сработал¹¹. 23 декабря на одной из конспиративных квартир Васильевского острова по неосторожности произошёл самоподрыв причастного к нему боевика, готовившего взрывное устройство, что навело полицию на след заговорщиков¹².

В ночь с 29 на 30 декабря полицейские в сопровождении агентов охранного отделения пришли с обыском в дом № 1 по Суворовской улице, находившийся на перекрёстке с Малоохтенским проспектом. Здесь в съёмной комнате проживали трое членов группы террористов-экспроприаторов, являвшихся одновременно сотрудниками тайной патронной мастерской при Боевой технической группе ЦК РСДРП. В результате вспыхнувшей перестрелки погибли четверо сотрудников правоохранительных органов, ещё трое были ранены. Всем боевикам удалось скрыться. Один из них, А. Арсентьев (Сергеев) по кличке Саша Охтенский, нашёл убежище в Сестрорецке у рабочего Н. Емельянова, который десять лет спустя будет укрывать Н. Ленина (В. Ульянова) в Разливе. В Сестрорецке Сергеев получил социал-демократическую явку в Пермь, куда и отбыл через С.-Петербург 9 января 1907 года¹³. Другие уцелевшие от последовавших за столкновением на Малой Охте арестов члены группы террористов-экспроприаторов вскоре последовали за ним, был среди них и Сибиряк. В Перми и Мотовилихе он проживал под именем Леонида Кузьмича Минеева¹⁴.

Вскоре после приезда, который не был секретом для пермского охранного отделения, террористы-экспроприаторы сблизились со скрывавшимся от правосудия уже более года беспартийным революционером Александром Лбовым. Вместе с ним и несколькими его товарищами, которых уже тогда иногда называли лесными братьями, они продолжили свою деятельность на новом месте¹⁵.

2 февраля боевики совершили вооружённое нападение на дом заведующего мотовилихинской казённой аптекой А. Жихарева. Последний был причастен к увольнению и аресту нескольких провизоров¹⁶. 5 февраля состоялась экспроприация казённой винной лавки № 32 в Мотовилихе, погибли полицейский и сиделица. На следующий день экспроприаторами был произведён

налёт на дом пермяка С. Агапитова. 10 февраля по просьбе Клавдии Кирсановой, будущей жены Емельяна Ярославского, готовившей побег заключённых, они обстреляли пермскую губернскую тюрьму. Через день после этого боевики экспроприировали 250 руб. у мотовилихинского церковного старосты А. Русских.

Наконец, 15 февраля группой во главе с Сибиряком и Лбовым было совершено нападение на контору Полазненского завода князя Абамелек-Лазарева, во время которого были захвачены деньги и оружие, хранившиеся там. В результате перестрелки, возникшей в ходе экспроприации, погиб директор завода Б. Копылов и был ранен кассир А. Субботин, ранение получил и один из боевиков¹⁷.

Вечером того же дня полиция начала активные поиски и преследование экспроприаторов, но оказалась не готова к встрече со столь опытными боевиками. Только за двое суток ею было потеряно убитыми двое и ранеными четверо сотрудников, причём из последних один умер спустя месяц, при этом был задержан только один боевик и несколько причастных к этой экспроприации людей.

Через несколько дней, благодаря объединению усилий городской полиции и охранного отделения, властям удалось узнать место пребывания Дмитрия Савельева в Перми, 18 февраля была предпринята первая попытка его задержания. В результате оказанного им вооружённого сопротивления были убиты заведующий наружным наблюдением пермского охранного отделения и городской, ещё один городской был ранен, самому Сибиряку удалось скрыться¹⁸. Однако через день при помощи большого количества полицейских стражников и полуроты 11-го Псковского пехотного полка он был задержан¹⁹.

◆ Поимка преступника. Вчера, утром, чинами городской полиции въ Перми задержанъ одинъ изъ главныхъ участниковъ убійства управляющаго Полазнинскаго завода Копылова и помощника пристава Мотовилихинскаго завода Лемеша и убійца 18-го февраля агента охраннаго отдѣленія нѣкто М., назвавшійся уфимскимъ мѣщаниномъ. При задержаніи у него отобрано скорострѣльное ружье Маузера и болѣе трехсотъ рублей денегъ, вѣроятно, изъ числа выкраденныхъ при разбойничьемъ нападеніи на контору въ Полазнинскомъ заводѣ. Преступникъ сряду же былъ отправленъ въ губернскую тюрьму, а квартирохозяева, гдѣ пойманъ преступникъ, ихъ нахлѣбники, а также пришедшій въ гости нѣкто С., временно, впредь до выясненія, арестованы на своей квартирѣ. Среди арестованныхъ въ квартирѣ, гдѣ находился преступникъ, есть нѣсколько воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.

Поимка преступника // Пермские губернские ведомости. 1907. 21 февр.

Просидев около трёх месяцев в пермской губернской тюрьме, Савельев, по просьбе пермского губернатора и с согласия петербургских следственных органов, был под усиленным конвоем перевезён в столицу, где 17 мая заключён в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости²⁰.

1 и 2 сентября состоялись судебные заседания Петербургского военно-окружного суда по делу группы террористов-экспроприаторов²¹. По итогам разбирательства Сибиряк был приговорён к смертной казни через повешение, но ещё до утверждения приговора, 4 сентября, он, не называя имён, кличек и адресов, предупредил в беседе с жандармским подполковником и товарищем прокурора петербургского окружного суда власти о подготовке революционерами ряда исключительных по своей значимости террористических актов²². Свою откровенность он обосновал соображениями гуманности²³. При конфирмации смертная казнь была заменена ему бессрочной каторгой. 18-22 октября он проходил обвиняемым по делу «О покушении на взрыв охранного отделения», по которому предыдущий приговор был оставлен без изменения²⁴. Примечательно, что на обоих процессах

в группе защитников подсудимых работал помощник присяжного поверенного Александр Керенский²⁵.

Несмотря на сопротивление пермского губернатора, 9 ноября Савельев был этапирован обратно в Пермь для суда по пермским эпизодам. Его везли в отдельном вагоне под особым надзором многочисленного конвоя²⁶. Сибиряк содержался в отдельной камере исправительного арестантского отделения в исключительных условиях – кандалы, усиленная охрана в коридоре и под окном и т. п.²⁷.

В заключении он много читал, в основном научно-популярную литературу по истории. Помимо этого, ещё в Петропавловской крепости с разрешения администрации тюрьмы Савельев начал зарисовывать акварельными рисунками и графикой альбом, это же он продолжил делать и после перевода на Урал²⁸. Во время процесса в Перми, проходившего со 2 по 8 апреля 1908 года, Сибиряк, по сообщениям газет, масляными красками на холсте зарисовал всех его участников²⁹. По воспоминаниям Н. Ваганова, в зале заседаний Савельев держался с редким мужеством, что не помешало судьям во второй раз приговорить его к смертной казни³⁰.

Попытки остававшихся на свободе лесных братьев и других революционеров организовать побег Сибиряка и его товарищей, осужденных к высшей мере наказания, оказались безуспешны. Поздним вечером 26 апреля он и трое его сокамерников оказали сопротивление при попытке вывести их из камеры на казнь. Дмитрий Савельев был при этом убит выстрелом в голову, а его товарищи в ту же ночь повешены³¹. Трупы их по невыясненным причинам не были вывезены на кладбище, как это делалось обычно, а были захоронены тут же, на территории исправительного арестантского отделения, в помещении для скота³².

Вскоре после прихода к власти большевиков начальник отделения был арестован и среди прочих дал показания по этому поводу³³. В воскресенье 14 апреля 1918 года³⁴ трупы четверых казнённых были эксгумированы и перезахоронены советскими властями в Мотовилихе на горе Вышке³⁵. Однако на этом история Сибиряка и его товарищей не закончилась. 25 декабря того же года Пермь была оставлена частями Красной Армии и при новом режиме, установившемся в городе с приходом Сибирской армии, могила была уничтожена.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. ДП-7. 1907. Оп. 204. Д. 330. Т. 1. Л. 3670б.-368.

- ² Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 160. Оп. 3. Д. 276. Л. 1-4, 238-238об.; К делу террористов-экспроприаторов // Русь. – 1907. – 4 (17) сент.
- ³ Ужасное побоище // Уральская жизнь. – 1905. – 21 окт.
- ⁴ ГАПК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 145. Л. 20.
- ⁵ Жертвы 19 октября // Уральская жизнь. – 1905. – 21 окт.
- ⁶ ГАПК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 145. Л. 20.
- ⁷ К делу террористов-экспроприаторов // Русь. – 1907. – 4 (17) сент.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДП-7. 1910. Оп. 207. Д. 1409. Л. 39, 45-45об.
- ¹⁰ Там же. Ф. 102. ДП-7. 1907. Оп. 204. Д. 330. Т. 1. Л. 427, 430-431; Покушение на ограбление полоцкого казначейства // Витебский голос. – 1906. – 29 сент.; К делу террористов-экспроприаторов // Русь. – 1907. – 4 (17) сент.
- ¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1351. Оп. 1. Д. 12678. Л. 4; Дело боевой дружины п. с.-р. и группы террористов-экспроприаторов // Речь. – 1907. – 19 окт. (1 ноября.).
- ¹² Дело об экспроприаторах // Русь. – 1907. – 2 (15) сент.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Оп. 237. Д. 9. Ч. 51. Л. 5; Познер С. Патронная мастерская и вооружённое сопротивление 1905-1908 гг. // Первая боевая организация большевиков 1905-1907 гг. – М., 1934. – С. 137-141.
- ¹⁴ ГАПК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 276. Л. 1-4, 238-238об.
- ¹⁵ Пермский государственный архив социально-политической истории (далее – ПермГАСПИ). Ф. 1236. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.
- ¹⁶ ГАПК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 276. Л. 203.
- ¹⁷ Там же. Л. 23-26об., 36-37, 39-43, 62-66, 108-119.
- ¹⁸ Там же. Ф. 65. Оп. 3. Д. 110. Л. 52-52об.
- ¹⁹ Поимка преступника // Пермские губернские ведомости. – 1907. – 21 февр.
- ²⁰ ГАПК. Ф. 169. Оп. 2. Д. 17. Л. 2; ГАРФ. Ф. 102. ДП-7. 1907. Оп. 204. Д. 6. Т. 1. Л. 29об.
- ²¹ Дело об экспроприаторах // Русь. – 1907. – 2 (15) сент.; Дело террористов-экспроприаторов // Речь. – 1907. – 4 (17) сент.
- ²² По мнению видного исследователя революционного террора эпохи первой русской революции Г. С. Кана, высказанному автору в частной беседе, эти сведения были отчасти устаревшими, отчасти ложными и никакого реального содействия правоохранительным органам оказать не могли.
- ²³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Оп. 237. Д. 9 ч. 51. Т. 3. Л. 135-137.
- ²⁴ Подробнее см.: Обвинительный акт по делу о крестьянах Михаиле Яковлеве, Евгении Зайцеве, Никифоре Патеюке (в оригинальном заголовке ошибка, читать Патсюке. – Прим. А.К.) и других, преданных Петербургскому военно-окружному суду // РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 12678.
- ²⁵ Дело террористов-экспроприаторов // Речь. – 1907. – 2 (15) сент.; Дело о покушении на взрыв сб. охранного отделения // Биржевые ведомости. – 1907. – 19 окт. (1 ноября). – Утренний выпуск.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП-7. 1907. Оп. 204. Д. 330. Т. 1. Л. 385, 409.
- ²⁷ ГАПК. Ф. 169. Оп. 2. Д. 17. Л. 3-9.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП-7. 1907. Оп. 204. Д. 330. Т. 1. Л. 321-322об.; ГАПК. Ф. 169. Оп. 2. Д. 17. Л. 17-17об.; К делу террористов-экспроприаторов // Русь. – 1907. – 4 (17) сент.
- ²⁹ Приговор по делу о лбовцах // Уральский край. – 1908. – 8 апр.
- ³⁰ ГАПК. Ф. р-732. Оп. 1. Д. 75. Л. 7.
- ³¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 47а. Л. 712-712об.

³² Ширинкин И. Казнь // Борьба за власть. – Пермь, 1924. – Т II: Годы реакции. – С. 135-138.

³³ ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 134. Л. 38.

³⁴ Все даты в тексте до 1918 года даны по старому стилю, после – по новому стилю.

³⁵ Ко всем гражданам г. Перми, ко всем рабочим, ко всем Революцион. организациям // Известия Пермского губернского исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. – 13 апр.

А. В. Владзимирский

Российские научные периодические издания о первых опытах применения телекоммуникационных технологий в медицине

В настоящее время телекоммуникационные технологии активно применяются во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в медицинской науке и практике. В здравоохранении сформировалась концепция «телемедицины» как дистанционного взаимодействия медицинских работников между собой или с пациентами для решения различных клинических задач. Несмотря на сложившиеся представления, история развития научных исследований в сфере телемедицины насчитывает около 150 лет. Исходной точкой начала соответствующих исследований является середина XIX века, когда в распоряжении человечества появились первые, относительно массовые, электрические средства связи. Телекоммуникационные технологии стали универсальным средством решения одной из самых значительных проблем в здравоохранении – преодоления географического расстояния между врачом и пациентом в актуальные сроки для своевременного и качественного оказания медицинской помощи. Телекоммуникации позволили преодолеть этот барьер. В итоге в медицинской науке в период 1930-1970 годов сформировалось отдельное направление, связанное с научными исследованиями методологических и технологических аспектов дистанционной трансляции биомедицинских данных – «динамическая биорадиотелеметрия». В период 1960-1980 годов биорадиотелеметрия стала компонентом концепции «телемедицины».

На фоне крайне скудных историографических публикаций представляет значительный интерес изучение истории научных исследований в сфере биорадиотелеметрии и телемедицины. Ис-

точниковой базой для таких исследований служат архивные материалы, научные публикации, нормативно-правовая документация и т. д. При этом отмечается пробел в данных об истории применения телекоммуникационных технологий в медицинской науке и практике в России в первой четверти XX века. Для устранения этого недостатка нами проводится целенаправленный поиск релевантной информации в периодических научных журналах, издаваемых в России в период с 1900 по 1917 год. Первые результаты этой работы выглядят обнадеживающе:

1. Журнал «Медицинские прибавления к «Морскому сборнику», с 1911 года – «Морской врач»; ежемесячное издание управления санитарной частью флота Морского министерства, выходящее в свет с 1861 по 1918 год. В журнале регулярно публиковались протоколы заседания Общества морских врачей Санкт-Петербургского порта. Нами впервые выявлено, что в соответствующих материалах от 1912 года содержится информация о ранних экспериментах по применению радиотелеграфных средств связи для дистанционной трансляции биомедицинских данных (аускультативной, то есть – звуковой картины деятельности сердца и дыхания).

2. Журнал «Сборник распоряжений по Главному управлению почт и телеграфов», с 1888 г. – «Почтово-телеграфный журнал», состоящий из двух отделов – официального и неофициального; издавался в период с 1884 по 1919 год под эгидой почтово-телеграфного ведомства, после 1917 года – министерства/комиссариата почт и телеграфов. В 1915 году в журнале опубликована статья о специальной экспедиции по Карскому морю, проведённой с целью развития инфраструктуры радиотелеграфной связи по его побережью. Нами впервые выявлено, что в этом материале содержится информация о применении радиотелеграфной связи для медицинского обслуживания (дистанционного консультирования) персонала соответствующих станций.

Выявленные нами данные представляют собой значительную ценность для воссоздания целостной картины исторического развития научных исследований в сфере применения телекоммуникационных средств в медицинской науке и практике, включая изучение и, отчасти, переосмысление роли российских учёных в становлении системы научных знаний в сфере биотелеметрии и телемедицины.

Мемуары Зои Шаблювской как источник по биографии византиниста Д. Ф. Беляева

Профессор Императорского Казанского университета Дмитрий Фёдорович Беляев (1846-1901 гг.) принадлежит к числу тех дореволюционных учёных, чьи концепции развития византийской культуры, получившие высокую оценку при жизни, после революции незаслуженно были преданы забвению. Ввиду объективного отсутствия преемственности исследований византийского придворного церемониала и церковной археологии в современной России фигура Дмитрия Фёдоровича долгое время находилась вне поля зрения отечественных византинистов и историографов. Между тем научные труды ученого не потеряли актуальности в контексте разработки археографического материала, содержащегося, к примеру, в сочинении «О церемониях византийского двора»¹. В силу данных обстоятельств проведение историко-биографической реконструкции научной биографии и интеллектуального наследия исследователя видится целесообразным и обоснованным.

В современной историографии существует несколько официальных биографий Д. Ф. Беляева, обозначающих ключевые события его жизни. Касательно же научного наследия, они в лучшем случае ограничиваются освещением методологических и педагогических принципов учёного². Закономерно, что выводы о его мировоззрении на этом основании будут весьма условны.

Формальный характер выявленных к настоящему времени архивных документов, связанных с личностью Д. Ф. Беляева³, не позволяет исследователям провести полную биографическую реконструкцию его жизни. Поэтому большой находкой можно считать обнаруженные нами в отделе рукописей и редких книг библиотеки Казанского федерального университета (ОРРК НБЛ КФУ) мемуары дочери профессора Зои Дмитриевны Шаблювской (Беляевой)⁴. К сожалению, ни она сама, ни её ученик Олег Константинович Хмельницкий так и не смогли опубликовать их⁵.

Источник представляет собой сочинение формата А4 объемом 133 листа, в твёрдом переплёте. Текст печатный пронумерованный, с некоторыми вписанными вручную словами и словосочетаниями (преимущественно сложные имена собственные и иностранные выражения); в начале рукописи вклеены четыре

нenumерованных листа – предисловие ученика З. Д. Шаблювской, впоследствии профессора медицины О. К. Хмельницкого, в котором он сообщает ценные сведения об учителе, добавляя к характеристике немало личных впечатлений и переживаний. После текста рукописи идут два нenumерованных листа – два письма от О. К. Хмельницкого к сотрудникам университетской библиотеки с просьбой о публикации рукописи в Казани.

Говоря о стиле изложения З. Д. Шаблювской, пожалуй, уместно обратиться к мнению О. К. Хмельницкого: «Блестящий рассказчик, она воскрешала исторические события так, словно была их живым свидетелем»⁶. Мемуары «...живо рисуют Казань того времени, обстановку в университете, уклад respectable семьи»⁷. Из приведённого отрывка следует, что основное внимание в мемуарах уделяется повседневности казанцев и профессорской семьи Беляевых в частности.

Благодаря предисловию становится известно, что после смерти отца в 1901 г. Зоя ушла из родительского дома, продолжив обучение на Бестужевских курсах, и целиком посвятила себя педагогической и просветительской деятельности, впоследствии примкнув к революционному движению. В это время девушка совмещала преподавание истории и литературы в гимназии с занятиями в рабочих кружках на окраине Петербурга. Выйдя замуж, Зоя Дмитриевна переехала в Тулу, где развернула энергичную деятельность в местных органах просвещения, совмещая её с традиционным гимназическим преподаванием. Через некоторое время после окончания Гражданской войны Зоя вместе с семьёй вернулась в Ленинград, где, проработав в фабрично-заводских школах, постепенно отошла от педагогической деятельности ввиду тяжелой болезни. Во время блокады Ленинграда, в 1942 г., Зоя Шаблювская скончалась⁸.

Для историографов отечественной византистики данный документ представляет важность ввиду большого количества заключенной в нём информации о Д. Ф. Беляеве. Для Зои Дмитриевны её отец – вечный идеал и непогрешимый авторитет, к памяти которого она постоянно апеллировала на протяжении всего повествования. Можно утверждать, что Дмитрий Фёдорович был своего рода олицетворением того славного беззаботного и безмятежного казанского детства, к которому с ностальгией обращается писательница.

Мемуары проливают свет на малоизвестные сведения о ранних годах жизни византиста Д. Ф. Беляева, процессе его становления как ученого. «Бросивший семинарию семинарист,

своим горбом пробившийся к университету...»⁹ – так характеризует юность отца Зоя Шаблювская. Этот отрывок единственный из всех известных источников объясняет разрыв Д. Ф. Беляева с духовным сословием в 1867 г. К сожалению, к настоящему времени у нас нет каких-либо объяснений столь крутого поступка молодого человека, тем более удивительным кажется то, что «папа, неверующий, почему-то стоял за соблюдение обрядов»¹⁰.

В контексте парадоксальной религиозности учёного весьма примечательна история, о которой вспоминает Зоя Шаблювская. Однажды во время крестного хода в дом Беляевых принесли Смоленскую икону Божией Матери. Вслед за ней потянулись верующие, которые вытоптали газоны, оборвали плоды с деревьев, даже украли несколько столовых приборов. В ответ Беляевым для отваживания в будущем верующих «...было велено говорить, что здесь живут татары»¹¹.

С 1867 г. начинается становление Д. Ф. Беляева как филолога-классика. Из мемуаров можно заключать, что учёба в столице была сопряжена с немалым количеством трудностей, прежде всего финансовых. Поэтому уже с 20 лет студент Дмитрий Беляев был вынужден давать уроки¹². Этот факт подкрепляется сведениями из официальных биографий, перечислявших учебные заведения Петербурга, в которых будущий учёный работал: женская Мариинская гимназия, VI гимназия, частные гимназии Спешневой. Благодаря педагогической практике в гимназии М. П. Спешневой учёный познакомился со своей будущей супругой – Зинаидой Яковлевой, которой преподавал древние языки¹³.

В этом контексте нельзя не сказать про молодость Зинаиды Яковлевой. Как свидетельствует её дочь, «мама до замужества была одной из передовых учительниц Петербурга, одной из первых женщин, занявшихся этой деятельностью. Часто она упоминала имена Раевского, Ушинского как своих наставников, рассказывала о работе в гимназии Спешневой»¹⁴. Педагогической деятельностью девушка занималась уже с 16 лет, 10 лет содержа её свою семью – несовершеннолетних братьев, угасшего отца и мать, бывшую фрейлину Амалию Утермарк.

Однако невольно встаёт вопрос: искренна ли была автор мемуаров, описывая тяжёлую молодость своей матери? Ведь её бабушка, всегда близкая к императорскому двору, не упоминала в своих мемуарах¹⁵ каких-либо проблем, в том числе и финансовых. Думается, здесь мы сталкиваемся с умышленным сокрытием аристократического происхождения, своеобразной «пролетаризацией» родословной.

Суровая молодость привела к тому, что учёный старался сделать всё возможное для благоденствия своих домочадцев. По приезде в Казань молодая семья первоначально снимала дома у купцов Ивноерова, Колонтаева, Швейнберга, пока в 1883 г. не обзавелась личным домом на улице Вторая Гора¹⁶. Купленный у старика Зороастрова дом «был очень невелик»¹⁷, а семья постоянно росла: в 1880 г. родилась дочь Зоя, в 1882 г. – сын Дмитрий, а в 1883 г. – дочь Люцелла. Вдобавок ко всему к Беляевым вскоре переехала тёща. Вполне логично, что вопрос о расширении дома остро стоял на повестке дня: «Папа, строивший дом на свои трудовые сбережения и воплощавший в нём все мечты своей нищей молодости... папа чрезвычайно страстно относился к происшествиям на стройке»¹⁸. Для этой цели профессор был вынужден откладывать большие суммы денег, отказывая себе во многом: «А я помню рваные и заплатанные папины ботинки»¹⁹, – с ностальгией вспоминала его дочь.

Дмитрий Фёдорович, с самого начала работы в Казанском университете активно участвовавший в организационной деятельности, с пристрастием относился к стройке не только своего дома, но и учреждений университета: новой библиотеки, клиник. Будучи честным и неподкупным, принципиальным человеком, радевшим о благоустройстве университета и его обитателей, профессор всё же не мог предвидеть и исправить некоторые сложности, возникавшие в процессе строительства: «...папа будет распекать штукатурку, осмелившегося предложить ему взятку в связи с какими-то недочётами при стройке клиник»²⁰. Похоже, что таких случаев было немало. Благое усердие обернулось однажды жарким августовским днем 1897 г. против учёного. Замещающая ректора на стройке, Д. Ф. Беляев «заработал» инсульт. «Эту же страстность он перенёс впоследствии на стройку университетских клиник на Арском поле, и клиники стоили ему жизни, так как среди стройки его хватил апоплексический удар»²¹. Причиной последовавшей вскоре отставки и смерти учёного был именно паралич вследствие кровоизлияния в мозг, которое было вызвано сильным нервным напряжением: «...когда строились клиники, и папа, выходя из себя, следил за их стройкой, ускоряя этим свою гибель»²². Вспыльчивый и крутой характер учёного²³, вероятно, сыграл не последнюю роль в этой трагедии.

Таким образом, информативную ценность рассматриваемого документа трудно переоценить. Благодаря ему мы имеем возможность полнее и глубже провести реконструкцию таких

сторон биографии учёного, как петербургский этап и трагедия 1897 г., расширить представления о его семье. Мемуары З. Д. Шаблиовской дополняют академическую биографию исследователя и, без сомнения, играют весомую роль в максимально полной реконструкции этапов и вех жизненного пути выдающегося учёного.

¹ «О церемониях византийского двора» (лат. «De cerimoniis aulae byzantinae») – византийское сочинение 2 пол. X в., представляющее пособие для организаторов выходов василевсов в собор Св. Софии и другие религиозные и светские пункты Константинополя. Авторство источника традиционно приписывается императору Константину VII Багрянородному, однако ряд исследователей (Д. Ф. Беляев, М. А. Курьшева и др.) высказывают предположение, что настоящим автором был придворный чиновник, отвечавший за организацию и проведение церемоний. Источник содержит большое количество информации топографического, археологического и социального характера.

² Кондаков Н. П. Рецензия на: Беляев Д. Ф. *Byzantina*. Кн. I // Византийский временник. – СПб., 1894. – Т. I. – Вып. 1. – С. 173-180; Жебелев С. А. Дмитрий Федорович Беляев // Византийский временник. – СПб., 1901. – Т. VIII. – С. 351-355.; Шестаков С. П. Д. Ф. Беляев (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1901. – Т. 336. – С. 9-31; Загоскин Н. П. Беляев, Дмитрий Феодорович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: За сто лет (1804–1904). – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 50–52.

³ Основным источником архивных документов по биографии Д. Ф. Беляева является Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). В ходе изучения фонда Императорского Казанского университета (ф. 977) было выявлено 124 архивных дела 1877-1901 гг., дающих сведения о педагогической, организаторской, научной деятельности профессора Д. Ф. Беляева на историко-филологическом факультете.

⁴ Беляева З. Д. Старая Казань [Воспоминания. 80-90-е гг. XIX в.]. – Л., 1930 // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета (далее – ОРРК НБ КФУ). – 133 л.

⁵ Там же. – Л. 3 нн.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – Л. 1 нн.

⁸ Там же. – Л. 2 нн.

⁹ Там же. – Л. 52.

¹⁰ Там же. – Л. 22.

¹¹ Там же. – Л. 22-23.

¹² Там же. – Л. 29.

¹³ Там же. – Л. 85. Об этом упоминала и будущая теща учёного в своих воспоминаниях: Яковлева А. И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Исторический вестник. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1888. – Т. XXI. – С. 603.

¹⁴ Беляева З. Д. Старая Казань [Воспоминания. 80-90-е гг. XIX в.]. – Л., 1930 // ОРРК НБ КФУ. – Л. 85.

¹⁵ Яковлева А. И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Исторический вестник. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1888. – Т. XXI. – С. 593-606.

¹⁶ Ныне – улица Волкова г. Казани.

¹⁷ Беляева З. Д. Старая Казань [Воспоминания. 80-90-е гг. XIX в.]. – Л., 1930 // ОРРК НБ КФУ. – Л. 36.

¹⁸ Там же. – Л. 52.

¹⁹ Там же. – Л. 40.

²⁰ Там же. – Л. 55.

²¹ Там же. – Л. 52.

²² Там же. – Л. 55.

²³ Там же. – Л. 53.

А. П. Зиновьев

«Если рассказать о моей жизни...»

Как часто приходится слышать слова, особенно от пожилых людей: «Если рассказать о моей жизни, то роман можно написать...» Не знаю, как насчёт романа, но, если отбросить преувеличение, то доля истины в этом утверждении есть: жизнь каждого человека уникальна, тем более если она приходится на крутые, переломные моменты эпохи. О справедливости этого утверждения свидетельствуют сочинения учащихся пермской школы № 132, собранные в машинописный сборник «Великая Отечественная война в воспоминаниях, документах, фактах (по материалам семейных архивов)». Сборник этот – результат поисковой работы старшеклассников – передал в фонды Музея истории Индустриального района г. Перми Владимир Сергеевич Колбас, краевед, историк, заместитель директора Детско-юношеского центра «Рифей».

Перелистаем несколько страниц этого сборника, прикоснёмся к судьбам людей, опалённых войной.

Вот воспоминания Екатерины Михайловны Сорокиной, записанные её дочерью Людмилой. Десятилетняя Катя жила в Смоленской области в деревне Лужок, которая неоднократно переходила из рук в руки, то к немцам, то к русским. «Мы, — вспоминала она, — сбивали и таскали на себе железные «ежи». Немцы силой принуждали советских людей носить на передовую, проходившую по окраине деревни, колючую проволоку, приказывали копать колхозную картошку для фашистских солдат. И ребятишки, женщины, старики под снарядами, летящими с обеих сторон, работали, боясь расстрела». «Нечего было есть, нечего было носить. Мама рассказывала, — пишет Людмила Сорокина, — что они собирали с полуразложившихся трупов остатки ботинок, выкола-

чивали из них кости, полоскали в реке и носили. Так же и одевались. Питались летом ягодами и грибами, а осенью разрешили как сиротам копать картошку».

Цепкая память Е. М. Сорокиной сохранила ещё один эпизод: «Когда немцы появились в первый раз в деревне, все жители вместе с коровами и всякой другой живностью ушли в близлежащий лес. Некоторые пошли искать партизан, а старики, женщины и малые дети остались в этом лесу. Убедившись, что в деревне никого нет, фашисты начали прочёсывать лес и обнаружили группу людей, которые прятались в овраге. Заставили их выходить. А моя тётка, замешкавшись, не успела вовремя вылезти. Фашисты её расстреляли». Людмила Сорокина добавляет: «Мама часто вспоминает, что немцы даже снимали на киноплёнку этот момент».

«Мама рассказывала, что она чудом осталась жива, — читаем далее в сочинении Людмилы Сорокиной. — Когда, бросив проволоку, она побежала с принудительных работ, за ней погнался немецкий часовой. Мама, спасаясь от преследования, забежала в один из домов и спряталась за косяк двери, далеко выступавший внутрь комнаты. Немец, подойдя к двери, пострелял в темноту... и ушёл... Это и спасло маму от смерти...».

Перекликается с сочинением Людмилы Сорокиной работа Елены Актищевой. Она записала воспоминания И. Ф. Ильина, которому было десять лет, когда в 1941 году фашисты захватили его деревню на Псковщине. «Представление о фашистах, — писала Елена Актищева, — маленький Ваня имел только по карикатурам и страшно удивился, когда увидел, что немцы — обыкновенные люди, такие же, как все... Не раз случалось, что немецкие солдаты переходили на сторону партизан и воевали против гитлеровцев. Дядя Ивана Фёдоровича, бывший тогда в партизанах, рассказывал, — ссылается на воспоминания И. Ф. Ильина Елена Актищева, — что у них находились два немца. Однажды, когда отряду пришлось отходить под ударами превосходящих сил противника, эти двое немцев отстали. В отряде решили было, что немцы, прихватив пулемёт, подались обратно к своим. Но немцы-партизаны, подпустив фашистов поближе, открыли по ним плотный огонь из пулемёта и прикрыли отход отряда».

«Однажды ночью, — приводит ещё один эпизод из воспоминаний И. Ф. Ильина Елена Актищева, — раздался стук в окно и послышался голос: «Хозяин, выходи!» Отец Ивана вышел и долго не возвращался. Когда пришёл, то, где был и что делал, не сказал. Утром ребячье любопытство совсем замучило Ивана,

и он осмелился спросить: «Папка, кто это ночью к нам приходил?» В ответ услышал: «Цыц! Запорю ремнём! Ты ничего не видел, понял?!» А это приходили партизаны», — позже догадался Иван. В окрестностях их деревни дислоцировался партизанский отряд А. В. Германа, погибшего в бою и удостоенного посмертно звания Героя Советского Союза. «Все люди старались помочь партизанам. Маленькому Ивану самому один раз пришлось им помогать. К нему подошли три человека и спросили: «Что, парень, к мосту отвести можешь?» Он провёл их. И уже потом, сидя дома, видел из окна, как взорвалась на мосту немецкая машина».

Много нового о своей родственнице Ольге Митрофановне Шолоховой узнала Ирина Сажина. Майор О. М. Шолохова была командиром эскадрильи в составе знаменитого 125-го гвардейского бомбардировочного полка имени Героя Советского Союза М. М. Расковой, участвовала в параде Победы, награждена орденами Красного Знамени, Отечественной войны, Александра Невского и многими медалями. Открытием для Ирины Сажиной стало и то, что опубликованы воспоминания Галины Турабелидзе о встрече Ольги Шолоховой и Валентины Волковой с французскими лётчиками: «...Это было зимой 1944 года. Метель гуляла по аэродрому. Было тоскливо от того, что нет никаких вылетов. И в такую погоду на аэродром, где находился наш полк, — цитирует мемуары французского лётчика Г. Турабелидзе, — сел пикирующий бомбардировщик Пе-2, так как соседний аэродром, где базировались бомбардировщики, совсем закрыла метель. Мы, французские лётчики, с восторгом следили за смельчаком, отлично приземлившим свой самолёт при такой плохой видимости, и поспешили к самолёту, чтобы скорее познакомиться с лётчиком. И как же мы были изумлены, узнав, что самолёт пилотировали девушки!» Полковник Леон Кюффо и капитан Андре Жак, которые были потрясены мастерством советских девушек, в восхищении сказали: «Если бы мы могли собрать цветы всего мира и положить их к вашим ногам, то и этим мы не смогли бы выразить своё восхищение советскими лётчицами». А когда французы узнали, что девушки летали и на истребителях, они ещё больше удивились.

Навсегда сохранились в памяти И. В. Галчанской годы оккупации Керчи и освобождение её от фашистских захватчиков. «Бои были ужасные, — записала воспоминания своей бабушки Оксана Хрипченко. — Помню, сколько ни охватывал человеческий взгляд, — всё было черно. Над морем стоял смерч, сплошной туман. Всё свистело, взрывалось, гудело... Сколько наша земля

вытерпела! Даже не верится, что сейчас на ней родится хлеб». 11 апреля 1944 года Керчь была освобождена, а деревню Тобечик, в которой жила И. В. Галчанская, после войны переименовали в село Челябиново, в честь Героя Советского Союза Д. А. Челябинова, погибшего в боях за Керчь.

О своём деде, Александре Яковлевиче Тиунове, которого в семье называют дядя Саша, написал Алексей Осокин. Призванный в армию в 1939 году, А. Я. Тиунов служил красноармейцем-десантником, участвовал в финской кампании, в 1941 году должен был демобилизоваться, но... пришлось защищать Ленинград. Во время прорыва блокады был тяжело ранен. «Воинская часть, в составе которой воевал дядя Саша, — читаем в сочинении Алексея Осокина, — вела бои в районе Пулковских высот. В осаждённом Ленинграде дядя Саша был до самого прорыва блокады, принимал участие в лыжных десантах. Непосредственно перед самым прорывом бойцы их части получили боевую задачу и были заброшены в тыл к немцам. Условия были тяжёлые: не хватало боеприпасов, не хватало и продуктов питания. Советские бойцы не ели практически в течение трёх дней (это, возможно, и спасло дядю Сашу...). Во время наступления Красной Армии они начали пробиваться к своим. В бою был тяжело ранен друг Александра Яковлевича, но надо было идти вперёд, не останавливаться, выполнять поставленную боевую задачу. После боя, когда был завершён прорыв, — пишет далее внук А. Я. Тиунова, — в часть приехала полевая кухня. Повара варили кашу. Дядя Саша пошёл искать раненого друга. Сначала он полз по-пластунски, затем шёл пригнувшись, а потом встал во весь рост. Друга Александр Яковлевич нашёл уже мёртвым. Взяв документы и взвалив его на плечи, потрясённый, он пошёл обратно. Шёл во весь рост, не пригибаясь. Когда дошёл до своего блиндажа, раздался выстрел. Стреляла фашистская «кукушка» — немецкий снайпер. Дядя Саша был тяжело ранен. Пуля попала в живот, навывлет, пройдя между рёбрами, в трёх сантиметрах от позвоночника. Шансов выжить было очень и очень мало. Но Александр Яковлевич выжил. Дядю Сашу спасло то, — уточняет Алексей Осокин, — что медицинская помощь была оказана своевременно, и то, что перед ранением он ничего не ел. Сильный его организм выдержал сложнейшую операцию...»

«Если рассказать о моей жизни...» Да, если рассказать. Жизнь каждого человека уникальна, неинтересных судеб не бывает.

Опубликовано:

Витражи: Информ. бюлл. (Индустр. р-он, г. Пермь). – 2000. – № 3. – С. 3.
Местное время (Пермь): Спец. вып. – 2000. – Май. – С.12.

А. П. Зиновьев

Рукотворные странички истории (Стенные фотогазеты школы № 137 и гимназии № 2)

Людам старшего поколения хорошо известен такой вид печати, как стенная газета. В каждой школе, в каждом классе, во всех вузах, училищах и техникумах выпускались свои стенные газеты, выход которых был праздником. Ибо делались эти газеты людьми талантливыми и равнодушными. Выпускались стенные газеты оперативно, а вот читались долго. Случалось, и старые номера приходилось вновь вешивать – таков был неподдельный спрос на стенную печать. Бывало, материалы газет вызывали споры, случались и скандальные истории, когда эти газеты по указанию администрации снимались со стен. Да, и так было. К сожалению, газеты эти плохо хранились, найти их в настоящее время – большая проблема. А они не только свидетели ушедшей эпохи, стенные газеты ещё и очень интересный и информативный исторический источник.

30 октября 2003 года в пермской муниципальной гимназии № 2 – находится она в жилом микрорайоне Садовый – состоялась презентация выставки «Рукотворные странички истории». В экспозиции представлены стенные фотогазеты, отражающие историю школы № 137 (ныне расформированной) и открывшейся на её базе гимназии № 2 за 1991, 1992 и 1993 годы. Фотогазеты выпускались под руководством учителя географии В. В. Мартемьянова.

Владимир Владимирович Мартемьянов родился в городе Молотове (Перми) в 1956 году. Учился в средней школе № 60. В школьные годы увлекался гимнастикой, принимал участие в различных спортивных соревнованиях и праздниках. Помимо спортивной секции занимался в фотостудии городского дворца пионеров и школьников, которая находилась в здании бывшего детского клуба «Муравейник». Успешно выступал на городских и областных фотоконкурсах, где неоднократно получал награды. Так, например, Владимир Владимирович был призёром между-

народного детского фотоконкурса «Зоркий-Дружба-50». Участвовал в работе литературно-политических агитбригад, которые выступали в Пермском академическом театре оперы и балета им. П. И. Чайковского, во дворцах культуры – имени Я. М. Свердлова и имени М. И. Калинина, – когда отмечались юбилеи пионерии и комсомола. Закончил Свердловский горный институт им. В. В. Вахрушева (ныне – академия), а также прошёл артековскую школу вожатых. В студенческие годы во время экспедиций объездил почти весь Советский Союз: был в Казахстане, на Южном Урале, в Краснодарском крае и в Забайкалье. Совершил более ста научно-исследовательских и туристских походов по Пермской области. Работал фотокорреспондентом в газете «Разведчик недр», печатался в районных, областных и республиканских газетах. Написал монографию «Исследование рельефа граней кристаллов уральских изумрудов».

Когда В. В. Мартемьянов пришёл работать в школу № 137, он, будучи журналистом, и организовал вместе с учащимися выпуск стенных фотогазет. В. В. Мартемьянов вспоминает: «Была возможность посещать уроки, мероприятия, был хороший фотоаппарат, фотолаборатория, была оплата фотоматериалов, было желание самовыразиться. Появился свой класс [имеется в виду классное руководство. – А. П.] – фотогазеты стали более целевые, появились фотогогерои. В первые годы становления школы фотогазеты были редким источником информации в коридоре. Это сейчас все стены «информационны».

Что же привлекло В. В. Мартемьянова в стенной фотогазете? Чем она для него была интересна? На эти вопросы он отвечает так: «Оперативность (на следующий день после события). Интересные сюжеты (динамичные, а не статичные). Каждая газета – новый цветовой фон, заголовок! Интересные подписи-комментарии (информация + юмор). Нестандартность оформления (газета длиной пять метров, газета на объёмном многограннике и т.п.)». И добавляет: «Отсутствие цензуры (самоцензура!). Первая же попытка что-то запретить была обыграна в следующем номере фотогазеты. Было найдено несколько фотомоментов, за которые не стыдно и сейчас, спустя годы. Постоянно приходилось что-то сочинять, чтобы газеты были привлекательными».

И действительно, тематика сохранившихся фотогазет (около 30 номеров) разнообразна: «Накануне» (сентябрь 1991 г., о последних днях строительства школы), «Так начинается школьная жизнь» (сентябрь 1991 г., о первых днях новой школы № 137), «Один день и вся жизнь» (23 сентября 1991 г., это своеобразный

фотодневник одного дня школы), «Посвящение в гимназисты» (5 октября 1992 г.), «Первый последний звонок» (1992 г.), «Выпуск – 92» (4 июля 1992 г.), «Педсовет... Педсовет? Педсовет!» (декабрь 1992 г.), «Они были первыми» (25 мая 1993 г., о выпуске первых гимназистов), «Привет, олимпиада!» (без даты, номер посвящён олимпиаде по экономике), «1 сентября» (к сожалению, без даты), «Второклассник – профессия трудная» (увы, и этот выпуск газеты без даты).

«Школьные стенные газеты, – делится своими наблюдениями директор гимназии № 2 Людмила Андреевна Суханова, – это очень интересная сторона сотрудничества в нашей гимназии. Именно сотрудничество – взаимного сотворчества педагогов и учеников, старших и младших, взрослых и детей. Благодаря этому взаимодействию у нас в гимназии всегда появлялись очень интересные настенные фотогазеты, которые мы очень любим и всегда ждём их появления».

Что можно сказать в заключение? Выставка стенных фотогазет «Рукотворные странички истории» вызвала живой интерес у гимназистов, их родителей и учителей. Каждый из них может найти на страницах фотогазет знакомые лица: учителя – своих коллег, любимых и некогда нерадивых учеников, гимназисты – своих учителей, старших сестёр и братьев, а родители – и тех, и других.

Годы быстро летят. Фотогазеты школы № 137 и гимназии № 2 стали фактом истории. И документальным источником для будущих исследователей истории народного образования города Перми.

Опубликовано:

Пермь: прошлое и настоящее. Твоё родословное древо: Мат-лы науч.-практ. конф. (5-6 декабря 2003 г.). – Пермь, 2003. – С. 42-43.

В. С. Колбас

«Вестник СНО» истфака ПГУ

Произведения классиков, в том числе труды политических деятелей советской эпохи, по моему глубокому убеждению, надо знать, тем более историкам, которые занимаются изучением этого периода. Много полезных мыслей ими, «классиками», как

их теперь некоторые пренебрежительно называют, было высказано. Так, Владимир Ильич Ленин (Ульянов), создавая газету «Искра», в статье «С чего начать?», написанную в мае 1901 года, высказал идею, ставшую научным и политическим открытием: «Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но и коллективный организатор»¹. И это утверждение было верно длительное время. Сейчас на смену газете пришли электронные средства массовой информации, Интернет играет важную роль в деле распространения информации, пропаганды идей и организации масс.

В советские годы, когда любое печатное слово требовало утверждения Главлита или подчинённого ему органа цензуры, а издание печатной продукции – газет, журналов, книг и брошюр – строго контролировалось и регламентировалось, большое значение имела стенная печать. В каждой школе, каждом классе, на предприятиях и в учреждениях создавались редколлегии, которые занимались выпуском стенных газет – «вестников», «молний», «листочков», сатирических «крокодилов» и т. п., и т. п. Эта традиция не обошла и вузы. Вот и в ПГУ, помимо издаваемой типографским способом газеты «Пермский университет», регулярно выходили стенные газеты всех факультетов. Они, как правило, состояли из нескольких ватманских листов, размещаемых в учебных корпусах, собирая толпы читателей сразу же после появления нового номера. Выходила своя стенная газета и на историческом факультете. Долгое время её редактором был преподаватель кафедры всеобщей истории Фёдор Евгеньевич Зубков.

Выходила на историческом факультете ещё одна стенная газета – «Вестник СНО». У меня, как заместителя, а затем и председателя студенческого научного общества (СНО) исторического факультета и редактора этой газеты, сохранилась папка с материалами только четырёх, к сожалению, «Вестников СНО»: за 1977 год – одного номера, за 1978 год – трёх.

В работе над этими стенными газетами принимали участие студенты: Евгений Ашихмин, Геннадий Бординских, Пётр Кайлер, Александр Кузьмин, Владимир Мокрушин, Сергей Плотников, Виталий Сизов, Владимир Сокол, Александр Старостин, Павел Фадеев и даже студент Пермского государственного медицинского института Александр Морозов.

В числе авторов – заместитель декана исторического факультета Олег Петрович Малис, кандидат исторических наук, до-

цент (позже – доктор исторических наук, профессор) Анна Захаровна Нюркаева и студенты: Владимир Колбас, Александр Кузьмин, Игорь Пинегин, Сергей Плотников, Анна Старкова.

О чём писали, какие темы освещали авторы?

В первом номере «Вестника СНО» в своеобразной «редакционной» статье я дал оценку первокурсникам, поступившим на истфак ПГУ в 1977 году. Думаю, есть смысл привести эту статью полностью:

Впечатление – благоприятное

Каждый год первокурсники, поступившие в вуз, приносят новые волнения, новые надежды преподавателям и сотрудникам: какие они есть? Какими они станут за годы студенческой жизни?

Чем интересны нынешние первокурсники?

Многие из них до поступления в университет успели проявить себя в интересной работе: Виталий Сизов, например, печатался в газете «Красный тундровик» (Ненецкий национальный округ), Сергей Плотников занимался на историческом отделении Малой академии школьников в Сыктывкаре и ездил на археологические раскопки поселения Ниремка II в Коми АССР. Аня Старкова и Игорь Пинегин принимали участие в краеведческой работе. Оля Rogozина и Александр Кузьмин серьёзно увлекались историей и готовили рефераты.

Одним словом, впечатления о первокурсниках – благоприятные.

Мы, члены студенческого научного общества, надеемся, что творческий энтузиазм первокурсников не иссякнет, они активно включатся в научную работу на факультете и станут достойными членами СНО. Давно стал непреложной истиной тот факт, что студент, который успешно и систематически занимается научной работой, имеет лучшие показатели и в учёбе. Научная работа в студенческие годы – первый шаг в большую науку.

Желаем нашим первокурсникам успехов!

Рады будем видеть их в рядах членов студенческого научного общества исторического факультета.

Первый номер вестника СНО исторического факультета в год 60-летия Великого Октября подготовлен силами студентов первого курса. Материалы выпуска позволяют, думается,

судить о том, что умели первокурсники до поступления в университет и каких успехов можно ожидать от них в дальнейшем.

Итак, слово первокурсникам...

В этом номере опубликована заметка Александра Кузьмина о его первой исследовательской работе, выполненной ещё в девятом классе, – реферате о Жюле Валлесе (1832-1885) – французском писателе-реалисте и революционере, участнике Коммуны 1871 года, за что он был приговорён к смерти, но успел бежать. В 1881 году Жюль Валлес вернулся по амнистии во Францию, издавал революционную газету «*Cri du peuple*». Отправной точкой для начала работы школьника над рефератом послужило прочтение книги Жюля Валлеса «Парижская Коммуна» (М.: Наука, 1974), опубликованной в серии «Литературные памятники».

Игорь Пинегин рассказал об Исааке Тверье – герое-выпускнике школы № 7 города Перми: «Исаак Тверье закончил школу в 1942 году и сразу же после окончания школы ушёл добровольцем на фронт. Он воевал в десантном лыжном батальоне на Карельском перешейке. Обстановка в этом районе фронта складывалась неудачно для наших войск. Батальон был брошен в разведку в глубокий тыл врага. Здесь он попал в засаду. Завязался бой. Силы были неравные, батальон отступил, часть бойцов осталась в прикритии. И среди них – И. Тверье. Он под ураганным огнём противника поднял бойцов небольшой группы прикрития в атаку, но вражеская пуля сразила героя. Товарищи-фронтовики похоронили своего друга на берегу одного из озёр Карелии...»

Сергей Плотников поделился впечатлениями о раскопках одного из жилищ поселения эпохи бронзы Ниремка II близ села Серёгово по реке Вымь в Коми АССР. «Жилище, которое мы раскапывали, имело в диаметре около 14 метров. [...] Медленно, пласт за пластом, расчищали культурный слой. Число находок увеличивалось по мере углубления и приближения к центру. Наиболее часто попадались обломки глиняных сосудов (керамика) и кремневые отщепы, реже – скребки. Был найден кремневый нож, наконечник стрелы, шильце и шлифовальный камень. К числу наиболее ценных находок была отнесена каменная подвеска». И подвёл итог: «Моя мечта – стать археологом».

Анна Старкова написала статью о жизни партизанки, Героя Советского Союза Веры Захаровны Хоружей в эвакуации в селе Усть-Буб, что раскинулось над рекой Обвой, куда она приехала

с семьёй – матерью, сестрой с детьми и совсем маленьким сынишкой. Жители села помнят Веру. Она была известной активисткой, добрым, сердечным человеком. Вскоре Вера решила уехать на фронт. «Женщины, – приводит Анна Старкова воспоминания бывшей учительницы Е. Е. Марамыгиной, – отговаривали её: «Как же оставишь своих детей? Мать у тебя старенькая, да и у сестры двое ребятишек!» Вера отвечала: «Я знаю, что мои дети здесь останутся под присмотром, а там, на фронте и в тылу у фашистов – гибнут тысячами». Вера Хоружая написала письмо в ЦК ВКП(б) с просьбой отправить её на фронт. Её просьбу удовлетворили. В апреле 1942 года она уехала в Москву, вскоре ненадолго возвращалась в Усть-Буб проститься с семьёй. Больше её здесь не было».

В 1978 году в первом номере «Вестника СНО» куратор студенческого научного общества от деканата Анна Захаровна Нюркаева опубликовала статью «Студенческая научная работа на факультете». В ней она отметила: учебными и внеучебными формами студенческой научной работы охвачено сто процентов студентов, «что серьёзно стимулирует академическую активность на факультете», и в доказательство приводит цифры: так, успеваемость за 1977/1978 учебный год составила 97,2 процента, а количество студентов, успевающих на «хорошо» и «отлично», – 70 процентов. И далее: «За истекший год было подготовлено для студенческой конференции и конкурсов 96 докладов, из них опущено 50, что свидетельствует о высоком научно-теоретическом уровне студенческих исследований. Работы трёх студентов – А. Мельничука, А. Строканова, В. Колбаса – опубликованы в центральной и местной печати. Серьёзно и успешно занимаются научными изысканиями М. Лукьянов, П. Сон, П. Павлов (старший) и другие».

«Массовой формой студенческой науки, – развивает тему А. З. Нюркаева, – является кружковая работа. На факультете традиционно работает 6 кружков. Недавно организовался новый кружок – проблем методики истории, который поможет студентам в освоении теоретических и практических знаний и навыков в преподавании истории. Активно наши студенты работают на кафедрах общественных наук (30 человек). Кружковая работа имеет реальные результаты, она создаёт основы для написания серьёзных в научном отношении курсовых и дипломных работ и для разработки лекций для населения. (В прошлый учебный год прочитано более 1000 лекций)».

А. З. Нюркаева не обошла стороной и критику. Она с сожалением констатировала, что у историков членство в СНО составляет примерно 20 процентов от общего числа студентов факультета, а у юристов и экономистов этот показатель достигает 50-80 процентов. Как этот результат достигался, это отдельный вопрос.

Я же вспоминаю «несогласного» студента Мишу Грифа: он всякий раз уклонялся от предложения вступить в СНО и отказывался написать заметку о своей научной работе в нашу стенную газету. Видимо, стеснялся. А вот окончив университет, Михаил Леонидович Гриф стал авторитетным специалистом в области вооружения и военной техники и в соавторстве с Евгением Павловичем Субботиным и Михаилом Ивановичем Серовым издал справочник о технических памятниках и арт-объектах города Перми «Металл и камень» (Пермь: Арабеск, 2014).

В другой своей статье – об итогах 36-й студенческой научной конференции, посвящённой 60-летию ВЛКСМ («Вестник СНО». – 1978. – № 3), – А. З. Нюркаева привела цифровые показатели: в работе конференции участвовало 126 студентов и 25 преподавателей. На шести секциях заслушано 28 студенческих докладов, кроме того, 20 выдвинуто по общественным кафедрам. Количество докладов по курсам распределилось следующим образом: первый курс – 7, второй курс – 9, третий курс – 8, четвёртый курс – 14, пятый курс – 8, шестой курс (заочное отделение) – 2.

Далее А. З. Нюркаева назвала имена тех студентов, чьи доклады отметило факультетское жюри за самостоятельный, творческий характер: это – студенты четвёртого курса Виктор Мохов, Ирина Максимова, Алексей Соболев; третьего курса – Игорь Кирьянов, Михаил Лукьянов, Пётр Сон; второго курса – Игорь Клопов, Наталья Гордеева и др. Разумеется, отдельно А. З. Нюркаева написала о лауреате факультета 1978 года Михаиле Лукьянове. Он, подчеркнула А. З. Нюркаева, занимается с увлечением исследовательской работой с первого курса, его работы ежегодно выдвигаются кафедрой новой и новейшей истории на университетские, городские конференции и выставки студенческого творчества. И завершила абзац словами: «Пожелаем Мише Лукьянову новых успехов в поисках и решениях исследовательских задач!»

К сказанному А. З. Нюркаевой необходимо сделать дополнение: трое из названных студентов – Михаил Николаевич Лукьянов, Виктор Павлович Мохов, Игорь Константинович Кирьянов – через несколько лет стали докторами исторических наук,

профессорами, а И. К. Кирьянов, помимо этого, долгое время возглавлял деканат исторического / историко-политологического факультета в alma mater.

Во втором выпуске «Вестника СНО» 1978 года был помещён отчёт Олега Петровича Малиса об итогах предметной олимпиады. Первым делом он перечисляет состав факультетского жюри. В него вошли: Олег Петрович Малис, председатель, заместитель декана исторического факультета; Анна Захаровна Нюркаева, доцент, руководитель научно-исследовательской работы студентов исторического факультета; Владимир Антонович Оборин, доцент, заведующий кафедрой истории СССР досоветского периода; Юрий Максимович Рекка, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков; Владимир Сергеевич Колбас, председатель СНО исторического факультета. Тематика олимпиады касалась основных вопросов истории советского общества и актуальных проблем современности. К разработке вопросов, посвящённых 60-летию ВЛКСМ, были привлечены Владимир Петрович Ланин и Людмила Викторовна Коротаева – кандидаты исторических наук, доценты кафедры истории КПСС. В конце отчёта О. П. Малис называет победителей олимпиады: на первом курсе ими стали И. В. Пинегин, П. Ф. Кайлер, Н. А. Сальникова; на втором курсе – И. А. Клопов, В. В. Рычков, А. А. Мориллов; на третьем курсе – П. Б. Сон, С. И. Чазов, В. А. Костычев; на четвёртом курсе – А. Р. Соболев, А. А. Строканов, Н. М. Захаров.

К сожалению, Олег Петрович Малис и Анна Захаровна Нюркаева ушли из жизни.

А какова дальнейшая судьба студентов, работавших над выпусками «Вестника СНО» и опубликовавших в нём?

Геннадий Александрович Бординских, который позже стал лауреатом студенческой научной конференции, занимался археологией, историей Верхнекамья, работал в Чердынском, Соликамском и Усольском краеведческих музеях, выпустил ряд книг, получивших широкую известность у читателей: «Соликамская энциклопедия» (Пермь, 2013), «Пермь Великая – terra incognita: рассказы по истории» (СПб., 2014); посмертно вышла его книга «В долине церквей» (СПб., 2016; в соавторстве с П. В. Фадеевым), тремя изданиями выходил его путеводитель по Соликамску (Пермь, 2008; СПб, 2010, 2012) и др.

Павел Владимирович Фадеев вышел в отставку в звании полковника с должности начальника управления уголовного розыска Главного управления МВД Российской Федерации по

Пермскому краю, занимался политикой (был депутатом Пермской городской думы), сейчас пишет научные статьи по истории уголовного розыска Пермского края², в подарочном варианте издана его книга «Легенды пермского сыска. События и люди: К 100-летию Российского уголовного розыска» (Пермь, 2018).

Значительных успехов достиг Виктор Васильевич Рычков, послужной список которого очень большой. Отмечу только, что он был первым секретарём Коми-Пермяцкого окружкома ВЛКСМ, с июня 2012 года указом губернатора Пермского края назначен главой Коми-Пермяцкого округа – министром Пермского края и работал в этой должности до 2020 года. Виктор Васильевич занимается литературным творчеством: пишет стихи, сказки на коми-пермяцком языке. Его стихи переведены на русский, коми-зырянский, удмуртский, марийский, эстонский, французский языки. За книгу «Рёма вӧттэз» («Цветные сны») он удостоен премии имени Михаила Лихачева в области прозы.

Евгений Геннадьевич Ашихмин работал в архитектурно-этнографическом музее «Хохловка» (филиале Пермского краевого музея), до этого возглавлял Музей истории Мотовилихинского завода; Владимир Павлович Мокрушин посвятил себя археологии; Сергей Николаевич Плотников археологом, как мечтал, не стал, он защитил кандидатскую диссертацию по истории России, получил учёное звание доцента; Владимир Александрович Сокол, уже умерший, директорствовал в школе № 151 (ныне – лицей «Дельта»), что в микрорайоне Садовый в Перми; Александр Петрович Морозов, врач анестезиолог-реаниматолог, переехал в Санкт-Петербург, побывал во многих зарубежных странах.

Пётр Фердинандович Кайлер принимал участие в нескольких археологических разведках и экспедициях, проводимых Соликамским краеведческим музеем, позже эмигрировал в Германию, сейчас там занимается разведением пчёл.

За границей, в Соединённых Штатах Америки, живёт и Александр Алексеевич Строканов, некогда комсомольский лидер Пермского классического университета, ныне – профессор Линдонского государственного колледжа (университет Северного Вермонта), директор Института русского языка, истории и культуры.

Об остальных студентах, принимавших участие в выпуске «Вестника СНО», сведений надёжных и проверенных, увы, не имею. Но знаю: все мои однокашники по историческому факультету Пермского государственного университета имени А. М. Горького стали достойными людьми.

А вот ПГУ отказался в 1993 году от имени пролетарского писателя и именуется теперь ПГНИУ – Пермский государственный национальный исследовательский университет, исторический факультет преобразован в историко-политологический. Вместо бывших в наше время кафедр древнего мира и средних веков (заведующий – Юрий Максимович Рекка), всеобщей истории (заведующий – Лев Ефимович Кертман), истории СССР до-советского периода (заведующий – Владимир Антонович Оборин); истории советского периода (заведующий – Игорь Севастьянович Капцугович, он же был и деканом истфака до перехода в Пермский государственный педагогический институт) появились новые кафедры: государственного и муниципального управления, кафедра истории и археологии, кафедра междисциплинарных исторических исследований, кафедра политических наук [кафедра всеобщей истории].

Прав древнегреческий философ Гераклит из Эфеса (ок. 554 – 483 до н. э.): «Всё течёт, всё меняется».

1 Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. / 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1967. Т. 5: Май-декабрь 1901. – С. 11.

2 См.: Фадеев П. В. Бандитизм в первой половине 1920-х годов: причины и факторы (к постановке проблемы) // Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве-2018. – Пермь, 2019. – С. 211-241; он же. Милиция Молотовской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Деятельность Главного управления Народного комиссариата внутренних дел СССР по Молотовской области в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: Сборник док-тов. – Пермь, 2020. – С. 8-35.

В. С. Колбас

Песенник Г. Н. Козловый

Современное поколение, которое имеет в обиходе большое количество технических средств – мобильные телефоны, гаджеты, айфоны, ноутбуки, – удивляется, когда сталкивается с предметом, который, с их точки зрения, является анахронизмом. Вот и блокнот с песнями вызывает оторопь и удивление с их стороны. Казалось бы, совсем ещё недавно иметь рукописный песенник с любимыми песнями, хотя и выходили огромными тиражами печатные издания¹, являлось нормой, и во многих семьях они были. Правда, к настоящему времени почти полностью исчезли, оказались выброшенными. Сохранились единицы. Один

из таких песенников был подарен мне на день рождения 30 мая 2022 года моим другом Виктором Григорьевичем Курикаловым. Принадлежал он его теще – Галине Николаевне Козловой (в девичестве Томиловой). Родилась она 21 мая 1935 года в городе Очёре (ныне – Пермского края), окончила Московский статистический техникум ЦСУ РСФСР по специальности механизации учёта и вычислительных работ, долгое время жила в городе Асбесте, работала начальником группы ЭВМ, пока в 2003 году, вскоре после смерти мужа Петра Ивановича Козлова, не была перевезена дочерью Светланой Петровной Курикаловой в Пермь.

Песенник Г. Н. Козловой – это блокнот с коленкоровой обложкой, листы скреплены двумя металлическими скобками. Размеры блокнота: ширина – 9,5 сантиметра, высота – 14 сантиметров, листы разлинованы в клеточку. Изготовлен блокнот как первосортная продукция на фабрике «Восход». Указана цена – 22 копейки.

На 27 листах, которые сохранились, имеется 46 песен: 34 – рукописные (они записаны красивым округлым почерком, скорее всего, с голоса или под диктовку, поэтому в текстах встречаются многочисленные опiski и ошибки, имеют место мелкие разночтения, что мною особо не оговаривается), 12 – вырезки из газет и других источников, вклеенных в блокнот. На одном, на обороте предпоследнего листа, имеется рисунок: на нём изображено сердце с именем Галя, пронзённое стрелой. Никаких дат в песеннике не проставлено. Судя по составу песен, записи относятся к 60-70-м годам XX столетия.

Первой записана дворовая песня «Листья жёлтые медленно падают...», которая, по моим подсчётам, имеет минимум три варианта (для мужского и женского исполнения) и множество претендентов на авторство стихов. Вот текст из песенника Г. Н. Козловой:

Листья жёлтые медленно падают
 В нашем старом, забытом саду,
 Пусть они тебя больше не радуют –
 Всё равно я к тебе не приду.

Не приду ни зимой и ни летом,
 Не зови меня в сонном бреду.
 Если даже попросишь об этом –
 Всё равно я к тебе не приду!

Не смотри на меня так внимательно
 У прохожих у всех на виду,
 Если даже не встречу другого –
 Всё равно я к тебе не приду.

В 1930-1950 и отчасти в 1960-е годы почти все песни, прозвучавшие в кинокартинах или по радио, становились моментально популярными. В середине 1960-х годов в быт многих граждан вошло телевидение, ставшее популяризатором песенных новинок. В блокноте Г. Н. Козловой записано несколько песен, прозвучавших в кино- и телефильмах.

- Телесериал «День за днём» (1971). В его создании приняли участие режиссёры Всеволод Николаевич Шиловский, Лидия Сергеевна Ишимбаева и художественный руководитель постановки Виктор Яковлевич Станицын. В этой телеповести впервые прозвучала песня «Стою на полустаночке» в исполнении актрисы Нины Афанасьевны Сазоновой, позже песня вошла в репертуар Валентины Васильевны Толкуновой и многих других исполнителей. Слова песни написал Михаил Леонидович Анчаров, музыку – Илья Евгеньевич Катаев, сын писателя Евгения Петровича Петрова (соавтора Ильи Арнольдовича Ильфа, вместе с которым они написали романы «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок»). А песня, как говорится, пошла в народ:

Стою на полустаночке
 В цветастом полушалочке,
 А мимо пролетают поезда.
 А рельсы-то, как водится,
 У горизонта сходятся.
 Где ж вы, мои весенние года?

- Кинофильм «Мировой парень» (1971) режиссёра Юрия Николаевича Дубровина. Песня «Берёзовый сок» («Лишь только подснежник распустился в срок...») на слова Михаила Львовича Магусовского и музыку Вениамина Ефимовича Баснера в фильме впервые прозвучала в исполнении белорусского ансамбля «Песняры».

- Кинофильм «Русское поле» (1971) режиссёра Николая Ивановича Москаленко. В этом фильме, где в полюбившейся зрителям роли бригадира-трактористки Федосьи Леонтьевны Угрюмовой снялась выдающаяся актриса Ноябрьина (Нонна) Викто-

ровна Мордюкова, и прозвучала песня «Ах, мамочка!» («Говорила мама мне про любовь обманную...»). Слова песни написаны Леонидом Петровичем Дербенёвым, музыка – Александром Георгиевичем Флярковским.

- Телевизионный фильм «Анискин и Фантомас» (1973), созданный режиссёрами Михаилом Ивановичем Жаровым, Виталием Николаевичем Ивановым и Владимиром Абрамовичем Рапопортом, был сам по себе интересен. Пришлась по душе зрителям и песня, впервые прозвучавшая в фильме, – «Травы, травы, травы не успели...» («Вечер свои блёстки по лугам рассыпал...») на стихи Ивана Сергеевича Юшина, работавшего, кстати, мясником на Центральном рынке Москвы, и музыку Владимира Яковлевича Шаинского.

- Кинофильм «Мачеха» (1973) снял режиссёр Олег Александрович Бондарёв по одноимённой повести Марии Леонтьевны Халфиной. В фильме прозвучала, правда, во втором варианте, песня «Ой завьюжила, запорошила настоящая зима...» на слова Виктора Фёдоровича Бокова и музыку Григория Фёдоровича Пономаренко в исполнении Татьяны Васильевны Дорониной, сыгравшей роль мачехи – Шуры (Александры Николаевны) Олеванцевой.

- Фантастический музыкальный комедийный телефильм «Эта весёлая планета» (1973) режиссёра Юрия Николаевича Цветкова. Фильм украсила песня «Белый танец» («Музыка вновь слышна...») композитора Давида Фёдоровича Тухманова на стихи Игоря Давидовича Шаферана.

- Кинофильм «Безотцовщина» (1976). Снял его режиссёр Владимир Георгиевич Шамшурин по мотивам повести Марии Леонтьевны Халфиной. Песня «Как взять себя в руки, скажите вы мне...» написана Григорием Фёдоровичем Пономаренко на слова Николая Егоровича Палькина. Кстати, это единственная песня в блокноте, записанная другим почерком.

- Кинофильм про Дениса Кораблёва, снятый по мотивам повести Юрия Юзефовича Драгунского, – «По секрету всему свету» (1976). Сюжетобразующей в фильме стала песня «На дальней станции сойду, трава по пояс...». Написали её поэт Михаил Исаевич Танич и композитор Владимир Яковлевич Шаинский.

В песеннике Г. Н. Козловой преобладают лирические песни, в основном про любовь. Если проанализировать состав песенника, то выяснятся музыкальные пристрастия владелицы блокнота.

Так, из 27 композиторов, чьи песни записала Г. Н. Козлова,

- шесть принадлежат Григорию Фёдоровичу Пономаренко: «А где мне взять такую песню – и о любви и о судьбе...» и «Подари мне платок голубой лоскуток...» – обе на слова Маргариты Константиновны Агашиной; «Ой, завьюжила, запорошила настоящая зима...» и «Я назову тебя зоренькой...» – обе на слова Виктора Фёдоровича Бокова; «Как взять себя в руки, скажите вы мне...» на слова Николая Егоровича Палькина и «Полюбил волжанку молодой моряк...» на слова Александра Васильевича Скормыкина;

- три – Эдуарду Семёновичу Ханку: «Зимушка-зима» («У леса на опушке жила зима в избушке...») на слова Сергея Григорьевича Острового, «Малиновка» («Малиновки слышав голосок...») на слова Анатолия Григорьевича Поперечного, «Я у бабушки живу, я у дедушки живу, папа с мамой ходят в гости к нам...» на слова Игоря Давидовича Шаферана;

- три – Владимиру Яковлевичу Шаинскому: «Берёза, белая подруга весенних зорь, прозрачных рек...» на слова Людмилы Борисовны Овсянниковой, «На дальней станции сойду, трава по пояс...» на слова Михаила Исаевича Танича, «Травы, травы, травы не успели...» («Вечер свои блёстки по лугам рассыпал...») на слова Ивана Сергеевича Юшина;

- две – Борису Андреевичу Мокроусову: «Сормовская лирическая» («На Волге широкой, на стрелке далёкой...») на слова Евгения Ароновича Долматовского, «Вологда» («Письма, письма лично на почту ношу...») на слова Михаила Львовича Матусовского;

- две – Александре Николаевне Пахмутовой: «Белоруссия» («Белый аист летит, над белесым Полесьем летит...») и «Я не могу иначе» («Нет без тревог ни сна, ни дня. Где-то жалейка плачет...») – обе на слова Николая Николаевича Добронравова;

- две – Евгению Николаевичу Птичкину: «Ромашки спрятались, поникли лютики...» на слова Игоря Давидовича Шаферана и «Эхо любви» («Покроется небо пылинками звёзд...») на стихи Роберта Ивановича Рождественского.

Что любопытно, на музыку Давида Фёдоровича Тухманова в рукописном варианте значится только одна песня – «Белый танец» («Музыка вновь слышна...») на слова Игоря Давидовича Шаферана из кинофильма «Эта весёлая планета», три – вклеенные в блокнот вырезки с текстами песен: «Россия» («Я люблю тебя, Россия, дорогая наша Русь...») на слова Михаила Ивановича

Ножкина, «Соловьиная роща» («Там, где месяц сказку сторожит...») на слова Анатолия Григорьевича Поперечного, «Притяжение Земли» («Как безмерно оно – притяженье Земли...») на слова Роберта Ивановича Рождественского.

Из авторов слов на первом месте стоят два поэта, на стихи которых записано по четыре песни:

это – Роберт Иванович Рождественский (имя при рождении – Роберт Станиславович Петкевич): «Встреча друзей» («Песня пусть начинается, до небес поднимается...») композитора Евгения Григорьевича Мартынова, «Обещание» («Степная птица вдаль зовёт...») композитора Марка Григорьевича Фрадкина, «Притяжение Земли» («Как безмерно оно – притяженье Земли...») композитора Давида Фёдоровича Тухманова и «Эхо любви» («Покроется небо пылинками звёзд...») композитора Евгения Николаевича Птичкина);

это – Игорь Давидович Шаферан (имя при рождении – Гарольд Давидович Шаферман): «И всё-таки море» / «Апрельская песня» («Нам скажут: не спорьте, а мы и не спорим...») композитора Яна Абрамовича Френкеля, «Белый танец» («Музыка вновь слышна...») композитора Давида Фёдоровича Тухманова, «Ромашки спрятались, поникли лютики...» композитора Евгения Николаевича Птичкина, «Я у бабушки живу, я у дедушки живу, папа с мамой ходят в гости к нам...» композитора Эдуарда Семёновича Ханка.

Три песни написаны на слова Анатолия Григорьевича Поперечного, по две – на слова Маргариты Константиновны Агашиной, Николая Николаевича Добронравова, Михаила Львовича Матусовского и Антона Пришельца (имя при рождении Антон Ильич Ходаков), песни которого – «Куда бежишь, тропинка милая...», музыку к ней написал Евгений Павлович Родыгин, и «Сенокосная пора», или «Ночка луговая» («Месяц спрятался за рощу, спят ночные берега...») композитора Георгия Николаевича Дехтярова – очень были любимы исполнителями и слушателями.

Не могу не назвать песню на стихи Леонида Петровича Дербенёва и музыку Бориса Николаевича Рычкова «Всё могут короли». Она очень часто звучала и с экранов телевизоров, и по радио в исполнении Аллы Борисовны Пугачёвой. Цитирую по вырезке из песенника Г. Н. Козловой:

Жил да был, жил да был,
Жил да был один король,
Правил он, как мог, страну и людьми.

Звался он Луи Второй,
Звался он Луи Второй,
Впрочем, песня не о нём, а о любви.

В те времена жила красавица одна,
У стен дворца она пасла гусей,
Но для Луи была милее всех она,
Решил король, что женится на ней.

И припев:

Всё могут короли,
Всё могут короли.
И судьбы всей земли вершат они порой.
Но, что ни говори,
Жениться по любви
Не может ни один, ни один король.

Назову ещё одну песню – на сей раз из репертуара Нани Георгиевны Брегвадзе, – записанную в блокнот Г. Н. Козловой. Песня эта – «Снегопад» (автор стихов – Алла Александровна Рустайкис, автор музыки – Алексей Гургенович Экимян, кстати, генерал-майор милиции). Цитирую по газетной вырезке:

Я ещё не успела испытать свою осень.
А уже снегопад сторожит у ворот.
Он надежды мои, как дороги, заносит,
И грозит застелить надо мной небосвод.

Снегопад, снегопад, не мети мне на косы,
Не стучись в мою дверь, у ворот не кружи.
Снегопад, снегопад... Если женщина просит,
Бабье лето её торопить не спеши.

Любимы были песни «про зореньку». Есть они и в песеннике Г. Н. Козловой:

«Я назову тебя зоренькой» на стихи Виктора Фёдоровича Бокова, музыку написал Григорий Фёдорович Пономаренко;
«Зорька» («Над полями зорька светлая...»). Автор слов – Василий Михайлович Пухначёв, музыки – Валентин Сергеевич Левашов;

«Зорька алая» («Зорька алая, зорька алая, губы алые, а в глазах твоих, а в глазах твоих – неба синь...») на слова Виктора Борисовича Гина (настоящая фамилия – Гинзбург) и музыку Александра Сергеевича Морозова.

Не могло не быть и песен про закаты. В блокноте Г. Н. Козловой имеется песня «Погас закат за Иртышом, село огнями светится...». Автор слов – Яков Трофимович Журавлёв, музыки – руководитель группы баянистов Омского русского народного хора Владимир Иванов.

Для полноты картины назову и другие песни, которые привлекли внимание владелицы блокнота:

- «Деревня моя» («Деревня моя, деревянная, дальняя, смотрю на тебя я, прикрывшись рукой...») на стихи Владимира Романовича Гундарева, музыку написал Николай Михайлович Кудрин.

- «Дорогой длиною» («Ехали на тройке с бубенцами, а вдали мелькали огоньки...»). Музыка к стихотворению, сочинённому в 1924 году Константином Николаевичем Подревским, написал композитор Борис Иванович Фомин. Искромётный припев романса, а романс существует в нескольких вариантах, входил (и входит!) в репертуар многих русских и зарубежных певцов, и он просто не мог не затронуть душевных струн и исполнителей, и слушателей (цитирую по тексту вырезки):

Дорогой длиною, и ночью лунною,
 Да с песней той, что вдаль летит, звеня,
 Да с той старинною, да с семиструнною,
 Что по ночам так мучила меня.

- «Матросские ночи». Слова – Соломона Борисовича Фогельсона, музыка – Василия Павловича Соловьёва-Седого.

Ой, за волнами,
 Бурей полными,
 Моряка родимый дом,
 Над крылечками
 Дым колечками,
 И черёмуха под окном.
 Ну а главное –
 Это славная,
 Та, что всех милей собой!

Шлют улыбки ей
 Волны зыбкие,
 Ветер ластится штормовой.
 Синие очи
 Далёких подруг!
 Ой вы, ночи, матросские ночи, –
 Только море да небо вокруг!

- «Над Кронштадтом туман...». Автор стихов – Сергей Беликов, автор музыки – Владимир Валентинович Дмитриев.

Над Кронштадтом туман,
 В синей дымке дома,
 А кругом тишина,
 тишина да огни маяков.
 И сама не пойму,
 Не пойму, почему
 Так близка,
 так близка мне судьба моряков?

Это единственная песня, часть текста которого после этих слов была зачёркнута и заново переписана.

- «Снег кружится» («Такого снегопада, такого снегопада давно не помнят здешние места...»). Песня написана композитором Сергеем Владимировичем Березиным на слова Лидии Николаевны Козловой.

- «Тополь» («Над окошком месяц...»). Песню на стихи Сергея Александровича Есенина написал его земляк, художественный руководитель Рязанского русского народного хора Евгений Григорьевич Попов.

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
 Облетевший тополь серебрист и светел.
 Дальний плач тальянки, голос одинокий
 И такой родимый, и такой далекий.

Очень популярна была песня о молодых солдатках, чьи мужья не вернулись с войны, – «Рязанские мадонны». В великолепном исполнении знаменитой певицы Людмилы Георгиевны Зыкиной она не могла не затронуть душ и не дойти до сердец слушателей. Вполне естественно, что эта песня Александра Павловича

Долуханяна на слова Анатолия Григорьевича Поперечного имеется в песеннике Г. Н. Козловой, она идёт второй после песни «Листья жёлтые» на первой и второй страницах блокнота:

Ты встаёшь, как из тумана,
Раздвигая грудью рожь, –
Ты ему навстречу, Анна,
Белым лебедем плывёшь.

Мне не удалось установить авторство четырёх песен:

- «Валенки». Песня появилась не позднее начала 1910-х годов. Была популярна как плясовая таборская. Более известна в варианте Лидии Андреевны Руслановой, которая исполнила её в мае 1945 года на ступенях поверженного рейхстага.

- «Лётчик соколом летит» / «Паренёк крылатый» («Лётчик соколом кружил над моею хатой...»). Борис Фёдорович Смирнов считает её русской народной песней².

- «Листья жёлтые» («Листья жёлтые медленно падают в нашем старом забытом саду...»). В песеннике Г. Н. Козловой записаны только три куплета первого варианта песни из трёх, которые мне удалось выявить. Вопрос об авторстве остаётся открытым.

- «Почему» / «Почему ты замужем» («Здравствуй, солнечный город, вот и встретились вновь...»). В авторстве и этой песни нет единства мнений.

Завершу обзор песенника Галины Николаевны Козловой песней композитора Давида Фёдоровича Тухманова на стихи Михаила Ивановича Ножкина «Россия»:

Я люблю тебя, Россия,
Дорогая наша Русь,
Нерастроченная сила,
Неразгаданная грусть.

Ты размахом необъятна,
Нет ни в чём тебе конца.
Ты веками непонятна
Чужеземным мудрецам.

Много раз тебя пытали -
Быть России иль не быть:
Много раз в тебе пытались
Душу русскую убить.

Но нельзя тебя, я знаю,
 Ни сломить, ни запугать,
 Ты мне, Родина родная,
 Вольной волей дорога.

Ты добром своим и лаской,
 Ты душой своей сильна.
 Нерассказанная сказка.
 Синеокая страна.

Я в берёзовые ситцы
 Нарядил бы белый свет,
 Мне всю жизнь тобой гордиться,
 Без тебя мне счастья нет!

Что можно сказать в заключение? Больших обобщений и выводов из песенника Г. Н. Козловой, как мне представляется, сделать нельзя. И тем не менее сам выбор песен, а это были поэты и композиторы главным образом советских песен, является определённым маркером состояния советского общества в 70-80-е годы теперь уже прошлого столетия, его эстетических запросов и культурного уровня. А культурный и образовательный уровень советских людей, их духовных запросов был очень высок. С этим трудно не согласиться.

¹ Исключительно ради примера см.: Песни советские / Ред.: С. М. Гинц. – Молотов: Молотовгиз, 1951; Песни нашей родины / Сост.: М. Лисянский, Я. Шведов. – М.: Московский рабочий, 1957; Поёт советская страна / Сост.: Я. Шведов. – М.: Московский рабочий, 1962; Песни и романсы русских поэтов / Вступ. ст., подготовка текста и прим.: В. Е. Гусев. – М.; Л.: Сов. писатель, 1965. – Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.); Наполним музыкой сердца. Антология авторской песни: Песенник / Сост.: Р. Шипов. – М.: Сов. композитор, 1989; Среди нехоженых дорог одна – моя: Сборник туристских песен / Сост., предисл. К разделам и комм.: Л. П. Бельский. – М.: Профиздат, 1989 и др.

² См.: Смирнов Б. Ф. Паренёк крылатый: (Рус. нар. песня). – М.: Музгиз, 1955. – 1 л. слож. в 8 с.

**Символ большой стройки
пятидесятых-шестидесятых XX века –
башенный кран БКСМ-5-5А**

Кран БКСМ-5-5А предназначен для вертикального транспортирования грузов и монтажных работ при строительстве промышленных сооружений, а также крупноблочных и крупнопанельных зданий высотой до 6 этажей. Грузоподъемность крана при всех вылетах грузовой каретки – 5 тонн.

Кран является усовершенствованной моделью крана М-3-5-5. Без преувеличения можно сказать, что башенный кран БКСМ-5-5А стал «знаковой» машиной, фактически символом массовыхстроек с конца пятидесятых до середины семидесятых годов (рис. 1), производившийся и в Перми, на заводе «Коммунар»¹. Сразу следует отметить, что в стране была разработана серия кранов разной грузоподъемности и размеров для массового жилищного строительства – серия БКСМ, с моделями от БКСМ-1 до БКСМ-14. Марка расширяется как «башенный кран самомонтирующийся».

Рис. 1

Эти краны для перевода башни в вертикальное положение, после сборки на земле, использовали свои стрелы и грузовые лебёдки.

Модификации крана

Приведу отрывок из описания крана на сайте Techstory.ru.

Из кранов серии БКСМ наиболее продолжительное время изготавливался кран г/п 5 тонн модели БКСМ-5-5 и его модификации (-А, -Б); с грузоподъемностью 4 тонны (БКСМ-4-9к), 7 тонн (БКСМ-7-5) и 8 тонн (БКСМ-8-5). Кран БКСМ-7-5Г является последней модернизацией кранов данного семейства и выпускался до конца 1980-х. Кроме того, в 1950-1960-е годы были выпущены близкие по конструкции краны для высотного строительства М-3-5-10, БКСМ-14, БКСМ-5-10.

Монтаж и демонтаж осуществляется при помощи собственной стрелы, что, со всё увеличивающимися темпами строительства, плотностью застройки и отсутствием места на стройплощадке, а также отсутствием мощных кранов на шасси автомобильного типа, с длинными телескопическими стрелами, становилось неудобным. Это и привело к созданию кранов серии КБ с поворотной и подрачиваемой снизу башней. Однако конструкция кранов БКСМ-5-5 и БКСМ-7-5 оказалась настолько удачной, что они продолжают трудиться на заводах, складах и станциях в качестве кранов-погрузчиков. Конечно, и на площадке «Бурлака» исправно трудился «потомок» крана БКСМ-5-5А – кран-погрузчик БКСМ-14п.

Предшественники и особенности конструкции

Кран БКСМ-5-5А являлся большим шагом вперед по сравнению с более простыми, но менее удобными в работе, кранами-предшественниками – СБК-1 или БКСМ-3, ПБК-750, а также с краном УБК-5 для высотных строений. На рис. 2 показаны уникальные существующие, возможно, и сегодня краны и ПБК-750 и БКСМ-5-5А, так что их легко сравнить (на переднем плане – БКСМ, за ним – уникальный ПБК-750, задний – БКСМ). На рис. 2 виден характерный пейзаж Перми тех лет – массовая застройка кварталами и разнообразные краны. Фотография сделана отцом автора в 1960 году на перекрестке ул. Таллинской (ныне – Космонавта Леонова), или же Качалова, с Казанским трактом (ныне – шоссе Космонавтов)

Рис. 2

Общими конструктивными решениями у кранов БКСМ-3, ПБК-750 УБК-5 и нашего БКСМ-5-5А является характерная поворотная головка, охватывающая пирамидальный оголовок неподвижной башни – это так называемое «поворотное устройство с разнесёнными по высоте опорами» – довольно простое в изготовлении, относительно лёгкое и надёжное. Оно не требует высокопрочного поворотного круга с зубчатым венцом, т. к. значительную часть нагрузок воспринимает поворотное устройство значительно меньшего размера на верху оголовка. У кранов типа СБК-1 или серии БКСМ вместо зубчатого венца вообще был цевочный, а не зубчатый круг, и через верхнее опорно-поворотное устройство проходил грузовой канат, причём грузовая лебёдка находилась под кабиной, встроенной в нижнюю пирамидальную секцию башни (СБК-1, БКСМ-3) или на ходовой раме (БКСМ-1, 1М). Крановщик в большой кабине работал стоя, причём контроллер грузовой лебёдки и приборы управления ходом и стрелой находились в одном из углов кабины. Каким было управление крана? Довольно необычным, с сегодняшней точки зрения. Вместо мягкого кресла – стоячее рабочее место, вместо рычагов по обе стороны кресла, с продуманной эргономикой – штурвальное управление командо-контроллерами. Характерное «цоканье» реле было слышно за квартал! Недавно автор имел возможность на работе, через коллегу, у которой мама когда-то работала на кране БКСМ-5-5А в Березниках, узнать условия в кабине – там

был один примитивный обогреватель-«козёл» на полу (как в тогдашних трамваях), и в кабине суровыми «березниковскими» зимами было очень холодно! Плюс – дискомфорт и усталость от стоячей напряжённой работы. Штурвальный командо-контроллер был неудобен тем, что крановщику приходилось поворачивать штурвал не в естественном положении для рук, а стоя сбоку и двигая рукой в горизонтальной плоскости. В мороз, да ещё стоя, длинными рабочими неделями, для хрупкой женщины это было очень утомительно. Близким по конструкции предшественником является кран УБК-5. Правда, он был без ходовой части на рельсовом ходу, а монтировался на самом высотном здании. Самой удобной для него оказалась балочная стрела.

Непосредственным же предшественником нашего крана был кран «Минтяжстроевец» М-3-5-5, выглядевший практически так же, как наш БКСМ, но имевший меньшую грузоподъёмность (3 тонны на конце стрелы вместо 5 тонн) и стальные ящики для противовеса и балласта, вместо железобетонных блоков, которые потом стали широко применяться на башенных кранах. Стальные ящики для противовеса, столь характерные для кранов пятидесятых, были сконструированы под мелкоштучные и насыпные противовесы, закладываемые вручную.

Главным отличием нашего крана от большинства моделей с маневровыми (подъёмными) стрелами стало то, что стрела его располагалась горизонтально, и снизу неё находился двутавр – рельс для грузовой тележки. Таким образом, крюк перемещался горизонтально, что упрощало точную подачу грузов на строящийся дом и облегчало работу крановщика и стропальщико-монтажников. Поэтому в конце 1960-х годов кранами БКСМ-5-5А удобно производился монтаж-сборка пятиэтажных крупнопанельных и крупноблочных домов. Кроме этого, у крана была одинаковая по всей длине стрелы грузоподъёмность до 5 т, до максимального вылета 22 м, что упрощало работу крановщика и позволяло подавать любые детали в дальний конец здания. Другой особенностью стали ходовые двухколёсные тележки, которые можно было поворачивать под ходовой рамой на любой угол. Этими особенностями воспользовались строители, когда возводили дом по ул. Хохрякова, 23. Построив дом по ул. Коммунистической, 82, кран перевели на перпендикулярный путь (благодаря поворотным тележкам шасси) и пододвинули к середине будущего дома ул. Дальняя, № 23 / Коммунистическая, 84. Отсюда кран доставал до дальних углов строящегося двухподъездного дома и проработал, стоя на месте, до конца строительства. После этого кран

вернули к дому №82, повернули ходовые тележки и передвинули в сторону двора, ближе к дому по ул. Дальней, 25, где и сидел в эти дни на балконе автор с бабушкой – оба наслаждались видом интереснейших работ. После этого кран демонтировали, причём тракторная лебёдка – якорная оттяжка стрелы – была, как помнится, ещё на старом уникальном тракторе С-80; ей пришлось выехать далеко на улицу Дальнюю (ныне – Хохрякова). «Головой» кран опустили в сторону детсада.

Монтаж-демонтаж

Несмотря на то, что монтаж этих кранов был достаточно долгим и трудоёмким², краны БКСМ оказались «долгоиграющими» и кое-где работали на стройках до конца девяностых, и даже сейчас их иногда можно встретить на разных базах на окраинах крупных городов и около товарных станций.

Причём при одном монтаже, году в 1963-м, произошла редчайшая авария, последствия которой наблюдал маленький автор этого рассказа из окна. При монтаже произошёл обрыв шарнира, и при начале подъёма башни кран развернуло поперёк улицы и поперёк трамвайных путей. Ближайший к месту аварии едущий из центра трамвай вовремя остановился метрах в 50 от падающего крана. В трамвае ехала... мама автора. Пришла взволнованная и с порога воскликнула: «Кран упал, а вы ничего не видели!» Про эту аварию при монтаже ветераны завода помнили ещё в конце 1980-х и подтвердили автору, что такая была единственной у кранов нашего завода.

Где производился

Почему же такую непростую и габаритную машину, как башенный кран, поручили изготавливать на объединённых заводах «Коммунар» и «Старый бурлак»? Автор во время работы на этом заводе спрашивал старых работников про историю завода³, и они рассказывали, что выбор пал из-за того, что «Бурлак» уже имел большой опыт изготовления плавкранов и порталных кранов. Причём у последней модели и плавучего и порталного кранов (КПП-5) решётчатая стрела по размерам была сопоставима с башней будущего башенного крана, так что опыт изготовления крупных объёмных металлоконструкций уже имелся. Кроме этого, имелся опыт изготовления лебёдок, механизмов передви-

жения, поворотных кругов. Плюс ко всему – знаменитая безотказность и смекалка уральцев, спокойно выполнявших сложные поручения. Два этих завода были объединены для производства башенных кранов под общим именем «Коммунар». Для производства кранов были задействованы: площадка завода «Коммунар» (конец ул. Коммунистической, со стороны вокзала Пермь-2); площадка завода «Старый бурлак» (у Камы); площадка ЗиД – завода им. Ф. Э. Дзержинского; площадка завода «Механолит», преобразованного в «Торгмаш».

На площадке «Коммунара» находился литейный и механо-обрабатывающие цеха, а также был наскоро сколочен навес, под которым собирались стрелы. Остальное делалось на площадке «Бурлака», около Камы, включая и деревянные кабины, так как имелся и свой лесопильный цех, располагавшийся прямо на берегу Камы, около впадения в неё речки Данилихи. Практически все узлы и детали крана изготавливались непосредственно на заводе, что характерно для того времени (всё делать самим и не зависеть от поставщиков), кроме электрооборудования: командоконтроллеров, двигателей и приборов освещения.

* * *

Кран БКСМ-5-5А вобрал в себя и новые тенденции тех лет, и сохранил исключительную долговечность старых машин, работавших десятилетиями в суровых условиях советскихстроек. По праву кран БКСМ-5-5А можно считать характерным символом «оттепели» шестидесятых годов прошлого века – символом сбывшейся надежды на получение отдельной квартиры для множества людей...

Наши пермские краны по праву можно считать «живыми легендами»!

¹ Сайт Techstory.ru https://techstory.ru/fotoses/vasil_vl_6.htm Раздел «Тематические статьи»: «История заводов и предприятий». Рассказ «На старом машиностроительном заводе», часть 1. В. В. Филатов.

² Сайт Techstory.ru https://techstory.ru/fotoses/vasil_vl_1.htm Раздел «Тематические статьи»: «История заводов и предприятий» Рассказ «Старинные пермские заводы на Заимке». В. В. Филатов.

³ Сайт Techstory.ru Раздел «Тематические статьи»: сайт TCFS.ru Рассказ «Монтаж башенных кранов в 60-70-е годы». В. В. Филатов.

История создания народного исторического музея Спасского района Нижегородской области

Спасский районный народный исторический музей ведёт своё начало с 1989 года. Желание создать в районе музей возникло и ранее. По воспоминаниям старожилов, первое подобное учреждение в нашем старинном селе появилось якобы ещё до 1917 года и имело значение скорее культурного места, где можно было почитать литературу, обсудить вопросы истории и увидеть предметы краеведения, вместо культурного центра. Но после революции оно не сохранилось.

Вновь о том, как донести до потомков прошлое родного края, всерьёз заговорили в 1970-е годы. Представители ответственности тогда опубликовали в местной газете соответствующее обращение. А в 1979 году появилось решение райисполкома об организации музея. Основой для будущего музея могли стать многочисленные краеведческие публикации местных историков-краеведов, а также собранная, как говорят, неплохая коллекция старинных вещей. Однако, к всеобщему огорчению, благое дело затухло. Помещение выделено под музей не было. Дело развалилось.

Новая попытка создания музея была предпринята в конце 1980-х годов. В районной газете снова стали публиковаться краеведческие статьи. А. В. Жуков вышел с предложением о начале сбора экспонатов для будущего музея, и приурочить это к 590-летию села. 24 июля 1989 года бюро райкома КПСС утвердило общественный совет будущего музея. Эту дату можно считать официальным началом деятельности музея, а основоположником А. В. Жукова. Активное участие в работе совета, в собирательской деятельности будущего музея принимал С. М. Ледров. Огромный вклад в организацию музея внёс заведующий отделом культуры, молодёжи и спорта (1988-2000 гг.) Б. В. Киселёв.

Совет музея разделили по группам:

- авторская группа: А. В. Жуков – председатель, Щегалев Измаил, Шарипова Хатимья, Абыдов Хасян Мустафинович, У. Нафеев, И. М. Чуев, С. М. Ледров, Т. Плюснина, А. Гостев;

- поисковая группа: В. А. Бузина – председатель, С. В. Кутьина, А. М. Жилкин, Г. Н. Медведев, Д. А. Прозоровская, И. И. Назаров, Р. А. Сейфутдинова, П. М. Промыслов;

- оформительская: А. Жилкин – председатель, И. Вотчинов, В. Л. Филлипов, А. В. Глазов, И. Рузавин.

Первое заседание совета состоялось 2 августа 1989 года.

12 августа 1989 года в районной газете появилось обращение членов совета к населению с обоснованием необходимости создания музея в с. Спасском и с просьбой оказать помощь в таком благом деле. Началась активная собирательская работа. Местная пресса следила за поступлениями в музей, постоянно публикуя результаты проведённой работы. Первые два года деятельность общественного совета музея ограничилась лишь сбором экспонатов, хранить которые приходилось в разных местах, пока в 1991 году под музей не был передан второй этаж каменного особняка бывшего спасского купца-предпринимателя А. В. Данилова в конце 19 – начале 20 веков.

Разбросанные экспонаты были собраны в одном месте, в музее. В сентябре 1991 года появилась должность директора музея. Им стал С. М. Ледров, выполнявший всё это время роль хранителя и собирателя экспонатов. Хотя сам музей по-прежнему оставался общественным, но работа в музее продолжалась ещё с большим усердием.

С августа 1992 года стали проводиться выездные выставки экспонатов в помещении стадиона (во время празднования дней села) и в спасской средней школе. В 1993 году временная экспозиция появилась и в самом здании музея, где прошли первые экскурсии. Постоянная экспозиция «Спасский район в прошлом: промыслы, быт, культура» открылась для посетителей 19 августа 1994 года.

Дальнейшая деятельность музея проходила под знаком 50-летия Великой Победы. 9 мая 1995 года открылась экспозиция, посвящённая этой дате. С 19 августа по 28 сентября 1995 года принимала посетителей первая выставка художника Александра Осминина из Русского Маклаково.

25 декабря 1995 года за активную работу по изучению, сохранению и пропаганде исторического наследия, возрождению духовных и культурных традиций края музей получил статус «народного», в нём был увеличен штат сотрудников. Первым научным сотрудником был Ю. П. Живодёров, смотрителем – Д. М. Кутьин.

В 1996-1998 годах прошли выставки детских рисунков, неделя «Музей и дети», вновь выставлялись работы А. Осминина,

а также В. Андрианова. 6 ноября 1996 года во время празднования 165-летия Спасской ежегодной осенней ярмарки музей посетил губернатор Нижегородской области Б. Е. Немцов.

Основной деятельностью музея в это время были сбор экспонатов (в летнее время) и изучение исторического прошлого в архивах и написание научных работ по истории Спасского края (зимой).

Всё это время музею приходилось работать в нелёгких условиях при крайне скудном финансировании. Одной из главных проблем являлось отсутствие отопления, из-за чего в зимние месяцы экспозиции были закрыты для посетителей. Новую отопительную систему удалось смонтировать лишь в январе 1999 года при поддержке областной администрации. Был также произведён декоративный ремонт помещений и фасада здания. С осени этого года стали формироваться уже постоянные экспозиции, размещаясь на долгое время на своих местах.

Общая экспозиционная площадь музея составляет 200 кв.м. Музей располагает четырьмя выставочными залами. В трёх из них разместились постоянные экспозиции: это – «История Спасского района 18 – нач. 20 века», «Боевая слава Спасского района», «Спасский район в Советский период 1917-1995 гг.», все они подразделяются на многочисленные подтемы своего периода. Четвёртый выставочный зал постоянно предлагает посетителям посмотреть какую-либо развёрнутую временную выставку.

В ноябре 1999 года на смену С. М. Ледрову пришла Е. П. Кутьина, которая проработала 20 лет. Для привлечения посетителей в здании музея стало больше проводиться и организовываться различных выставок, мероприятий, постоянные выставки пополнялись новыми экспонатами. Выставочная работа стала главным направлением в деятельности музея. На обозрение посетителей представлялись не только работы местных умельцев, но и из других районов области. Организовывались выставки из фондов музея, художественные, декоративно-прикладного творчества, фотовыставки, а также персональные выставки местных умельцев, комнатных и декоративных растений, детских рисунков... Всего не менее 30 выставок в год.

Для расширения кругозора посетителей и жителей района сотрудниками музея проводятся различные культурные мероприятия по истории и краеведению: лекции, конкурсы, викторины, недели истории... Для детей и просто людей, интересующихся краеведением, предлагаются выездные экскурсии по историческим и интересным местам нашего района.

В ноябре 2003 года на базе музея был создан клуб декоративно-прикладного и изобразительного творчества «Золотые руки», который объединил творческих людей Спасского района разного возраста и разного направления деятельности. Члены клуба принимают активное участие в выставках – как районных, так и областных.

Спасский районный народный исторический музей является местным методическим центром для школьных музеев. Он тесно сотрудничает с различными организациями района, с домом детского творчества, отделом образования, учреждениями культуры, редакцией... Оказывает методическую помощь учащимся, студентам и другим гражданам при написании работ по краеведению.

С осени 2002 года научным сотрудником музея стала С. П. Недошитова. В апреле 2006 г. смотрителем стал А. А. Борисов. В ноябре 2009 года научным сотрудником стала А. К. Самсонова.

В мае 2006 года в музей была приобретена компьютерная техника. На здании музея 19 августа 2010 года вместе с Юлией Каллаговой, внучкой А. В. Данилова, установили мемориальную доску об исторической ценности здания для Спасского района. 2 августа 2011 года музей приобрёл статус юридического лица и стал именоваться МБУК «Народный исторический музей» Спасского муниципального района.

В 2011 году в музее открыли новую экспозицию «Фауна Спасского района» о природе края. Все экспонаты изготовлены и переданы в дар музею спасчанином таксидермистом Львом Клюкиным. В 2014 году музей принимал участие в конкурсе на денежное поощрение сельским учреждениям культуры и был признан одним из лучших и премирован на 100 тысяч рублей. На эти средства были приобретены стеллажи для фондохранилища и проекционное оборудование. В 2019 году был проведён капитальный ремонт здания музея. На время ремонтных работ разработали проект доступного музейного пространства «Музей в чемодане». С различными выставками из фондов музея сотрудники музея сами приходили к посетителям, тем самым сохранив популяризацию музейного дела в районе.

На протяжении 30 лет существования музей развивается и продолжает сохранять, собирать и популяризировать культурное наследие Спасского района. Е. П. Кутьиной был разработан проект по развитию туристической привлекательности района. В нём предусматривается создание «жемчужины» Спасского

края – музейного дворика, в этот проект задействовано не только пространство самого музея, но и всей прилегающей территории. Рядом предполагается разместить стилизованную музейную экспозицию. Визитной карточкой музейного дворика должны стать две старинные арки с кованой металлической решёткой, внешний вид которых сохранился только на старинных фотографиях. Основание площадки планируется выложить брусчаткой в виде торцовых спилов деревьев, символизирующих историческое название центра села «Торцовка». В центре установить памятник Спасчанину-кожевнику, предпринимателю 19-20 веков, благодаря которому село Спасское стало процветающим торгово-промышленным селом Нижегородчины, на стене – разместить изображение стилизованной карты промыслов Спасского края с указанием промыслов каждого населённого пункта района. На площадке разместят лавки, торговые крытые ряды, дающие представление о Спасских еженедельных базарах и ежегодной ярмарке.

Реализация проекта позволит расширить экспозиционно-выставочные площади, разместить многочисленные временные выставки. И, что немаловажно, успешное выполнение проекта позволит повысить туристическую привлекательность района. Но это будет продолжать уже новый директор музея Е. Г. Балана.

С. А. Шевырин

«Памятник нужен нам, живым»

Идея памятника жертвам политических репрессий была выдвинута ещё Никитой Сергеевичем Хрущёвым на XXI съезде партии в 1961 году: «Товарищи предлагают увековечить память видных деятелей партии и государства, которые стали жертвами необоснованных репрессий в период культа личности. Мы считаем это предложение правильным. (Бурные, продолжительные аплодисменты.) Целесообразно было бы поручить Центральному Комитету, который будет избран XXII съездом, решить этот вопрос положительно. Может быть, следует соорудить памятник в Москве, чтобы увековечить память товарищей, ставших жертвами произвола»¹. Но памятник в то время так и не был создан.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов – время «перестройки», когда стали активно раскрываться тайны ГУЛАГа, начали появляться различные проекты по сохранению памяти о жертвах политических репрессий. В общественной жизни это стали организации типа «Мемориала» и, конечно, сам «Мемориал», а в творческой сфере стали появляться проекты памятников и сами памятники жертвам репрессий.

В 1987 году инициативная группа «Мемориал» начала сбор подписей за создание всесоюзного памятника жертвам политических репрессий. Никто не имел представления, каким должен стать этот монумент. Именно тогда общество впервые всерьёз задумалось, в какой форме должна существовать память о тоталитарном прошлом. О необходимости памятника говорили со страниц газет и журналов известные писатели и учёные: Евгений Евтушенко, Василь Быков, Андрей Вознесенский, Дмитрий Лихачев². Официальная власть также была за памятник – 4 июля 1988 года Политбюро ЦК КПСС выпускает постановление «О сооружении памятника жертвам беззаконий и репрессий»³. Но никто не мог представить в то время, какой это должен быть памятник: «Пока не ясно, в какой форме должна быть материализована память о жертвах репрессий: скульптурный памятник? Мемориальный центр? Или что-то другое? В этом обсуждении должны участвовать не только профессионалы – архитекторы, художники, скульпторы (для них, наверное, будет объявлен специальный конкурс), а все желающие, любой человек. Ведь осмысливать и решать судьбу народа может и должен народ»⁴. В июле 1988 года журнал «Огонек» предложил присылать проекты памятника жертвам политических репрессий для организации выставки в Доме культуры Московского электролампового завода (ДК МЭЛЗ). Выставка, получившая название «Неделя совести», прошла в ноябре 1988-го и стала первым громким общественным событием, связанным с памятью о жертвах репрессий. «Неделю совести» посетили десятки тысяч людей. Фойе и прилегающие помещения были переполнены, очередь выстраивалась на сотни метров. «Всё-таки мы в редакции волновались: придут ли люди, захотят ли откликнуться. Но уже к полудню первого дня у входа образовалась очередь. Огромный дворец с просторным фойе, балюстрадами и клубными комнатами не смог вместить всех»⁵. Из описания выставки можно узнать, что встречала посетителей экспозиция в фойе – тачка, карта лагерей ГУЛАГа и Стена памяти, где уже были представлены судьбы репрессированных людей

и все посетители могли дополнить её своими материалами. И, конечно, отдельный зал с макетами будущего Мемориала жертвам репрессий. Макетов десятки, их представляли авторы, которые бесконечно спорили между собой: «Помпезный памятник не нужен. Лучше, полезнее иметь мемориальный комплекс с музеем, архивом, библиотекой, просмотровыми залами. [...] А я вижу памятник скромным. Группа людей, и в ней обязательно подросток. [...] Обязательно должен присутствовать обрубок рельса, вся лагерная жизнь была им регламентирована»⁶.

В процессе подготовки «Недели совести» возникла идея сделать её первым туром всесоюзного конкурса на лучший проект памятника жертвам политических репрессий. Конкурс был объявлен в декабре 1988 года. Проекты можно было увидеть на выставке в Донском монастыре 15 августа – 26 сентября 1989 года. Конкурс не выявил победителей: жюри так и не смогло выбрать проект для реализации.

От Перми в этом конкурсе участвовал художник и скульптор Рудольф Борисович Веденеев. Это и не удивительно, ведь Веденеев сам был осужден в 1971 году по «политической» статье. Сохранение памяти об истории ГУЛАГа и политзаключенных он считал делом своей жизни: «Я вижу в этом свой долг художника, знаю эту проблему изнутри и хочу воздать память всем жертвам тоталитаризма»⁷. Для этой выставки и конкурса Рудольф Борисович сделал макет памятника, с которым прошёл во второй тур конкурса проектов. Второй тур проходил осенью 1989 года в Музее революции (сейчас – музей современной истории России)⁸. Рисунки макета памятника Рудольф Борисович посылал А. И. Солженицыну, который ответил, что «скульптура Ваша нравится мне»⁹.

Макет памятника представлял из себя устремленные вверх, в небо, железные прутья, по которым карабкаются маленькие фигуры людей. Памятник должен был быть звучащим – порывы ветра, проходя среди металлических конструкций, должны были генерировать непрерывный стон. Таким образом, благодаря задумке скульптора, мемориал должен был быть установлен в каком-то очень ветреном месте – может быть, на берегу моря. Уже после путешествия на Чукотку Рудольф Борисович так понимал устремлённые ввысь металлические линии памятника: «Арктические сполохи – по чукотским легендам – свет душ усопших. Этот свет душ предков и друзей доходит до нас, чтобы примирить с жизнью и друг с другом. По их поверьям, умерший в пути, независимо от того, сам ли он лишил себя жизни или помогли ему

в этом, друг, недруг, идёт на небо, где и проживает в обществе Бога»¹⁰. И вот на макете памятника вдоль прямых, как сполохи северного сияния, стальных линий устремляются вверх фигурки людей или их душ, отстрадавших на земле среди урановых осыпей Чукотки за лагерной колючей проволокой.

В 1990 г. Рудольф Борисович получил приглашение участвовать в экспедиции на Чукотку на места заброшенных командировок Чаунлага, заключенные которых добывали и обогащали урановую руду. Эту экспедицию организовывали московские энтузиасты-исследователи и магаданский «Мемориал». Сотрудники «Мемориала» пригласили Рудольфа Веденеева с целью выбора места для установки будущего памятника. При подготовке к поездке Веденеев по своему макету заказал на машиностроительном объединении «Инкар» (г. Пермь) металлическую мемориальную доску с надписью: «Здесь будет воздвигнут памятник узникам, погибшим в урановых рудниках ГУЛАГа в 40-50-е годы».

Работники завода, узнав о цели отливки, сделали её бесплатно.

Летом 1990 г. экспедиционная группа, состоящая из москвичей (Московский клуб «Компьютер»; руководители группы – И. Молчанов, А. Белинский, фотограф – Михаил Бутов, писатель, ответственный секретарь журнала «Новый мир»), представителей Магадана (геолог С. Бегунов) и Р. Веденеев, отправилась на Чукотку. Экспедиция посетила остатки зон Северная и Восточная, обогатительные фабрики и кладбища заключенных, город Певек – столицу Чаунлага. В книге «Когда закончится Гражданская война» Рудольф Веденеев описал свои впечатления от поездки: «Заключённых тех давно нет. Остались гранитные бараки с чёрными провалами зарешеченных окон – каменные братские могилы, цепляясь друг за друга гроздьями колючки, они образуют города мёртвых, поражающие размерами и кладкой. Обречённые стоять века, гранитные здания отмечены на картах геологов скупыми пометками: бараки, землянки». Основная группа изучала остатки лагерей, барачков, собирала сохранившиеся артефакты. Художник Р. Б. Веденеев ходил один с мольбертом, рисовал и впитывал атмосферу атомного ГУЛАГа.

Кладбище заключённых между зонами Северная и Восточная

Для того, чтобы больше узнать об этой экспедиции, были взяты интервью у участников – журналиста Игоря Ивановича Молчанова, писателя Михаила Владимировича Бутова и фотографа Сергея Сергеевича Пожилова. Бутов и Пожилов рассказали о происшествии с Рудольфом Веденевым: «Рудольфа Веденева помню, разумеется. Забавный дядька был, как и большинство творческих людей, немного «не от мира сего». Пожалуй, самый яркий эпизод с его участием был, когда он притащил в лагерь кучку урановой смолки в кармане штормовки. Нужно заметить, на входе в «наш» лагерь мы всегда контролировали обувь на предмет радиации, отношение к этому было весьма серьезное – как-никак 5 инженеров-химиков. А вот что кто-нибудь догадается набить карманы радиоактивными материалами, никому в голову не приходило. К счастью, Рудольф почти сразу похвалился, какие красивые камушки он обрел. Урановая смолка (руда) действительно красивая – жёлтые и зелёные камушки. Помнится, он сильно удивился, что мы немного занервничали и потребовали избавиться от штормовки». Кроме воспоминаний, С. С. Пожилов поделился копиями уникальных экспедиционных фотографий.

Одной из важных задач экспедиции было найти место для будущего памятника. Так описал в своей книге «Когда закончится Гражданская война» этот поиск Рудольф Веденеев: «Здесь, на краю земли, между заброшенными урановыми рудниками каторжных зон Северной и Восточной, океанская даль до конца июля забита льдами, а гряды хребтов вытягиваются в очередь, чтобы примерить мантию Королеве. Как бы вдогонку ей устремилась молчаливая свита – монументальные гранитные останцы, – здесь их зовут кекуры, – забытый людьми и Богом караул, прихотью природы приставленный к царствующей над округой вершине. [...] Невдалеке от кекур и выбрали место для будущего памятника. Был обычный туманный день. Голоса вязли в плотной белой массе, да говорить и не хотелось, работали молча. Медленно, камень за камнем рос террикон – из тех же гранитных глыб, что шли и на бараки, и на могилы. В основание была вмурована бронзовая плита с надписью: «Здесь будет воздвигнут памятник узникам, погибшим в урановых рудниках ГУЛАГа в 40–50-е годы». Гранитные плиты тяжело улеглись в землю, образовав постамент архаичной силы и строгости. [...] Поставить им всем памятник – невысказанно, но и жить с сердцем, сжатым болью и тоской об ушедших, нельзя. Памятник нужен нам, живым»¹¹.

Сооружение каменного постамена для памятника

Памятник так и не был установлен. Что стало с гранитным основанием памятника? В 2021 году сотрудниками музея истории политических репрессий «Пермь-36» был сделан запрос в краеведческий музей города Певек. Из Певека ответили: «[...] меня зовут Валерия Юрьевна, я уже много лет руковожу музеем, и экспедицию 1990 года помню. [...] Мемориальную доску, установленную Веденеевым, никто не может найти – либо не можем найти место, либо разрушено. Прошло много лет, а место расположения лагерей Восточный и Северный очень труднодоступно, выезжаем туда крайне редко – далеко и очень плохие дороги».

Сейчас с макетом памятника и материалами экспедиции можно познакомиться на выставке в Мемориальном музее-заповеднике истории политических репрессий «Пермь-36». Выставка называется «...Камни возопиют: по материалам экспедиции с участием Р. Б. Веденеева на Чукотку». На выставке представлены картины и наброски Р. Б. Веденеева, написанные в той экспедиции, фотографии, сделанные С. С. Пожиловым и М. В. Бутовым.

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского союза. 17-31 октября 1961 г. Стенографический отчет. – М., 1962. – С. 587.

² Мемориал совести // Огонек. – 1988. – Июль. – № 29. – С. 31.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. – № 1. – С. 43.

⁴ Мемориал совести // Огонек. – 1988. – Июль. – № 29. – С.31.

⁵ Немировская О. Неделя совести // Огонек. – 1988. – Ноябрь, – № 48. –

С.1.

⁶ Там же. – С.32.

⁷ Веденеев Р. Б. Пермское дело / Беседу вела Г. М. Лебедева. – Пермь: Т-7, 1996 // Пермское дело. Веденеев Р.Б. Пермское дело. Веденеев Рудольф Борисович. Воспоминания о ГУЛАГе. База данных. Авторы и тексты (sakharov-center.ru) (дата обращения 15.01.2023).

⁸ Рудольф Веденеев: «Вся Чукотка превратилась в кладбище ГУЛАГа» // Посев. – 2003. – №3. – С.31.

⁹ Музей получил в дар несколько бесценных предметов // http://perm36.com/events/news/492/?sphrase_id=1727

¹⁰ Веденеев Р. Б. Когда окончится Гражданская война / Редактор З. О. Падас. – М.: Возвращение, 1996. – С.15.

¹¹ Там же. – С.32-38.

В. С. Колбас

Кто автор фразы «Гений чистой красоты»? Цитаты из русской литературы

Однажды, просматривая литературу в одной из пермских библиотек, я обнаружил совершенно уникальный справочник «Цитаты из русской литературы: 5200 цитат от «Слова о полку...» до наших дней» (М.: Эксмо, 2005). Автор книги К. В. Душенко в предисловии пишет, что данная книга – это «первая попытка создать обширный свод русских литературных цитат с точными ссылками на источник и удобным поисковым аппаратом». Правда, в качестве предисловия он использовал широко известный афоризм польского писателя, сатирика и юмориста Станислава Ежи Леца (1909-1966): «Я знал человека столь мало начитанного, что ему приходилось самому сочинять цитаты из классиков».

Этот шуточный зачин ни в коей мере не повлиял на научный подход при отборе цитат из русской литературы. Я не стану излагать то, как пользоваться этим справочником, ибо тот, кто возьмет его в руки, сам прочтёт во введении об этом и познакомится с хорошо выстроенным поисковым аппаратом. Отмечу только (и на это обращает внимание читателей Константин Душенко), что самая короткая цитата в книге – прутковское «Бди!», самая длинная – шестнадцать строк – из пушкинского стихотворения: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». В книге приведены цитаты почти пятисот авторов. Построенная по алфавитному принципу, она начинается с цитат писателя, главы старообрядчества, протопопа Аввакума (1620 или 1621-1682) «Долгие ли муки сея, протопоп, будет?» и заканчивается заглавием романа польского и русского писателя Бруно Ясенского (1901-1941) «Человек меняет кожу» и строками из текстов анонимных авторов (в частности, «Я Пастернака не читал, но скажу»).

Конечно, многие литературные цитаты мы употребляем, не всегда ссылаясь на авторов, чаще всего даже не упоминаем их. Нужны примеры? Пожалуйста!

Вспомните цитаты из произведений А. С. Пушкина (1799-1837): «В крови горит огонь желанья...», «В начале жизни школу помню я», «Жил-был поп, толоконный лоб», «И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь», «Кавказ подо мною», «Каменный гость», «Медный всадник», «Народ безмолвствует», «Поговорим о странностях любви», «Прощай, свободная стихия!», «Октябрь уж наступил», «Трусоват был Ваня бедный», «Унылая пора! очей очарованье!», «Я помню чудное мгновение...». Часто употребляем их в письменной и разговорной речи? Часто. А всегда ли вспоминаем автора? Практически никогда, потому что воспринимаем их как народные изречения.

Кстати, цитата из наброска стихотворения А. С. Пушкина «О, сколько нам открытий чудных / Готовит просвещенья дух / И Опыт, сын ошибок трудных, / И Гений, парадоксов друг...» стала эпиграфом к некогда очень популярной телевизионной передаче «Очевидное – невероятное», которую вёл физик, профессор Московского физико-технического института, лауреат Государственной премии СССР С. П. Капица.

«Народными» изречениями стали многие строки из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова (1790 или 1795-1829). Они просто впечатались в нашу память со школьных лет, вошли в наш повседневный обиход. «Ах! боже мой! что станет говорить княгиня Марья Алексеевна». «Ба! Знакомые всё лица!», «Блажен, кто верует, тепло ему на свете!», «В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов», «Вон из Москвы! сюда я больше не ездук... Карету мне, карету!». «Всё врут календари», «И золотой мешок, и метит в генералы», «Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали», «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь», «Монашеским известен поведением!..», «Но чтоб иметь детей, кому ума не доставало?», «Обычай мой такой: подписано, так с плеч долой», «Он слова умного не выговорил сроду», «Она не родила, но по расчёту по моему: должна родить», «Служить бы рад, прислушиваться тошно», «Счастливые часов не наблюдают», «Ум с сердцем не в ладу», «Французик из Бордо», «Шёл в комнату, попал в другую». А название самой комедии – «Горе от ума» – стало классическим выражением.

В число хрестоматийных вошли многие слова и фразы баснописца И. А. Крылова (1769-1844), поэта М. Ю. Лермонтова (1814-1841), «певца революции» В. В. Маяковского (1893-1930). Не удержусь и приведу хотя бы по две-три цитаты из произведений этих писателей.

Известно, многие фразы из басен И. А. Крылова стали афоризмами и пословицами: «Демьянова уха», «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь», «А Васька слушает, да ест». И этот ряд можно продолжить.

Строки из лермонтовского стихотворения «Бородино», такие как «Ребята! не Москва ль за нами? Умрём же под Москвой, как наши братья умирали!», мы помним с детства. Или – из других стихов: «И скучно и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...», «Погиб поэт! – невольник чести...».

А произведения В. В. Маяковского вообще были источником официальных лозунгов и призывов Советской власти. В истории навсегда останутся такие его слоганы: «Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить» или «Ленин и теперь живее всех живых, наше знание – сила и оружие». Разумеется, не забудутся и его «Ешь ананасы, рябчиков жуй. День твой последний приходит, буржуй», «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?».

Совершенно особое место в литературе занимает творчество писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826-1889). Его злые и горькие фразы о российской действительности, о бюрократизме и чиновничестве российском не утратили актуальности, наоборот, в наши дни они крайне востребованы. Делаю выписки наугад и поражаюсь, насколько они современно звучат: «На языке «государство», а в мыслях – пирог с казённой начинкой», «Медведь на воеводстве», «Гнилой либерализм», «Ишь ведь как чисто – плюнуть некуда!», «Государственные младенцы», «И невинность соблюсти, и капитал приобрести». «Не виновен, но не заслуживает снисхождения», «Народ гонял, помпадур сажал: реформа кончал». В общем, читать надо Михаила Евграфовича, читать, дела государственного управления он знал не понаслышке, сам был крупным чиновником Российской империи.

Изучать справочник К. В. Душенко – не только интересное, но и бесполезное занятие: много новых и неожиданных сведений можно из этой книги почерпнуть. Знаете ли вы, кто автор фразы «Гений чистой красоты»? Думаете, А. С. Пушкин, который написал: «Я помню чудное мгновенье: / Передо мной явилась ты, / Как мимолётное виденье, / Как гений чистой красоты»? Ан нет! Впервые эта строка встречается в стихотворении «Я Музу юную бывало...» В. А. Жуковского (1783-1852), которая чуточку в другом варианте встречается у него же в стихотворении «Лалла Рук». Получается, что «победитель-ученик» позаимствовал эту фразу

у «побеждённого учителя». Именно такую оценку Василий Андреевич дал Александру Сергеевичу, сделав надпись на своём портрете, который он подарил юному поэту «в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила» 1820 марта 26». А многие ли знают, что именно В. А. Жуковский является автором текста гимна Российской империи? Хотя слова его, особенно в последние годы, знакомы многим людям, даже далёким от истории и литературы: «Боже, царя храни! / Сильный, Державный, / Царствуй на славу нам, / Царствуй на страх врагам, / Царь Православный!». Источником российского гимна послужил английский гимн середины XVIII века «Боже, храни короля». Слова В. А. Жуковского положил на музыку композитор А. Ф. Львов (1798-1870); первое публичное исполнение русского национального гимна состоялось 11 декабря, а первое официальное исполнение – 25 декабря 1833 года.

Листать, читать, изучать книгу К. В. Душенко – сплошное удовольствие.

Стоит, пожалуй, сказать и о том, что в справочнике цитат из русской литературы мы найдём выражения и наших современных писателей. Так, очень часто мы употребляем фразы С. А. Алексиевич (р. 1948), ставшие названиями её документально-очерковых книг «У войны – не женское лицо», «Цинковые мальчики». Или названия пьес В. В. Вишневского (1900-1951) «Оптимистическая трагедия», С. И. Алёшина (р. 1913) «Всё остаётся людям», по ней снят одноимённый фильм, в котором роль академика Дронова сыграл известный киноактёр, народный артист СССР Н. К. Черкасов (1903-1966). Или названия романов «Люди с чистой совестью» П. П. Вершигоры (1905-1963), «Горячий снег» Ю. В. Бондарева (р. 1924), «Прокляты и убиты» В. П. Астафьева (1924-2001) и др.

Конечно, мы помним многие и многие строчки из стихов и песен Б. Ш. Окуджавы (1924-1997): «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке», «Давайте говорить друг другу комплименты», «Надежды маленький оркестрик под управлением любви», «Ах, война, что ж ты сделала, подлая!», «...Нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим», «С войной покончили мы счёты... Бери шинель – пошли домой»... А «Песню Верещагина», роль которого прекрасно сыграл актёр П. Б. Луспекаев (1927-1970), пожалуй, знают все, кто хотя бы раз посмотрел кинофильм режиссёра В. Я. Мотыля «Белое

солнце пустыни»: «Ваше Благородие госпожа Разлука... Перестаньте, черти, клясться на крови, не везет мне в смерти – повезёт в любви».

Как говорится, на слуху строки из авторских песен А. Н. Вертинского (1889-1957): «Ваши пальцы пахнут ладаном», «У меня завелись ангелята», «Мадам, уже падают листья...», «В бананово-лимонном Сингапуре».

А романы Ильи Ильфа (1897-1937) и Евгения Петрова (1902-1942) «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» можно цитировать до бесконечности, все эти убийственно-смешные слова и фразы – от «Великого комбинатора», «Мой папа... был турецко-подданный», «Статистика знает всё», «Заграница нам поможет» и до «Сыновья лейтенанта Шмидта», «Пешеходов надо любить», «Пиво отпускается только членам профсоюза», «Эх, прокачу!», «Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству», «Командовать парадом буду я!».

Но пора и остановиться. Тех, кто заинтересовался справочником «Цитаты из русской литературы», я отсылаю к книге К. В. Душенко.

Прочтёте – не пожалеете.

Опубликовано:

Структура (Пермь). – 2009. – Июль-сентябрь. – № 3 (39). – С. 10; октябрь-декабрь. – № 4 (40). – С. 4.

Городок (Соликамск). – 2023. – 1 февраля. – № 4. – С. 7.

А. Н. Каменских

**«Светить всегда, светить везде...»:
эссе на тему «Библиотекарь нового поколения»**

Tempora mutantur, et nos mutamur in illis
«Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними», лат.

Когда тебя спрашивают, чем занимается библиотекарь, что обычно приходит на ум? Точно не взятые в заглавие слова Владимира Владимировича Маяковского! Ещё несколько лет назад я бы ответил: книги, множество книг в бесконечных рядах стеллажей, пыль, неспешные беседы на кафедре выдачи и ещё долгое и часто бессмысленное копание в каких-то ящиках в поисках карточки на нужную книгу. Теперь я могу описать нашу профессию

иначе, хотя книги, беседы у кафедры, стеллажи книг, которые надо обеспыливать, и блуждание в каталогах по-прежнему остаются.

Рассмотрим традиционную функцию библиотеки – передовые умы прошлого связывали библиотеку, прежде всего, с наукой. Выдающийся наш философ и одновременно библиотекарь Николай Фёдорович Фёдоров, знакомством с которым гордились Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, писал: «Библиотеки не должны быть только хранилищами книг, не должны служить и для забавы, для лёгкого чтения, – они должны быть центрами исследования, которое обязательно для всякого разумного существа, – всё должно быть предметом познания и все познающими»¹. Это сказано в конце XIX века. В XX веке эта мысль была продолжена Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым, ещё одним великим нашим ученым с мировым именем: «Нельзя видеть в библиотекаре простого помощника учёного. Библиотекарь – сам учёный. Но только он работает не над одной своей темой, а над многими темами. Это учёный, целиком отдающий себя другим»². Эта функция просвещения до сих пор актуальна, её ждут от нас читатели, вопреки восторжествовавшей концепции «библиотеки как «Третьего места»³ (в антиномии «дом» / «работа» мы теперь ни то, ни другое, а точнее и то, и другое одновременно). «Третье место» и связанное с ним новое звучание библиотеки получили относительно недавно, это ещё молодая, но уже установившаяся концепция, принятая во всём мире. Теперь мы должны совмещать рекреацию и науку, такова наша новая реальность – одной рукой организовывать песни и пляски, коворкинги, мастер-классы, быть аниматорами, а другой рукой – обеспечивать источниками науку, помогать аспирантам в написании диссертаций, содействовать инновациям в промышленности и бизнесе, быть учёными и помощниками учёных. Новые функции не отменяют необходимость выполнения старых. Досуговая функция библиотеки должна расширяться, выходить на качественно новые уровни, но при этом не отрываться от основ нашей профессии... Даже развлекательное мероприятие должно нести свет нового знания, быть откровением, сопровождаться книжными выставками по теме, раздачей кратких рекомендательных библиографических листков «на память», «на будущее»... Это значит, что библиотекарь должен быть человеком любознательным, живо интересующимся всем окружающим миром. То есть, по сути, библиотекарь – тот же филолог, если брать только дословный перевод этой профессии с греческого («filia» – «любовь» и «logos» –

«знание», «слово»). Библиотекарь интересуется всяким знанием, вне зависимости от отрасли. Всё ему кажется удивительным и нужным! Именно поэтому Поль Отле – великий бельгийский ученый, которого называют «пионером информатики» и который причастен к созданию «Лиги наций» (предшественницы ООН) – говорил, что «библиотекарь должен быть энциклопедистом; ... он должен обладать обширными познаниями в истории, в географии, в естественных науках, в литературе и искусстве...»⁴. Обширность необходимых библиотекарю познаний диктуется, на мой взгляд, вечным тайным стремлением человека ко всезнанию... Человек всегда хотел охватить своим разумом все мыслимые науки, объять и удержать в голове все знания, накопленные человечеством! Библиотекарь нового поколения – энциклопедически образованный эрудит.

«De omni re scibili!» («Обо всем, что можно знать!», лат.) – восклицал итальянский ученый Джованни Пико делла Мирандолла, считая, что с помощью чисел может открыть и объяснить всё, о чём только можно знать... Такое «пифагорейство» нам импонирует. Невозможно не быть немного пифагорейцем, будучи библиотекарем! Достаточно вспомнить хотя бы созданные нами универсальные классификации знаний – «Универсальную десятичную классификацию» (УДК, созданную всё тем же Полем Отле) или отечественную «Библиотечно-библиографическую классификацию» (ББК)!.. В библиотечных классификациях делается попытка определить место каждой отрасли знания, каждой науки, каждой дисциплины! В простом ряду чисел от 0 до 9 умещается всё, что только придумало человечество за всю историю своего развития! Это похоже на чудо, разве нет? Наши классификации по праву можно назвать книгами книг, потому что они организуют в систему другие книги. «Чтение должно быть системным!» – часто говорил мой преподаватель в университете Валерий Анатольевич Полюдов. Библиотечные классификации дают эту систему! И долг библиотекаря нового поколения – передать эту системность знаний нашим читателям.

Между прочим, в мире набирает популярность работа с классификационными системами как с «картами знаний»⁵. С помощью классификационных систем можно определять границы собственного знания и незнания. Эта практика уже применяется за рубежом и только зарождается у нас. Системность знаний и удобный «интерфейс» работы с их огромными массивами – вот что должен давать пользователю современный библиотекарь!

Библиотекарь учится экономно, изящно и эффективно работать с информацией. Он бесконечно совершенствует свой навык чтения, и его чтение с каждым годом становится всё более насыщенным, информативным и глубоким. Библиотекарь овладевает таким универсальным научным умением, как работа с книгой, оформление библиографии. Невозможно представить себе научную работу без списка литературы. Можно сказать, что научное исследование начинается со списка литературы и заканчивается им же⁶. Мы считаем, что одной из перспектив библиотечной работы в будущем может стать библиографическая экспертиза научных работ, это должно стать обязательным условием при защите выпускных квалификационных работ студентов, а также диссертаций на соискание ученых степеней! Таким образом, библиотекарь нового поколения всегда еще немного библиограф и учитель чтения.

Вообще набор знаний, умений и навыков библиотекаря окрыляет для интеллектуального творческого полета! Библиография, умение быстро и эффективно читать, системность знаний, умение сжимать и развёртывать информацию, культура цитирования – это (и многое другое) крайне важный набор компетенций в современном мире. Вдвойне важный, учитывая, что сегодня мир находится в процессе строительства постиндустриального, «информационного» общества. Главной характеристикой этого общества является то, что информация становится важнейшим средством производства и, одновременно, одним из основных ресурсов.

Важным для библиотек противостоянием в информационном обществе является тенденция к капитализации информационных процессов, с одной стороны, и традиция доступности информации, свободный доступ к ней, с другой. В зависимости от того, насколько эффективно библиотеки смогут сопротивляться капитализации и обеспечивать доступность информации, зависит то, какое место займут библиотеки и библиотекари в новом обществе. Мы можем так и остаться на обочине социальных процессов, а можем и попасть «в тренды». Только для того, чтобы вытащить библиотеки из того незавидного положения, в котором мы оказались сегодня, потребуется проделать огромную работу, не знающую перерывов на обед и отдых. Библиотекарь нового поколения – библиотекарь всегда – 24 часа 7 дней в неделю! Об этом мы писали, когда рассматривали мужчин и женщин библиотекарей⁷. Сейчас мало выполнять должностные инструкции «от А до

Я», нужно искать новое, осваивать новое, предлагать новое и писать, писать, говорить и повторять – ведь основы информационного общества уже заложены!

Много вызовов стоит перед библиотеками в этом новом обществе. Быть творческим, инициативным – главная черта человека информационного общества, поэтому всё большие масштабы набирают разнообразные конкурсы и грантовая, целевая поддержка проектов. Нужно быть активным и продуктивным, уметь планировать задачи и оформлять свои идеи в проекты (я их называю «теориями малых дел»). Библиотекарь нового поколения – это еще и Project-менеджер.

Библиотекарь нового поколения, прежде всего, должен быть! Почти так сегодня стоит вопрос на волне цифровизации и автоматизации. Всё больше говорят о библиотеках без библиотекарей. Сама подобная мысль – грандиозный наш провал! Мы категорически против этой тенденции. Человеку нужен человек! А для серьезного информационного поиска – тем более не обойтись без опытного библиотекаря. Разве можно оставлять один на один с фондом людей, которые приходят в библиотеку и помнят только, что нужная им книга была «красненькая»? Разве можно оставлять без человеческой и профессиональной поддержки читателей, которые просят, например, книгу Эриха Марии Ремарка (дай бог, если знают, что автор – мужчина!) «Трое в лодке, ни щета и собаки»? Снежный ком информации всё растёт, уметь в этом океане ориентироваться, знать самое важное должен именно библиотекарь!

Уже сегодня в китайско-сингапурской библиотеке дружбы в Тяньцзине сортировкой книг занимаются роботы¹⁰. Но ещё долгое время искусственному интеллекту можно будет поручить только рутинные, технологические задачи. Творчество, или иначе библиотечная эвристика, ещё долгое время будет уделом профессионалов-библиотекарей. Нужно писать и публиковаться! Наша профессия уже сейчас сильно изменяется и будет ещё изменяться в будущем, это значит, что есть пространство для инноваций, можно сказать что-то новое, если внимательно присмотреться к нашей работе.

Нам представляется невероятным, что может исчезнуть сам институт Библиотек. Невероятно, что библиотеки могут исчезнуть после примерно пяти тысяч лет добросовестной службы человечеству. Передовые умы нашего времени уже отмечают, что книги на бумажном и электронном носителе занимают каждая свои ниши (одну мы берём в руки для души осенними вечерами,

другую – на планшет или смартфон в поездку)¹¹. Конкуренция напечатанных книг и книг электронных отходит на второй план, они начинают взаимодополнять друг друга. Однако печатную книгу сегодня надо поддерживать, электронные книги и так пробыют себе дорогу! А для решения этой задачи нужно прикладывать свои знания, творчество...

Хорошо бы научить искусственный интеллект заниматься библиографией! Чтобы каждый человек мог бы вести библиографию прочитанного – хорошее средство организации чтения и памяти о нём, которое я практикую. Хорошо бы научить поисковые сервисы нашему систематическому поиску! Всё это ещё ждёт своего часа. Библиотекарь нового поколения должен быть на «ты» с техникой, должен уметь давать техническое задание разработчикам программного обеспечения. Свои умения пользоваться современной техникой надо транслировать нашим пользователям. Не доводить до того, чтобы пользователи учили нас обращению с техникой, а действовать на опережение! И техника у нас должна быть самая современная, а для этого, опять-таки, надо писать проекты на обновление парка технических средств. Уметь пользоваться компьютером, ноутбуком, планшетом, профессиональным фотоаппаратом («зеркалкой»), владеть видеокамерой и программами работы с видео, фото... И умения свои применять в работе!

Потому и нужны обществу библиотечные блогеры! Это тоже результат информатизации. Рекламой книг занимаются авторы и издательства, мы же должны предоставлять независимую точку зрения, приближённую к нашим читателям! Нужно выдавать оригинальный «контент», представлять оригинальную точку зрения. А для этого нужно быть личностью! К Николаю Фёдоровичу Фёдорову в библиотеку Румянцевского музея (ныне – Российская государственная библиотека, РГБ) приходили лучшие умы Москвы, с ним обсуждались передовые идеи своего времени¹². И сейчас нам тоже нужно становиться лидерами общественного мнения, пространством коллективного притяжения. Если для этого придётся входить в такой интеллектуально бедный ресурс, как «TikTok», то так тому и быть. Нужно идти в ногу со временем, быть там, где проводят время другие! Не запаздывать в этой погоне за «трендами» на пять-десять лет, как это у нас водится... И нести свет знаний, вести пропаганду книги, здорового образа жизни, традиционных ценностей... Библиотекарь нового поколения – это ещё и немного блогер-просветитель!

Что ещё ждут от нас читатели? Многие читатели ждут, что у нас можно будет найти историю своей улицы, района, села или города, наконец, региона. Мы должны заниматься краеведением, историей, «делами давно минувших дней»⁴³. Не отдавать эту миссию одним только архивам! Поэтому хороший библиотекарь всегда краевед, историк. Читатели часто приходят в библиотеки, спрашивают про историю местности, где библиотека расположена, предлагают этим заниматься сотрудникам... А сотрудники библиотек отвечают: «Вам нужно, Вы и занимайтесь» (эти слова реально были сказаны сегодня современными нашими коллегами!). Такие «библиотекари» просто профнепригодны! Библиотечные «место-имения», которые только место/должность свою впустую занимают, ничего не принося в профессию! Нужно уметь работать с инициативными читателями, уметь работать с пассионарными личностями (по Л. Н. Гумилеву), самим стремиться быть пассионариями! Библиотекарь нового поколения – обязательно пассионарий!

Сотрудниками Александровской библиотеки «были самые знаменитые поэты и ученые страны, математики, географы, историки, языковеды»⁴⁴. Нам и сегодня нужны представители других профессий именно у нас, в библиотеке. Центральные библиотеки других регионов уже успешно включили в свои ряды, например, специалистов по патентам (Белгородская область), которые помогают в регистрации интеллектуальной собственности⁴⁵, или бизнес-консультантов (Липецкая область), что позволяет выстраивать связи с бизнесом на совершенно новом уровне⁴⁶. Нам нужно, чтобы серьёзные специалисты из разных областей приходили к нам в библиотеки и оставались, желательно с получением ими профильного дополнительного образования – историки, юристы, филологи, педагоги, культурологи, журналисты, программисты, врачи (например, психотерапевты для проведения полноценной библио- и арт-терапии, а не самодеятельных пародий на них)... Всем найдётся занятие в библиотеке! Вышние библиотечные курсы должны стать более распространённым явлением, на которое надо специально вкладывать средства! Надо добиваться и того, чтобы библиотекари, получившие учёную степень, могли рассчитывать на соответствующую доплату, как если бы они были сотрудниками университета или института! «Библиотекарь – сам ученый», – по Д. С. Лихачеву!

И раз уж заговорили об учёных степенях, нельзя не поделиться новостью о том, что обновленная «Библиотечная специальность вошла в номенклатуру научных специальностей»⁴⁷. Это

не значит, конечно, что каждый обязан писать диссертации, не в этом дело. Но паспорт научной специальности можно использовать как методическое пособие, очерчивающее необходимые библиотекарю нового поколения знания, умения и навыки. Специальность 5.10.4 «Библиотечное дело, библиографоведение и книговедение» описывает компетенции, необходимые библиотекарю сегодня, и манит меня попытаться написать диссертацию ещё раз.

Библиотекарь нового поколения будет выстраивать отношения с разными общественными институтами и людьми, а не только с теми, с кем традиционно установились отношения, с кем заставляет работать учредитель. Библиотекарь нового поколения расширяет границы «социального партнёрства»! Библиотечковед, разработчик ББК Эдуард Рубенович Сукиасян по этому поводу критически писал: «Дружбы с военными комиссариатами, здравоохранением, налоговыми и прочими органами (полицией, ФСБ, прокуратурой) у нас нет. Опять же: дадут указание – проведём с ними (или для них?) мероприятие. С народным образованием? Дружим, конечно, но не с директорами школ, а со школьными библиотеками. С печатью, радио и телевидением? Мне написали: вы ещё скажете, что надо дружить с почтой или с транспортом? А с кем мы дружим? Кого приглашаем?»¹⁸ На этом направлении нам ещё работать и работать!

Библиотекарь нового поколения «исповедует» «Кодекс этики российского библиотекаря»¹⁹. Вежливость, высокий профессионализм, бескорыстное отношение к работе, законопослушность, доброжелательность, уважение, честность... Казалось бы, прописные истины, но их нужно регулярно повторять, особенно важно «с порога» знакомить с ними новичков – давать расписываться наравне с должностной инструкцией! Я считаю, что перечитывание «Кодекса этики...» должно стать регулярным занятием, как поднятие флага в школах. Библиотекарь нового поколения любит читать, разделяет ценности, выраженные в «Манифесте книжника»²⁰, опубликованном Российским книжным союзом. Библиотекарь должен хорошо знать, как устроена книга, уметь провести элементарный ремонт книги своими руками. Также не лишним будет разбираться в вёрстке книг, чтобы по возможности оказывать эту услугу авторам в далёких от мегаполисов сёлах и деревнях.

После всех рассмотренных перспектив и обстоятельств, я тем не менее прихожу к выводу: библиотекарь нового поколе-

ния – это хороший библиотекарь старого поколения в новых общественных, культурных, исторических условиях. Библиотекарь нового поколения работает над тем, что не было ещё сделано его предшественниками, продолжая нести с честью светоч знаний и культуры. Библиотекарь нового поколения – это Библиотекарь сегодня и всегда!..

¹ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений. В 4-х т. – М.: Традиция, 1997. – Т. 3. – С. 159-160.

² Первоисточник этих слов Д. С. Лихачева мне найти пока не удалось.

³ Онуфриенко Г. Ф. Библиотечная модель в контексте теории Рея Ольденбурга // Библиотека в эпоху перемен. – 2018. – Вып. 1 (64). URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/bep/2018/01/2018-01_bep-1.pdf (дата обращения: 22.08.22).

⁴ Отле П. Труды по библиотековедению. Руководство для общественных библиотек. Организация умственного труда. Руководство к администрированию. – М.: Либерия, 2002. – С. 111

⁵ Сукиасян Э. Р. Новые направления работы с таблицами ББК // Таблицы библиотечно-библиографической классификации. Организация и технология использования. – М.: Пашков дом, 2016. – С. 104-106.

⁶ Моя преподавательница – доктор филологических наук Наталья Александровна Петрова – говорила, что чтение любой научной работы она начинает со списка использованной литературы, из которого ей всё становится понятно о данной работе.

⁷ Каменских А. Н. Библиотекари: мужчины и женщины // Библиотека Горького (Пермь). – 2021. – 8 марта. – № 3. – С. 1. См. также: URL: <https://vk.com/@gorkilibrary-biblioteka-gorkogo-vypus>. (дата обращения: 22.08.22). URL: <https://e.gorkilib.ru/node/598334?fragment=page-1> (дата обращения: 22.08.22).

⁸ О расстановке книг по цвету см., например, пост Кишертской библиотеки им. Н. Г. Кинёва. URL: https://vk.com/wall-192595583_6187 (дата обращения: 22.08.22).

⁹ Количество смешных читательских запросов можно множить. См., например: URL: https://pikabu.ru/story/samyie_duratskie_zaprosyi_chitateley_v_bibliotekakh_1958560 (дата обращения: 22.08.22).

¹⁰ В Китайско-сингапурской библиотеке дружбы в Тяньцзине сортировкой книг занимаются роботы. URL: https://vk.com/wall-98443963_678086 (дата обращения: 22.08.22).

¹¹ См., например, интервью с Борисом Натановичем Пастернаком, генеральным директором издательства «Время» – «Подарить ссылку или флэшку невозможно» // Знание-сила. – 2019. – № 12. – С. 10. Особенно рекомендуем весь указанный номер журнала, т. к. его главной темой является «Книга и книжники в эпоху цифры».

¹² Семёнова С. Г., Гачева А. Г. «В усилия к будущему времени...»: Николай Фёдоров – мыслитель, библиотекарь, педагог. – Рязань: ПервопечатникЪ, 2015. – С. 3.

¹³ Пушкин А. С. Руслан и Людмила. Песнь первая // Любое изд.

¹⁴ Львов С. Л. Книга о книге. – М.: Просвещение, 1980. – С. 25.

¹⁵ Рожкова Н. П. Белгородская областная библиотека: осмысление нового образа // Областные библиотеки России на современном этапе: научно-практический сборник. – М.: Пашков дом, 2015. – С. 112.

¹⁶ Черепко В. М. Информационное обеспечение инновационной деятельности (опыт работы отдела технико-экономической и сельскохозяйственной литературы Липецкой областной библиотеки) // Областные библиотеки России на современном этапе: науч.-практ. сб. – М.: Пашков дом, 2015. – С. 194.

¹⁷ Библиотечная специальность вошла в номенклатуру научных специальностей. URL: <https://www.rsl.ru/ru/all-news/bibliotechnaya-speczialnost-voshla-v-pomenklaturu-nauchnyx-speczialnostej> (дата обращения: 24.08.22).

¹⁸ Сукиасян Э. Р. Если аксиому принимают не все, докажите её как теорему // Библиотека. – 2019. – № 9. – С. 59.

¹⁹ Кодекс этики российского библиотекаря. URL: <http://www.rba.ru/content/about/doc/codex.php> (дата обращения: 22.08.22).

²⁰ Манифест книжника «От чтения – к творчеству жизни». URL: <https://bookunion.ru/projects/manifest/> (дата обращения: 22.08.22).

А. Н. Каменских

Репертуары пермской книги: Интерлюдия о библиографии местной печати

Репертуар (от позднелатинского *repertorium* – список, опись) – «в библиографии XVIII–XIX веков обозначение универсальных ретроспективных библиографических указателей, содержащих библиографические записи обо всех произведениях печати, изданных на территории определенной страны за определенное время»¹.

Говорить о книжном репертуаре имеет смысл, если понятие «книга» мы будем трактовать широко, в смысле любого документа, прошедшего полиграфическую обработку и изданного в свет. К слову, существует также книгоиздательский репертуар, который отражает документы уже не территории, а организации². Поэтому я определяю репертуары как библиографию документов, представляющих (выражающих) определённую территорию или организацию. Репертуар пермской книги подразумевает «книгу» именно в таком широком смысле этого термина. Такие указатели рекомендуют называть не «Ежегодниками книги», но «Ежегодниками печати»³. Но здесь мы выступаем как традиционалисты-консерваторы, для которых уважение к Книге важнее терминологической точности. Расширительное толкование «книги» мы поясняем сразу – в аннотации к изданию и в предисловии.

Репертуары охватывают все сферы деятельности, поэтому они являются универсальными библиографическими указате-

лями. В репертуарах рассматриваются прошедшие годы, а не текущие поступления в Пермскую краевую библиотеку им. А. М. Горького, поэтому они являются ретроспективными указателями. Поскольку наша система доставки обязательного экземпляра крайне несовершенна, было принято решение оставить репертуары именно ретроспективными пособиями. Также важно сказать, что, в отличие от многих других подобных пособий («Ежегодник рязанской книги», «Омская книга», «Томская книга» и др.), в репертуарах пермской книги нет сведений о периодических изданиях, поскольку для них создаются отдельные указатели поступлений – в Пермскую краевую библиотеку им. А. М. Горького и в библиотеки города Перми.

Любой репертуар состоит из основной части и справочного аппарата в виде вспомогательных указателей, количество которых может быть разным от репертуара к репертуару. Основная часть содержит записи на документы, а справочный аппарат – только ссылки на эти записи.

Основная часть группирует записи по основным делениям библиотечно-библиографической классификации (ББК): сначала идут естественные науки, затем техника, потом сельское и лесное хозяйство, медицина, затем идёт цикл социальных и гуманитарных наук и, наконец, литература универсального содержания. Глубина детализации сильно зависит от наличия материала по соответствующей теме. Для работы с репертуаром полезно будет знать, хотя бы приблизительно, структуру таблиц ББК. Например, что 24 – химические науки, а 83 – литературоведение и т. д.⁴

Вспомогательные указатели, которые также называют «ключами»⁵, помогают искать информацию в разных аспектах, с разных сторон: по фамилии автора, по месту издания, по организации, принимавшей участие в создании документа. Начиная с репертуара 2007 года появился также указатель заглавий, на присутствии которого настаивала книговед Нина Фёдоровна Аверина⁶ – можно искать книгу, не зная автора, места издания, отрасли знания. В репертуаре 2006 года будет, наконец, расширен тематический поиск с помощью предметного вспомогательного указателя.

Какую информацию содержит указатель? Во-первых, номер библиографической записи, который связывает основную часть и вспомогательные указатели. Во-вторых, библиографическое описание документа: заголовок, основное заглавие, сведе-

ния об ответственности (лица и организации, участвовавшие в создании документа), место и год издания, указание на количество страниц и размеры издания, включённость в ту или иную серию, если это имеет место быть, наличие библиографии в издании и т. п. Специалисты рекомендуют в указателях местной печати (дополнении государственной библиографии) обязательно стараться включать сведения о тираже, что очень важно для статистики книгоиздания. У библиографии местной печати нет факультативных элементов. Появившиеся в репертуаре 2006 года предметные рубрики после библиографического описания служат своего рода краткой аннотацией к изданию.

К слову, в библиографических указателях, как правило, не приводят повторяющиеся сведения, например, фамилию-имя-отчество в биобиблиографии, поскольку оно одно и то же для всех записей. Можно было бы в этом случае не приводить год издания, но... Но если когда-нибудь дойдет дело до составления сводного репертуара за несколько лет, эта информация может оказаться необходимой, поэтому сведения о времени издания мы сохраняем. На конференции «Филология в XXI веке», на которой я выступал с докладом «Репертуар пермской книги как ресурс для изучения Пермского края»⁷, мне предлагали не ограничиваться одним годом, поскольку для поиска иногда бывает мало одного года, нужны указатели за несколько лет сразу, например, за пять-десять лет. Пожелание, конечно, справедливое, но невероятно трудозатратное. Учитывая все источники, мы имеем около полутора тысяч записей за один год, тогда даже за пять лет эта сумма дойдёт до семи с половиной тысяч записей приблизительно – это совершенно астрономическая цифра для указателя с одним составителем. Таковую библиографию могут позволить себе только такие крупные библиографирующие организации, как Российская книжная палата. Хорошо, если бы у нас тоже появилась своя – Пермская региональная книжная палата (пусть и с небольшим штатом сотрудников).

Репертуар даёт читателям целостную, выверенную картину книгоиздания за выбранный год постсоветской истории нашей страны. Репертуар может служить источником «для изучения истории, теории и практики книжного и издательского дела, журналистики, экономики, культуры края»⁸.

Репертуары – это библиографические энциклопедии Пермского края. Каждая запись, каждый, даже самый маленький буклет проливают свет на события, произошедшие в крае. Я из

тех специалистов, которые относят местную печать к краеведческой библиографии, потому что каждый факт создания книги – это факт краевой истории.

А ещё репертуары можно использовать как рекомендательную библиографию. Мне, например, в процессе составления указателя 2006 года приглянулось несколько изданий. В частности, «Теория и методология истории» Марии Петровны Лаптевой (светлая память!), книга «Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион» Любови Александровны Фадеевой, сборник стихов «Снежности» Анны Валерьевны Пепеляевой (мне нравится это чувство языка, отражённое в заглавии сборника, человека с такой языковой культурой я с удовольствием почитаю).

Читатель, читательская аудитория – это самое сложное в определении при составлении репертуаров. Это может быть и краевед, и литературовед, и историк, особенно надеюсь на будущих книговедов – специально для них введён указатель видов и типов изданий. Универсальность репертуаров определяет универсальность его читательского назначения.

Я считаю, что в библиотеках нет устаревших книг, есть книги с неочевидной актуальностью. Репертуары – как раз из таких изданий. Они нужны как современным читателям, так и читателям неопределённо отдалённого будущего. Существует два мнения: первое, что такие указатели уже отжили своё, что посмотрят их максимум раза три: при составлении, при библиотечной обработке и один раз кто-нибудь из краеведов. С этим трудно спорить. Эта позиция приземлённой простоты, которая, как известно, хуже воровства. Существует и другое мнение: репертуары – одно из самых важных дел, которые делаются в Пермской краевой библиотеке им. А. М. Горького, что это «наше всё». Мне представляется, что сильно поправить дело могла бы продуманная, изобретательная реклама репертуаров. Печальный факт заключается в том, что культура чтения библиографической информации уходит из читательских практик современного человека. У библиографии остаётся очень узкий круг читателей-специалистов.

Информационные системы, например, в виде библиографических баз данных в каком-то смысле заменяют библиографические указатели. Но только при условии, что пользователь знает, как проводить сложный поиск по нескольким параметрам одновременно: например, время, место, отрасль знания. Тогда система выдаст аналог указателя или его части.

Самое принципиальное отличие библиографических баз данных – это их нелинейность, это такое состояние библиографической информации, которая постоянно существует на оси потенциала (или возможности), которая в любой момент может выстроиться, то есть выразиться в той или иной последовательности. И таких «последовательностей» может быть несколько. В отличие от библиографических пособий, у баз данных нет «начала» и «конца», вот что я имею в виду, говоря о нелинейности библиографических баз данных. Это, к слову, и есть их главная слабость – они не поддаются анализу, кроме суммарного количества имеющихся записей. Для анализа необходимо выстроить информацию по какому-либо принципу, то есть создать библиографическое «высказывание», «нарратив».

Ещё у базы данных есть серьёзный минус при работе с ней неподготовленного пользователя. Если пользователь не знает, как вести поиск, с чего начать, не владеет информацией, например, о создателе документа, его машиночитаемой теме, названии документа, то он не сможет воспользоваться базой данных. Какой толк в оперативности, если пользователь не знает, какую информацию из своей головы он должен сопоставить с информацией из базы данных?! В этом плане у библиографических пособий есть своё неоспоримое преимущество – они уже «выстроены». С ними можно начать работать, не зная вообще ничего – ни темы, ни автора, ни заглавия, ни года, и наткнуться в процессе случайного поиска-чтения на что-то интересное.

Сравнивая библиографические базы данных и библиографические пособия, можно сказать, что в потенциале библиографической базы данных может содержаться несколько библиографических пособий. Но для того, чтобы получить их, требуются знания и подготовка, владение поисковыми возможностями информационной системы. А ещё при сравнении базы данных и пособия важным критерием становится их полнота. Например, если мы говорим только об изданиях, попавших в Пермскую краевую библиотеку им. А. М. Горького (один источник записей), то база данных (в данном случае – электронный каталог ПГКУБ им. А. М. Горького) окажется оперативнее и эффективнее библиографического пособия. Если же в пособии аккумулируется информация из нескольких баз данных, нескольких источников (как это делается сейчас), тогда у пособия появляются свои неоспоримые преимущества перед базой данных с одним источником.

Но есть у библиографических пособий и определённые минусы, слабости в плане поиска информации. Даже при разветвлённой системе вспомогательных указателей они позволяют проводить поиск только по одному аспекту каждый: географический указатель – только по географии изданий, указатель организаций – только по организациям... В то время как в базе данных можно объединять эти аспекты: ограничивать хронологию материала, место, тематику и т. д. Поиск в библиографической базе данных может быть более избирательным, многоаспектным. В дополнение нужно сказать, что некоторые информационные системы содержат ссылки на оцифрованные полные тексты произведений – так, в электронном каталоге РНБ – Российской национальной библиотеки мне часто попадаются оцифрованные авторефераты диссертаций, что очень помогает в их систематизации.

Информационные системы «грешат» в плане тематического поиска. Полноценный поиск, например, по ББК в них так и не реализован. Как в базах данных, так и в интернете возможен самый простейший поиск (как утверждает библиоковед, разработчик ББК Эдуард Рубенович Сукиасян) – поиск по ключевым словам. Понятно, что формализовать индексы универсальных классификаций можно, но они остаются «вещью в себе», непонятные, нерасшифрованные для неподготовленного пользователя. Какие-либо достижения в этой области за последние годы мне неизвестны, кроме ВК Linked Open Data на сайте РГБ – Российской государственной библиотеки (<https://lod.rsl.ru/> – при подготовке материала страница не открывалась). В этой системе можно было просматривать структуру ББК и к каждому индексу были привязаны записи из электронного каталога РГБ. Единственное, что используемый вариант ББК в этих открытых связанных данных безнадежно устарел. Пользователям, нацеленным на серьёзный поиск, будут полезны как базы данных, так и библиографические пособия. Обращаться нужно к любому подходящему ресурсу.

История репертуаров пермской книги начинается примерно с 70-х годов XX века (но это, увы, не точно). Нина Фёдоровна Аверина в течение нескольких десятилетий работала над созданием репертуара дореволюционной пермской книги. Это огромная, фундаментальная работа!⁹ После труда Н. Ф. Авериной на долгое время в создании репертуаров наступил перерыв. 90-е, нулевые... И только в 2014 году создание репертуаров возобновилось в Пермской краевой библиотеке им. А. М. Горького, в отделе

краеведения. Первый современный репертуар пермской книги за 2011 год составила Анна Александровна Уткина. Сильной стороной её указателя была проверка всех изданий *de visu* (по виденному, лат.). Слабой стороной оказалось полное отсутствие вёрстки издания в электронном виде. По крайней мере, единого документа не сохранилось – только части указателя по разным отраслям ББК. Видимо, этот репертуар печатался частями и только затем соединялся в единое печатное произведение. Для того, чтобы выложить этот репертуар на сайте Пермской электронной библиотеки, мне пришлось по новой его сводить в одном документе, в итоге – страницы электронного и печатного издания не совпадают.

Следующий репертуар пермской книги за 2012 год создавался двумя библиографами – Анной Александровной Уткиной и Екатериной Викторовной Шабалиной. Это была совместная работа отдела краеведения и отдела комплектования. Есть и курьёзы в этой совместной работе: если посмотреть в репертуаре пермской книги за 2012 год раздел «Медицинская сексология», то вместо литературы по этой теме читатель обнаружит издания по педиатрии¹⁰. Анекдотичный случай, который, однако, показывает, как опрометчиво недооценивать важность правильной систематизации записей.

После этого создание репертуаров было передано отделу комплектования. Следующие указатели составляла моя предшественница – Е. В. Шабалина. Она создавала репертуары очень оперативно: за 2015 – первую половину 2016-го она создала пять указателей – с 2008 по 2014 год. Минусом её работы стала печальная «традиция» не проверять издания *de visu*, и эту ситуацию мне не удалось переломить.

С ноября 2016 года составлением репертуаров пришлось заниматься мне. За период до 1 декабря 2017 года были составлены ещё семь указателей за 2001-2007 годы. Но все они были только библиографией поступлений в ПГКУБ им. А. М. Горького (как и предыдущие репертуары). Время работы над репертуарами за октябрь-декабрь 2017 года стало переломным моментом в новой истории их создания, когда стало понятно, что необходим иной подход к их составлению. Я перестал «клепать» их по старой технологии и занялся чтением литературы по теме и узнал о требованиях, о разнице между библиотечными библиографическими пособиями и библиотечными пособиями, отражающими местную печать. Как же важно всё-таки остановиться иногда и задуматься над тем, что и как ты делаешь! Жаль, что я не сделал этого

раньше! В итоге я выступил на внутренней конференции с докладом «Совершенствование технологии составления библиографических указателей «Репертуар пермской книги» (увы, материалы этой научно-практической конференции не были изданы, и доклад так до сих пор нигде не опубликован).

После этого составление репертуаров серьёзно замедлилось. Только в 2019 году был опубликован новый указатель за 2007 год. Это был полноценный указатель местной печати. В нём появился список источников. Количество записей увеличилось с 1188 до 1668. Стоит отметить, что 480 документов не попали в Пермскую краевую библиотеку им. А. М. Горького. В основном это были авторефераты диссертаций, защищаемых в Пермской государственной медицинской академии (ПГМА) и Пермской государственной фармацевтической академии (ПГФА). В отличие от предыдущих указателей, которые не превышали обычно 100 страниц, этот репертуар занимал 235 страниц.

В 2020 году я поучаствовал в краевом конкурсе «Молодые в библиотечном деле» и в номинации «Электронные и печатные издания» занял первое место с «Репертуаром пермской книги за 2007 год»¹¹.

Пандемия коронавируса замедлила создание нового репертуара. Сейчас заканчивается работа над «Репертуаром пермской книги за 2006 год». В нем будет около 350 страниц, указатель глав, именной, указатель персоналий, предметный указатель, географический, указатель видов и типов изданий, краеведческих изданий и новый – тематико-хронологический, который поможет искать документы, посвящённые тем или иным периодам истории – например, Серебряному веку, периоду Великой Отечественной войны и т. п. Было расширено и количество источников записей, теперь этот указатель претендует на относительную полноту библиографической информации о Пермском крае за указанный год. Как и полагается государственному библиографическому пособию, у записей будут индексы ББК по средним таблицам.

К слову, мне очень обидно за нашу национальную классификационную систему – ББК, которую Российская книжная палата (РКП) не применяет для систематизации записей в своих изданиях. РКП предпочитает УДК – универсальную десятичную классификацию. За державу обидно! Пользуясь случаем, хочу поблагодарить создателя сайта «Пермский книгоед» Андрея Павло-

вича Зиновьева за участие в поиске документов 2006 года издания. Сайт «Пермского книгоеда» будет в списке источников! Спасибо, коллеги! Надеюсь на плодотворное сотрудничество!

Из-за несовершенства системы доставки обязательного экземпляра было решено двигаться дальше – вглубь нашей новейшей истории. Следующий репертуар будет за 2005 год. Руководство ПГКУБ им. А. М. Горького требует от составителя минимум одного репертуара в год. Учитывая все нововведения и сложности работы, трудно будет соответствовать этому требованию. Боюсь, что может пострадать качество библиографии.

В отдалённом будущем, когда закончится «ретроввод» документов Пермского края за советский период в электронный каталог, надо будет думать о создании репертуара, посвящённого этому историческому этапу. Будет ли это сводный репертуар за все годы Советской власти или по десятилетиям – будет зависеть от количества материала.

В плане формы мы будем придерживаться выработанной технологии. Разные источники, предметные рубрики, индексы ББК, библиографические описания по актуальному ГОСТу. Была мысль сделать вспомогательный языковой указатель. Время покажет. Начавшийся процесс осмысления текущей работы и поиска нового не останавливается.

В будущем я планирую посвятить несколько статей репертуарам, чтобы знакомить научную общественность с этими указателями. Помимо вопросов составления мне необходимо думать и о популяризации репертуаров. Очень бы хотелось, чтобы студенты-библиотековеды ПГИКа – Пермского государственного института культуры в рамках книговедения писали бы, например, курсовые и дипломные работы по репертуарам, по пермскому книгоизданию за определённый промежуток времени. Есть такая надежда.

Ещё одной перспективой работы над репертуарами будет их отражение в разделе «Издательская деятельность» непосредственно на сайте Пермской краевой библиотеки им. А. М. Горького. Дело в том, что новая версия Пермской электронной библиотеки выдаёт репертуары только в профессиональном поиске, при поиске через обычную поисковую строку выдает только шум. Никогда бы не подумал, что с этим могут возникнуть проблемы. Теперь надо будет не только популяризировать сами репертуары, но и места их нахождения!

P.S. Пользуясь случаем, предлагаю Вашему вниманию доступные репертуары:

2014 – <https://e.gorkilib.ru/node/2291>
 2013 – <https://e.gorkilib.ru/node/2290>
 2012 – <https://e.gorkilib.ru/node/2295>
 2011 – <https://e.gorkilib.ru/node/2294>
 2010 – <https://e.gorkilib.ru/node/2293>
 2009 – <https://e.gorkilib.ru/node/2289>
 2008 – <https://e.gorkilib.ru/node/2288>
 2007 – <https://e.gorkilib.ru/node/2286>
 2006 – <https://e.gorkilib.ru/node/2292>
 2005 – <https://e.gorkilib.ru/node/715>

Для удобства их лучше скачать, особенно 2007 и 2006 годы – в них будут закладки, которые можно открыть в Adobe Acrobat Reader. В печатном виде указатели доступны в отделе краеведения.

¹ Блюм, А. В. Репертуар // Книга: Энциклопедия / Гл. ред.: В. М. Жарков. – М.: Большая российская энциклопедия, 1999. – С. 527-528.

² См., например: Основные издания, отпечатанные в Кировской областной типографии (1837-1971). – Киров: Обл. б-ка им. А. И. Герцена, 1972; Книги Пермского книжного издательства в 9-й и 10-й пятилетках: Стат. сб. – Пермь: Кн. изд-во, 1981 (название книги не вполне соответствует содержанию: так, статистические материалы занимают лишь треть часть книги, основной раздел – это список литературы (собственной и заказной), выпущенной издательством за 10-ю пятилетку).

³ Маслова А. Н. Нужна ли регистрация местной печати? // Мир библиографии. – 2000. – № 6. – С. 21.

⁴ Библиотечно-библиографическая классификация (ББК) // Википедия. Свободная энциклопедия: [сайт]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Библиотечно-библиографическая_классификация (дата обращения: 01.12.22). – Режим доступа: свободный.

⁵ Бриксман М. А., Бронштейн М. П. Составление библиографических пособий: Практическое руководство. – М.: Книга, 1964. – 300 с.

⁶ Аверина Н. Ф. Воссоздание местных репертуаров дореволюционной провинциальной книги. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 1993. – 82 с.

⁷ Каменских А. Н. Репертуар пермской книги как ресурс для изучения Пермского края: к постановке проблемы // Филология в XXI веке. – 2018. – Вып. 1 (1). – С. 294-298. Электронная копия доступна на сайте eLibrary. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36643522> (дата обращения: 04.02.21).

⁸ Шатохина Н. З. Краеведческие библиографические ресурсы областных библиотек // Библиография. – 2008. – № 2. – С. 33.

⁹ История пермской книги / [Перм. гос. обл. универ. б-ка им. А. М. Горького; Текст: Н. Ф. Аверина; Сост.: Г. А. Пантелеева; Авт. идеи: А. Ф. Старовойтов]. – Пермь: ПГОУБ; ЭЛЛИПС, 2001. – 1 CD-R. – Текст по изд.: История пермской книги; Репертуар пермской книги (1792 – 1917) / Н. Ф. Аверина.

¹⁰ Репертуар пермской книги за 2012 год / М-во культуры Перм. края, Перм. гос. краев. универ. б-ка им. А. М. Горького, Отд. комплектования, Отд. краеведения; Сост.: А. А. Уткина, Е. В. Шабалина. – Пермь: ПГКУБ им. А. М. Горького, 2016. – Указ.: с. 84-94.

¹¹ Каменских А. Н. Репертуар пермской книги за 2007 год как указатель местной печати: итоги и перспективы // Новые технологии в библиотечно-информационной практике и подготовке кадров: Тезисы выступлений XII краевой межведомственной науч.-практ. конф. (12 ноября 2020 г.) / М-во культуры Перм. края, Перм. гос. краев. универс. б-ка им. А. М. Горького; Сост.: Л. А. Горбунова. – Пермь, 2020. – С. 69-73. – Электронная копия доступна на сайте Пермской электронной библиотеки. URL: <https://e.gorkilib.ru/node/595699> (дата обращения: 21.04.22).

А. Н. Каменских

Местный обязательный экземпляр в Пермской краевой библиотеке им. А. М. Горького

Обязательные экземпляры документов субъекта Российской Федерации – это «экземпляры документов, изготовленных на территории субъекта Российской Федерации или за пределами его территории по заказу производителя документов, зарегистрированного на территории данного субъекта Российской Федерации» (ГОСТ Р 7.0.17-2014. СИБИБД. Система обязательного экземпляра документов)¹. Именно эта формулировка, касающаяся печати за пределами Пермского края, должна быть добавлена в краевой закон об обязательном экземпляре, именно этой формулировки в нём особенно остро не хватает. Получение Пермской государственной краевой универсальной библиотекой им. А. М. Горького (далее – ПГКУБ им. А. М. Горького) местного обязательного экземпляра в настоящее время регламентировано законом Пермского края от 06.10.2009 N 510-ПК «Об обязательном экземпляре документов Пермского края»².

Не лишним считаем напомнить, какие документы входят в состав обязательного экземпляра документов:

1. Печатные издания (текстовые, нотные, картографические, изоиздания) – это издания, прошедшие редакционно-издательскую обработку, полиграфически самостоятельно оформленные, имеющие выходные сведения. [Давайте расставим все точки над «i»: буклеты и брошюры, которые часто издаются библиотеки, – это тоже печатные издания, которые подлежат передаче как обязательный экземпляр. Также комплекты открыток или наборы настольных игр, которые нередко производят наши издающие организации, подлежат передаче в ПГКУБ им. А. М. Горького в объёме трёх (а не одного!) экземпляра. Искреннее удивле-

ние демонстрируют некоммерческие общественные организации. Получают дотации из бюджета, печатают материалы, а о необходимости предоставлять обязательные экземпляры в ПГКУБ им. А. М. Горького не знают, спрашивают друг у друга, а потом заявляют, что впервые слышат, и, разумеется, как это часто случалось и до сих пор случается, никто ничего в библиотеку не передавал и до сих пор не передаёт. Типичная ситуация...].

2. Издания для слепых и слабовидящих – издания, изготовленные рельефно-точечным шрифтом по системе Брайля, рельефно-графические издания, «говорящие книги», крупношрифтовые издания для слабовидящих, электронные издания для слепых (адаптированные издания для чтения людьми с нарушенным зрением при помощи брайлевского дисплея и синтезатора речи).

3. Официальные документы – документы, принятые органами государственной власти Пермского края, носящие обязательный, рекомендательный или информационный характер. [Важно заметить еще один недочёт в краевом законе – не учтены органы муниципальной власти! У меня был разговор с представителем кунгурского муниципалитета, который мне с юридических позиций пояснял, что раз в законе официальные документы указаны только государственных органов власти, то и предоставлять им – муниципальным властям – свои официальные документы не надо. К счастью, официальные документы муниципалитетов выходят как периодические издания, за которыми строго следит Роскомнадзор (в отличие от непериодических изданий), и все они в ПГКУБ им. А. М. Горького поступают].

4. Аудиовизуальная продукция – кино-, видео-, фоно-, фотопродукция и её комбинации, созданные и воспроизведённые на любых видах носителей. [Самый провальный пункт в системе обязательного экземпляра. Это те документы, которые реже всего доставляют в библиотеку. Осложняет ситуацию и тот факт, что мы не располагаем информацией о производителях аудиовизуальной продукции. В основном к нам приходят только диски этнофестиваля KamWa. Таким образом выявление и комплектование аудиовизуальной продукции Пермского края – это одно из проблемных направлений в комплектовании обязательного экземпляра документов].

5. Электронные издания – программы для электронных вычислительных машин и базы данных, а также электронные документы, прошедшие редакционно-издательскую обработку,

имеющие выходные сведения, тиражируемые и распространяемые на машиночитаемых носителях. [Практика работы показывает, что не все производители документов – даже среди тех, кто исполняют закон, – знают о том, что издания на CD и DVD подлежат передаче в библиотеку. Например: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГГПУ) предоставляет книги. В последние годы в целях экономии средств они стали издавать некоторые свои учебные пособия и монографии на электронных носителях. Предоставляя их как федеральный обязательный экземпляр, они совершенно не потрудились выяснить, подлежат ли диски краевому обязательному экземпляру. Мы вынуждены были напомнить].

6. Неопубликованные документы – документы, содержащие результаты научно-исследовательской, опытно-конструкторской и технологической работы (диссертации, отчёты о научно-исследовательских, об опытно-конструкторских и технологических работах, депонированные научные работы, алгоритмы и программы). [Диссертационные советы основных вузов обычно в обязательном порядке передают один экземпляр авторефератов, за исключением медицинского университета и фармацевтической академии, которые не присылают авторефераты даже после обещания наладить поставку обязательного экземпляра, которое озвучивают заместители ректоров по научной работе. Ещё хуже обстоят дела с отчётами о научно-исследовательской работе, которые изначально печатают в нескольких экземплярах. Так, заканчивая в прошлом году репертуар пермской книги за 2007 год, мы получили отчёт «Анализ потребности инвалидов трудоспособного возраста в мерах комплексной реабилитации на региональном уровне», выполненный совместно Центром комплексной реабилитации инвалидов, Пермским государственным университетом (ПГУ, ныне – Пермский государственный национальный исследовательский университет, ПГНИУ), и Пермской государственной медицинской академией (ПГМА). Настолько несовершенна у нас система доставки обязательного экземпляра!].

7. Патентные документы. [Совершенно излишний пункт в законе, любые патентные документы публикуются в Москве, никто не публикует эти документы на региональном уровне! Включение этого пункта в наш региональный закон об обязательном экземпляре просто глупость – бездумное калькирование положений федерального закона].

8. Программы для электронных вычислительных машин и базы данных на материальном носителе.

9. Стандарты. [Та же ситуация, что и с пунктом 7. Патентные документы].

10. Комбинированные документы – совокупность документов, выполненных на различных носителях (печатных, аудиовизуальных, электронных). [Например: комбинированным документом может быть книга с приложением в виде диска с текстом этой книги или другой информацией, дополняющей книгу].

Работа по комплектованию местных изданий на безвозмездной основе в библиотеке ведётся с момента появления системы бесплатного обязательного экземпляра. Этим направлением в отделе комплектования занимались:

Галина Дмитриевна Кудрина (середина 1980-х – конец 1990-х гг.), которая активно лично посещала типографии;

Светлана Витальевна Поповцева (2000-е – 2013 гг.), которая очень тесно сотрудничала в своей работе с Российской книжной палатой;

Екатерина Викторовна Шабалина (2013 – 2016 гг.), которая впервые поставила в профессиональной печати проблемы, связанные с местным обязательным экземпляром, а также продолжила составление репертуаров пермской книги, начатое отделом краеведения.

Также нельзя не сказать, что заведующая отделом комплектования Нина Фёдоровна Филиппова участвовала в разработке закона «Об обязательном экземпляре Пермского края», неоднократно поднимала в профессиональном сообществе проблемы регионального книгоиздания, которые касаются и обязательного экземпляра.

На всём протяжении истории функционирования системы пермского обязательного экземпляра существовали те или иные проблемы. Проще всего было, наверное, в советское время, когда за книгоизданием и выполнением закона следили более тщательно. Сейчас за периодическими изданиями строго следит Роскомнадзор, но при этом сотрудники этого федерального органа исполнительной власти категорически не хотят заниматься книгами и другими непериодическими изданиями. И совершенно зря, ведь ПГКУБ им. А. М. Горького оставлена один на один с издателями, которые не желают выполнять закон об обязательном экземпляре. Никто не начислит штрафа за неисполнение закона, неполное исполнение, задержки в доставке документов! Даже сотрудники прокуратуры не реагируют, когда узнают,

что издательство, в котором они печатают свои книги, не выполняет закон. Это попустительство властей развязывает руки недобросовестным издателям. Добросовестных очень мало, и остаётся всё меньше со временем...

Такова краткая история вопроса.

Функционирование системы обязательного экземпляра документов обеспечивается технологией работы краевой библиотеки по выявлению изданных на территории края документов и организации их доставки.

Работа по выявлению изданных документов ведётся отделом комплектования в сотрудничестве с отделом краеведения. Отдел комплектования ведёт постоянный мониторинг периодических изданий, социальных сетей, сайтов книготорговых и издающих организаций. Проводится обращение к сайтам Российской национальной библиотеки (РНБ) и Российской государственной библиотеки (РГБ), внимательно изучаются годовые анализы деятельности библиотек края в разделах, посвящённых издательской деятельности. Полученная информация об изданиях сопоставляется с информацией о полученных изданиях в электронном каталоге библиотеки.

В последнее время всё большую значимость по выявлению изданий приобретают социальные сети. Например, издательство Hyle Press³, которое выпускает переводы книг современных философов, представлено только в социальной сети «ВКонтакте», в которой публикует информацию о готовящихся изданиях и вышедших книгах. [Вот, кстати, об издательстве Hyle Press. Руководство этого издательства изобрело новый способ уклонения от исполнения закона. На словах они готовы его предоставлять. Обещают принести «на следующей неделе», проходит месяц, вы связываетесь с ними вновь, напоминаете, что вот уже полгода они не были. Вам отвечают, что вот на следующей неделе как раз придёт новая книга и вместе с ней они к вам сразу же придут... И так уже второй год длится эта история].

Обнаруженные пробелы в комплектовании обязательного экземпляра становятся основанием для следующего этапа нашей работы – работы с издающими организациями.

Для осуществления эффективной работы с издающими организациями в отделе комплектования ведутся картотеки в бумажном и электронном виде, содержащие актуальную контактную информацию об издателях: телефоны, адреса, по возможности адреса электронной почты. Как правило, для ликвидации

пробелов в комплектовании обязательного экземпляра достаточно бывает звонка в издающую организацию. В отдельных случаях приходится направлять официальное письмо с просьбой выполнить закон и предоставить указанное издание в библиотеку. Собирается информация о злостных нарушителях закона.

Ещё одним направлением работы отдела комплектования, которое помогает оценить ситуацию с предоставлением обязательного экземпляра в библиотеку, является составление репертуара пермской книги.

Опубликованные ранее репертуары ограничивались только фондом библиотеки им. А. М. Горького. На сегодняшний день репертуар пермской книги – это универсальный библиографический указатель местной печати. Первый такой указатель, который с полным правом может считаться дополнением государственной библиографии, доступный на сайте Пермской электронной библиотеки, – это репертуар пермской книги за 2007 год.

По результатам совершенствования технологии составления данных указателей нами была написана статья «Репертуар пермской книги как ресурс для изучения Пермского края: к постановке проблемы»⁴. В этой статье мы предлагали взглянуть на этот указатель местной печати не просто как на энциклопедию пермского книгоиздания, но как на энциклопедию края.

Также следует отметить, что репертуар пермской книги – это ретроспективное библиографическое пособие. Составление библиографических пособий текущего учёта признано нецелесообразным, т. к. изданные документы приходят в библиотеку в течение многих лет, иногда десятилетий. [Пример из практики работы (речь идёт о феврале 2020 года): принесли к нам стопку брошюр от Главного управления федеральной службы судебных приставов, изданных в 2007, 2005, 2004 годах!]

Примечательно данные об изданных в 2007 году документах, выявленных нами в процессе составления репертуара пермской книги за соответствующий год. В фонде ПГКУБ им. А. М. Горького хранится 1188 документов, в то время как новый репертуар выявил 1669 документов, благодаря обращению к другим источникам (электронный каталог РНБ, ежегодник «Книги Российской Федерации» и др.)⁵. Таким образом, библиотека не получила 481 название. В основном, к слову, это были авторефераты диссертаций, защищаемых в медицинском университете и фармацевтической академии.

Следует отметить, что эти данные применимы и к настоящему времени. По нашим предварительным оценкам, библиотека им. А. М. Горького по тем или иным причинам недополучает около трети объёма документов, издаваемых на территории Перми и Пермского края.

Необходимо выразить глубокую признательность отделу краеведения за посильный вклад в дело комплектования обязательного экземпляра. Помощь отдела краеведения сложно переоценить. Дело в том, что в полномочия отдела комплектования не входит участие в различных мероприятиях, на которых проходят презентации новых книг. К тому же благодаря связям с другими краеведами новых городов и края отдел краеведения оказывается в курсе готовящихся к изданию или изданных документов, информация о которых не была представлена в печати. Совместные усилия отдела комплектования и отдела краеведения способны отчасти скрасить в общем трагическую ситуацию с комплектованием пермского обязательного экземпляра.

Трудности комплектования обязательного экземпляра документов описала Е. В. Шабалина в статье «Обязательный экземпляр документов в Пермском крае: к постановке проблемы», опубликованной в сборнике «Новые технологии в библиотечно-информационной практике и подготовке кадров» (Пермь, 2016)⁶. Хотя Любовь Алексеевна Манн, главный библиотекарь отдела комплектования Пермской государственной краевой универсальной библиотеки имени А. М. Горького, заслуженный работник культуры Российской Федерации, со мной здесь не согласна, замечая, что вопросы местного обязательного экземпляра обсуждались в профессиональном сообществе не раз. Это так. Но единственная публикация по теме пермского обязательного экземпляра принадлежит именно Екатерине Викторовне Шабалиной – молодой девушке, которая и пяти лет не отработала в комплектовании.

Позволим себе напомнить те формулировки, которые приведены в статье Е. В. Шабалиной, с краткими дополнениями. Итак, основные проблемы комплектования пермского обязательного экземпляра:

1. Невозможность отследить информацию об изданиях, входящих на территории Российской Федерации, в некоторых случаях даже на территории Пермского края.

2. Авторы (и издатели) не всегда знают о необходимости предоставления обязательного экземпляра, а если и знают, то не

всегда согласны предоставлять бесплатный экземпляр в библиотеку.

3. В качестве региональных проблем называется то, что авторы публикуют свои работы в других регионах. В таком случае обязательный экземпляр просто не доходит до библиотеки.

4. Среди неразрешимых проблем также называют отсутствие наказания за необеспечение доставки обязательного экземпляра (или неисполнение действующего законодательства).

5. Со стороны издателей выявляется такое нарушение, как сокращение тиражей печатаемых изданий (например, издательский дом «Лысьва»).

Добавим ещё одну проблему: путаница среди ответственных за предоставление обязательного экземпляра. Эта путаница проявляется в том, что документы иногда предоставляют и типография, и издательство. Правда, это касается только периодических изданий, за которыми бдительно смотрит Роскомнадзор. Тем не менее следует отметить, что наличие административного контроля значительно оздоравливает ситуацию с предоставлением обязательного экземпляра.

В целом ситуация с пермским обязательным экземпляром действительно трагична. Объёмы краевого книгоиздания падают уже несколько лет подряд, что не может не отражаться на объёмах поступления документов в фонд Пермской краевой библиотеки им. А. М. Горького. Так, в 2015 году в ПГКУБ им. А. М. Горького поступил 1961 экземпляр (1151 название), в 2018 году поступил 1881 экземпляр (1017 названий), а в 2019 году уже только 1470 экземпляров (736 названий). Конечно, документы за 2019 год ещё полгода-год будут массово поступать в библиотеку. Добавим к этому объективные причины снижения пермского книгоиздания, связанные с экономическими проблемами.

Перечисленные проблемы и описанная ситуация требуют обозначить необходимые действия дальнейшей работы в области комплектования пермского обязательного экземпляра документов.

Во-первых, вопрос комплектования обязательного экземпляра требует дальнейшего научного изучения с целью поиска путей решения обозначенных проблем. Следует подробнее изучить источники поступления обязательного экземпляра – в какой сфере происходит снижение публикационной активности: вузовское книгоиздание или коммерческое книгоиздание. Необходимо разработать конкретные предложения руководству

и учредителям библиотеки в сфере улучшения ситуации с предоставлением обязательного экземпляра.

Во-вторых, следует расширить и укрепить контакты отдела комплектования с библиотеками края в вопросах обмена информацией об издательской деятельности. Восстановить, по возможности, утраченные контакты с Российской книжной палатой.

В-третьих, необходимо добиваться создания единого центра сбора и обработки информации о выходящих на территории края документах, а также документах, изданных за пределами края по заказу организаций с территории Пермского края. На наш взгляд, таким центром могла бы стать Пермская краевая библиотека им. А. М. Горького в случае организации в ней полноценной Пермской региональной книжной палаты.

В-четвёртых, всё более очевидным становится необходимость дополнения закона «Об обязательном экземпляре документов» и создания необходимых подзаконных актов, определяющих, в частности, порядок привлечения к ответственности лиц и организаций, не соблюдающих закон. Однако ужесточение административной работы в обязательном порядке должно совмещаться со смягчением требований. Поддержать пермских книгоиздателей можно, например, в вопросе количества предоставляемых экземпляров (на наш взгляд, двух вполне достаточно) или – что было бы более ощутимо – путём предоставления налоговых льгот тем издателям, которые выполняют пермский обязательный экземпляр. Так, ПГКУБ им. А. М. Горького могла бы подготавливать такой список добросовестных издателей и те в конце года получали бы льготы или налоговые вычеты. В общем, необходима некая система преференций для поддержки системы местного обязательного экземпляра. И в то же время необходимо предельно жёстко наказывать тех издателей, которые не выполняют обязательный экземпляр. Только сочетание послаблений для одних и наказаний для других может в конечном итоге оздоровить пермскую систему обязательного экземпляра документов.

Таким образом, добиться эффективной работы системы обязательного экземпляра документов нам ещё предстоит. В этом заинтересованы все стороны процесса: библиотекари, издатели, читатели. Решение обозначенных проблем возможно при условии полноценного диалога между всеми сторонами. При этом необходимо отметить недостаточность административной организации в сфере местного обязательного экземпляра. Полнота комплектования обязательного экземпляра – это полнота источ-

ников, на основе которых можно изучать экономическую, культурную, политическую, научную жизнь региона. Это вопрос сохранения и представления на всероссийском уровне нашего культурного наследия. Поэтому комплектование пермского обязательного экземпляра должно стать одним из приоритетных направлений работы Пермской государственной ордена «Знак Почёта» краевой универсальной библиотеки им. А. М. Горького.

¹ ГОСТ Р 7.0.17 – 2014. СИБИБД. Система обязательного экземпляра документов: производители, получатели, основные виды документов: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: Утверждён и введён в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 января 2014 г. № 13-ст: введён впервые: дата введения 2014–07–01 / Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. – М.: Стандартинформ, 2014. – II, 5, [1] с. –

² Об обязательном экземпляре документов Пермского края: закон Пермского края от 06.10.2009 № 510-ПК: принят Законодательным Собранием Пермского края 24 сентября 2009 года // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155015800&backlink=1&&nd=155023194> (дата обращения: 04.05.22). – Текст: электронный.

³ HylePress: [пермское издательство] // HylePress: [группа в социальной сети «ВКонтакте»]. – URL: <https://vk.com/hylepress> (дата обращения: 04.05.22). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

⁴ Каменских А. Н. Репертуар пермской книги как ресурс для изучения Пермского края: к постановке проблемы // Филология в XXI веке. – 2018. – Вып. 1 (1). – С. 294–298. – Электронная копия доступна на сайте eLibrary. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36643522> (дата обращения: 04.05.22). – Режим доступа: для авториз. пользователей.

⁵ Репертуар пермской книги за 2007 год: [библиографический указатель] / Министерство культуры Пермского края, Гос. краев. бюджет. учреждение культуры «Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького»; Сост.: А. Н. Каменских // Пермская электронная библиотека: [сайт]. – URL: <https://e.gorkilib.ru/node/279573> (дата обращения: 04.05.22). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

⁶ Шабалина Е. В. Обязательный экземпляр документов в Пермском крае: к постановке проблемы // Новые технологии в библиотечно-информационной практике и подготовке кадров // Библиотека Горького: центр знаний: [официальный сайт]. – URL: https://www.gorkilib.ru/activity/publishing_activities/scientifics_public/novye-tehnologii-v-bibliotechno-informatsionnoy-praktike-i-podgotovke-kadrov-2016-g/ (дата обращения: 04.05.22). – С. 81–85. – Текст: электронный.

Рецензии и отзывы

В. С. Колбас

Роман Александра Дюма «Учитель фехтования»

«Я переживал ещё пору иллюзий и владел капиталом четыре тысячи франков, который казался мне неисчерпаемым богатством, когда услышал о России, как о настоящем Эльдорадо для всякого рода более или менее искусных артистов. Я верил в свой талант и потому решил отправиться в Санкт-Петербург.

И я немедленно привёл в исполнение это решение»¹.

Бьюсь об заклад, что большая часть читателей не сможет ответить на два простых вопроса: как называется роман, отрывок из которого я процитировал, и кто его автор? Отвечаю: роман называется «Записки учителя фехтования», автор его – Александр Дюма-отец, историко-приключенческими произведениями которого «Три мушкетёра», «Граф Монте-Кристо» и многими другими зачитывалось не одно поколение поклонников творчества французского писателя. Его романы переводились на многие языки народов СССР: армянский, грузинский, латышский, молдавский, украинский, узбекский и другие.

Роман «Mémoires d'un maître d'armes, ou dix huit mois à Saint-Pétersbourg», буквальное название которого переводится как «Записки учителя фехтования, или Восемнадцать месяцев в Санкт-Петербурге», впервые был напечатан в 1840 году одновременно во Франции и Бельгии; затем выдержал ряд изданий на языке оригинала. Перевод и публикация в России этого произведения были запрещены. «В сравнении с другими романами прославленного французского беллетриста Александра Дюма-отца (1802-1870), – отмечал литературовед С. А. Орлов, – роман «Записки учителя фехтования» («Memoires d'un maitre d'armes») у нас менее известен. Это следует объяснить прежде всего тем, что книга, затрагивающая тему восстания декабристов, по цензурным соображениям не могла появиться в условиях самодержавия. Впервые роман был переведён на русский язык в 1925 году – к столетию со дня восстания декабристов. Однако книга была издана крайне небольшим тиражом (4 100 экземпляров) и в наши дни является библиографической редкостью»².

В 1957 году Горьковское книжное издательство переиздало роман Александра Дюма «Учитель фехтования: Роман из времён декабристов» в переводе Б. И. Гордона по тексту издательства «Время» 1925 года. В приложении к горьковскому изданию опубликован отрывок «От Парижа до Астрахани» в переводе Ф. Я. Бовшеверовой из книги Александра Дюма о поездке по России, касающийся трёхдневного пребывания Дюма в Нижнем Новгороде в конце сентября 1858 года и его встречи с людьми, чья жизнь послужила писателю отправным моментом при создании романа «Записки учителя фехтования». Предисловие написал и примечания подготовил к изданию 1957 года литературовед Серафим Андреевич Орлов (1910-1980). Оформила книгу художник Вера Ивановна Аверина (1907-1972). Тираж её составил 75 000 экземпляров.

Потом были другие многочисленные переиздания: например, в 1981 году издательство «Правда» выпустило «Учитель фехтования» в переводе с французского под редакцией Ольги Владимировны Мойсеенко (1905-1995) вместе с романом «Чёрный тюльпан» и новеллами тиражом – сегодня в это трудно поверить – 2 000 000 экземпляров (!), а издательство «Азбука-Аттикус/Азбука» выпустило в свет «Учитель фехтования» в 2013 году совсем скромным тиражом 5 000 экземпляров. Позже последовало несколько изданий многотомных собраний сочинений французского писателя. Так, в 2004 году издательство «Арт-Бизнес-Центр» тиражом 2100 экземпляров в 60-м томе собрания сочинений Александра Дюма выпустило вместе с повестью «Яков Безухий» новый полный перевод романа «Записки учителя фехтования», выполненный Михаилом Григорьевичем Яковенко и Владимиром Викторовичем Львовым, так как перевод Б. И. Гордона³ являлся, в сущности, пересказом – с искажениями и огромными купюрами и сокращенным почти что наполовину. Таков был долгий и тернистый путь романа Александра Дюма-отца «Учитель фехтования» к советскому и российскому читателю.

Роман Александра Дюма «Учитель фехтования» – одно из первых на Западе художественных произведений, запечатлевшее на своих страницах вооружённое восстание против царского самодержавия⁴. Да, роман, как и путевые очерки французского писателя о России, наивен, в нём много ошибок, несообразностей и нелепостей, что позволило Михаилу Евграфовичу Салтыкову-Щедрину (1826-1889) высмеять и ввести в очерке «Мнения знатных иностранцев о помпадурах» в число персонажей француза – князя де ля Клюква (le prince de la Klioukwa)⁵. В комментариях

к очерку отмечается: «Салтыков издевается над фантастическими мниморусскими именами и фамилиями, которыми щеголяли в своих рассказах о путешествиях по России «знатные иностранцы», например, писатель Александр Дюма (отец, 1802-1870)». И приводятся примеры: «...одну из русских женщин Дюма называет «именем» Телятина (Teljatine), а другую Телуга (Telegue)»⁶.

Но вернёмся к роману Александра Дюма-отца «Учитель фехтования». Нет смысла пересказывать содержание романа – его надо читать. Обращу внимание на один момент, на который указывает литературовед и переводчик Михаил Соломонович Трескунов (1909-2005): «Композицию этого романа Дюма формирует, сообразуясь с теми моментами из жизни героев, которые были зафиксированы Гризье. Богатая фантазия писателя придала хроникальному материалу форму художественного произведения, в котором историзм соседствовал с изрядной долей вымысла»⁷.

Итак, каков же сюжет романа? Он начинается с эпизода, где Огюстен-Франсуа Гризье (1791-1865)⁸ передаёт Александру Дюма свои записи, сделанные во время поездки в Россию. В них рассказывается, как Гризье, обосновавшись в Санкт-Петербурге, стал по рекомендации великого князя Константина Павловича (1779-1831) преподавателем фехтования в Главном инженерном училище. В числе его учеников были будущие декабристы. Один из них – Иван Александрович Анненков (1802-1878)⁹ (в романе он выведен под именем Алексей Ванинков), жених Луизы Дюпон, реальным прототипом которой явилась Жанетта-Полина Гёбль (в замужестве – Прасковья Егоровна Анненкова; 1800-1876)¹⁰. Вскоре поднимается бунт, который решительно и жёстко подавляется Николаем I (1796-1855). Многие декабристы, кроме пяти повешенных, ссылаются в Сибирь, среди них и граф¹¹ И. А. Анненков. Отчаявшаяся Луиза решает поехать за своим суженым и делить с ним тяготы каторги. Гризье соглашается ей помочь.

Понятно, что такой «крамольный» роман не мог не вызвать ненависти у российского самодержца и его окружения. После смерти Николая I Александр Дюма-отец, уже всемирно известный писатель, стал стремиться осуществить своё давнишнее желание – посетить Российскую империю. В примечаниях к роману «Учитель фехтования» С. А. Орлов пишет: «Самодержавное правительство России, разрешив Дюма эту поездку, установило за ним тайный полицейский надзор. В Москву, в Нижний Новгород

и Одессу – всюду, куда мог заехать Дюма, были посланы секретные предписания шефа жандармов и начальника III отделения князя В. А. Долгорукова»¹².

Поездка Александра Дюма с июня 1858 по март 1859 года по внутренним губерниям России взволновала не только петербургских жандармов: переполох докатился до силовых структур и Урала. Следы этих документов нашёл в Горьковском областном архиве (в настоящее время – Центральный архив Нижегородской области) С. А. Орлов. Так, например, в «Журнале регистрации входящих и исходящих бумаг по наблюдательной части» за 1858 год (ф.101, д. 5, л. 50), сообщает исследователь, 26 сентября под № 363 рукой полицейского зарегистрированы «Отношение пермскому жандармскому штаб-офицеру о том же», то есть о прибытии Александра Дюма-отца, и под № 364 «Записка г[осподину] начальнику округа корпуса жандармов об отправлении французским писателем Дюма конверта на Париж»¹³. Информация об этих документах заставляет задуматься: а не собирался ли Александр Дюма побывать в Сибири? Ответа на этот вопрос нет. Для нас положительный ответ представлял бы особый интерес: может быть, в биографии Александра Дюма-отца появился бы пермский след? Известно, что сосланные на каторгу сто двадцать декабристов и одиннадцать их жён и невест, которые направились вслед за своими любимыми, проследовали через Пермскую губернию в далёкую Сибирь. Ещё многие хотели разделить участь своих мужей, но Николай I никому больше не разрешил ехать.

Литературовед и богослов Сергей Николаевич Дурьлин (1886-1954) весьма объективно и содержательно охарактеризовал значение книги французского писателя: «Роман Дюма был повествованием о д е к а б р и с т е (разрядка С. Н. Дурьлина. – **В.К.**), основанном не на вымысле, а на исторической правде, и повествованию этому, вышедшему из-под пера популярнейшего писателя современности, был обеспечен успех и внимание широкого европейского читателя. Для Николая I это не могло не быть весьма неприятным сюрпризом. Роман Дюма привлекал внимание – и сочувственное внимание – широкой европейской аудитории к людям, самое имя которых для Николая I было ненавистно. Присуждая декабристов к каторжному молчанию сибирских пустынь, Николай хотел казнить их жестокой казнью полного забвения. Дюма своим романом отменил этот приговор для одного из декабристов и тем самым привлекал внимание к судьбе всех

остальных. Эти остальные героическими тенями проходят в романе»¹⁴.

Сделав поправку на время, можно, я думаю, согласиться и с выводом С. А. Орлова 1957 года: «Как одна из немногих на Западе попыток отобразить в прозе восстание декабристов – роман Дюма имеет, на наш взгляд, право на внимание читателей»¹⁵.

Александр Иванович Куприн (1870-1938) был убеждён в том, что «образы, вызванные и возвеличенные им (Дюма. – В. К.), живут сотни лет и передаются миллионам читателей. Их можно назвать вечными спутниками человечества»¹⁶. И время показало, что А. И. Куприн был прав.

¹ Дюма А. Учитель фехтования: Роман из времён декабристов / Пер. с франц.: Б. И. Гордон. Вступ. ст. и прим.: С. Орлов. – Горький: Кн. изд-во, 1957. – С. 15.

² Орлов С. А. Роман А. Дюма «Записки учителя фехтования» (Вступительная статья) // Дюма А. Учитель фехтования: Роман из времён декабристов / Пер. с франц.: Б. И. Гордон. Вступ. ст. и прим.: С. Орлов. – Горький: Кн. изд-во, 1957. – С. 5. Исправлена ошибка: А. Дюма-отец родился в 1802, а не в 1803 году, как указано у С. А. Орлова.

³ В книге издательства «Время» 1925 года инициалы Гордона иные: Г. И.

⁴ О восстании декабристов имеется большая исследовательская литература. См., например: Гордин Я. А. Мятёж реформаторов: 14 декабря 1825 года / Изд. 2-е, перераб. и доп. – Л.: Лениздат, 1989. – (Истор. б-ка «Хроника трёх столетий: Петербург – Петроград – Ленинград»); Декабристы: Биографический справочник. – М.: Наука, 1988 и др.

⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Помпадур и помпадурши // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений / В 10 т. – М.: Правда, 1988. – Т. 2. – С. 272 и далее по тексту.

⁶ Там же. – С. 512-513.

⁷ Трескунов М. С. Александр Дюма // Дюма А. Учитель фехтования. Чёрный тюльпан. Новеллы. – М.: Правда, 1981. – С. 13.

⁸ Трескунов М. С. Примечания // Дюма А. Учитель фехтования. Чёрный тюльпан. Новеллы. – М.: Правда, 1981. – С. 588.

⁹ См.: Декабристы: Биографический справочник. – М.: Наука, 1988. – С. 8-9.

¹⁰ Там же. – С. 9. См. также: Воспоминания Полины Анненковой. – М.: Изд-во политехоторжан, 1929, 1932; Красноярск: Кн. изд-во, 1977; М.: Захаров, 2003 и др.; Гессен А. И. Во глубине сибирских руд...: Декабристы на каторге и в ссылке. – М.: Детгиз, 1969. – С. 7-9, 163 и далее по тексту.

¹¹ Александр Дюма ошибочно приписал И. А. Анненкову, поручику лейб-гвардии Кавалергардского полка, графский титул. См.: Трескунов М. С. Примечания // Дюма А. Учитель фехтования. Чёрный тюльпан. Новеллы. – М.: Правда, 1981. – С. 590-591.

¹² Орлов С. А. Примечания // Дюма А. Учитель фехтования: Роман из времён декабристов / Пер. с франц.: Б. И. Гордон. Вступ. ст. и прим.: С. Орлов. – Горький: Кн. изд-во, 1957. – С. 203.

¹³ Там же. – С. 204.

¹⁴ Дурьлин С. Н. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. – М.: Журналино-газетное объединение, 1937. – Т. 31-32. – С. 513.

¹⁵ Орлов С. А. Роман А. Дюма «Записки учителя фехтования». (Вступительная статья) // Дюма А. Учитель фехтования: Роман из времён декабристов / Пер. с франц.: Б. И. Гордон. Вступ. ст. и прим.: С. Орлов. – Горький: Кн. изд-во, 1957. – С. 14.

¹⁶ Куприн А. И. Четвёртый мушкетёр // Куприн А. И. Собрание сочинений / В 9-ти т. – М.: Худ. лит., 1973. – Т. 9. – С. 197. Справедливости ради отметим: статья «Четвёртый мушкетёр» посвящена открытию 12 июля 1931 года в городе Ош – главном городе исторической области Гасконь во Франции памятника д'Артаньяну, которого местные жители почитают за земляка. Автор памятника – скульптор Мишле.

Опубликовано (в сокращении):

Городок (Соликамск). – 2022. – 19 октября. – № 41. – С. 8.

В. С. Колбас

Заметки крохобора

Куда пропала запятая?

Книжку мне подарили. Мемуарную. Прочёл её на одном дыхании. Издана она в Москве издательством «Аграф» в 2020 году. И тираж у книги, по современным меркам, приличный: 1000 экземпляров. Автор – Алексей Васильевич Парин, сын основателя космической физиологии и медицины, академика Василия Васильевича Парина (1903-1971). Отчество автора книги, правда, нигде не указано (ни на обложке, ни на титуле, ни в регистрационных данных), его пришлось устанавливать по тексту книги, хотя цветной фотопортрет автора имеется на четвертой странице обложки (переплёт твёрдый), но ни одна фотография на страницах книги не подписана. Вот и гадай, кто есть кто. Или постоянно заглядывай на страницы 202-206, где приведён список фотографий (кстати, весьма информативный). Удобно ли это читателю? Думаю, вопрос риторический.

В книге собраны четыре произведения разных лет: «Дом семь квартиры девять», «Мои родители», «Заграница, иной мир, мир иной» и «Новая родина». Заголовок повести – «Дом семь квартиры девять» – и стал названием книги. Вот этот заголовок у меня и вызвал оторопь. Действительно, куда пропала запятая,

которая по всем правилам русского языка должна стоять в предложении «Дом семь, квартира девять»? Нет запятой ни на первой, ни на второй обложках книги, ни на титуле, ни на его обороте, ни в аннотации, ни в содержании, не увидел я запятой и на страницах 13, 71 (может, где и пропустил). А вот на странице 103 запятая стоит в положенном ей месте. Не могу данному парадоксу дать никакого вразумительного объяснения. Допускаю, что у автора в рукописи была пропущена запятая. Но надо ли было тиражировать ошибку? Тем более в такой интересной книге, которую я советую прочитать всем любителям мемуарной прозы и пермским краеведам.

Главное? Ха-ха!

Можно ли одним словом оконфузить хорошую книгу? Можно. И бывший архив Пермского обкома КПСС, а ныне – Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ) с завидной регулярностью это демонстрирует. Об этом, в частности, я писал в миниатюре «Диагноз: удвоение». (См.: «Вот так и надо! Вот так и надо любить Урал!»: Сборник, посвящённый памяти историка-архивиста Леона Сергеевича Кашихина (1932-1997), – Пермь, 2021. – С. 179-184).

К 75-летию Великой Победы ПермГАСПИ издал очередной увесистый том (сразу скажу, нужную и полезную книгу) – сборник архивных документов, где на обложке золотыми буквами, а также на титульном листе и в регистрационных данных приведено название «Деятельность Главного управления Народного комиссариата внутренних дел СССР по Молотовской области в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.» (Пермь 2020).

Издание книги приветствуют чиновники разного уровня и ранга: губернатор Пермского края Дмитрий Николаевич Махонин, редактор сборника, генерал-лейтенант полиции, начальник Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации МВД России (с июля 2018 по ноябрь 2020 года – начальник Главного управления МВД России по Пермскому краю) Михаил Ильич Давыдов, генерал-майор полиции, начальник Главного управления МВД России по Пермскому краю Александр Николаевич Щеглов. Археографический комментарий принадлежит директору ПермГАСПИ Сергею

Васильевичу Неганову. обстоятельную и глубокую вступительную статью «Милиция Молотовской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» написал историк, полковник милиции в отставке Павел Владимирович Фадеев.

Его, к мнению которого издатели не прислушались, и меня смутило название, данное опубликованному ПермГАСПИ сборнику документов. Не было во время Великой Отечественной войны Главного (!) управления, оно именовалось скромнее – просто управление НКВД по Молотовской области. Вот и получается: одно неточное слово, и исторические реалии искажаются. Это первое.

Второе замечание. Название сборника на обложке и титуле не соответствует описанию на обороте титульного листа (с. 2) и в регистрационных данных (с. 584). Вместо полного названия учреждения указана аббревиатура НКВД, а это – полное игнорирование правил библиографического описания печатной продукции. Хорошо, у специалистов-библиографов существует нерушимое правило описывать книжную продукцию по титульному листу, а то некоторые креативные издатели могут дать до пяти (!) вариантов названия одной и той же книги. Я не шучу – сам видел.

Третье. Не могу взять в толк (может, кто объяснит?), почему книга о милиции проиллюстрирована фотографиями тружеников тыла, учащихся ремесленных училищ, спортсменов, воспитанников детских садов, видовыми и бытовыми снимками? Зачем? Для создания исторического фона? Надо ли? Тем более что книга завершается разделом, где опубликованы фотодокументы, имеющие прямое отношение к заявленной теме сборника.

Воистину, чудны дела твои, ПермГАСПИ!

Каюсь, грешен! Или У семи нянек...

Встречались ли в книгах советского периода опечатки? Встречались. Но чтобы их не было, строго следили: и редактор, и корректор, и чиновник обллита. Если не успевали обнаружить до сдачи в тираж, то в книгу вкладывался листок с исправлениями, которые необходимо внести в текст. Нынче такую роскошь, как список опечаток, встретить – большая редкость. Но во все времена случались проколы. И советское время – не исключение.

При редактировании книги «Вот так и надо! Вот так и надо любить Урал! Сборник, посвящённый памяти историка-архивиста Леона Сергеевича Кашихина (1932-1997)» (Пермь, 2021), я

сделал в статью Андрея Павловича Зиновьева «Штрихи к пермской библиографии Великой Отечественной войны» вставку о публикациях Героя Советского Союза, доктора исторических наук, профессора Ивана Александровича Кондаурова (1926-2000), вписав этому известному учёному инициалы А. И. На эту «очепятку» указал мне после сдачи тиража автор статьи Андрей Павлович, которому пришлось вносить исправление во все экземпляры напечатанной книги.

Стали разбираться. И что выяснилось? Оказывается, я механически списал его инициалы – А. И. – с книги «Навечно в памяти народной», изданной Пермским книжным издательством в 1985 году тиражом 5 000 экземпляром. Название и фамилия И. А. Кондаурова напечатаны золотыми буквами на жёлтом фоне, что и придало обложке безликость, невыразительность. И это при том, что у книги значится редактор В. Шитов, младший редактор Л. Богданова и корректор Л. Крамаренко плюс художественный редактор С. Лузин и технический редактор В. Чувашов. Ещё раз пришлось убедиться в верности пословицы: «У семи нянек дитя без глаз».

Какие же были крылья?

19 ноября 2020 года в Перми в рамках пятого городского исторического форума состоялась научно-практическая конференция «Уральская кузница Победы: город Молотов и его жители в годы Великой Отечественной войны». Материалы конференции вышли из печати... летом 2021 года. Поздновато, конечно. Но, слава Богу, изданы. Правда, весьма скромным тиражом – 100 (сто!) экземпляров.

И вот в этой книге я столкнулся с казусом, когда обнаружил, что моя рецензия на четвёртое, исправленное и дополненное издание биографической книги Алексея Викторовича Тимофеева «Покрышкин» (М., 2015), вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», опубликована под другим, искажающим смысл, названием. У меня было: «В тисках судьбы, или Не сложивший крылья», а в опубликованной книге стало: «В тисках судьбы, или Несложившиеся крылья». Почувствуйте разницу. Ответственный за выпуск Андрей Александрович Маткин проверил оригинал статьи: у меня как было, так и значится. В вышедшей из печати книге появилась ошибка, хотя в регистрационных

данных значится редактор и корректор в одном лице – М. Н. Афанасьева. При подготовке материалов конференции сэкономили на технических работниках? Видимо, так. Но ведь известно: редактор и корректор – это не одно и то же, это две разные профессии.

Поразил меня в материалах форума ещё один момент. В статье писателя, журналиста и краеведа Владимира Фёдоровича Гладышева «История эвакогоспиталей, размещавшихся в школьных зданиях г. Молотова» в разделе о госпитале № 5936, что был развёрнут в школе, ныне носящей № 107, и умерших в нём воинов Красной Армии, без тени сомнения на странице 174 утверждается: «На сегодня сохранились только фамилии воинов, приведём их, может, кто-то откликнется: Желамский, Бесхадзе, Солдатенков, Строчкин, Миловидов». Зачем наводить тень на плетень!? Владимиру Фёдоровичу достаточно было обратиться к моим статьям о Верхнемуллинском кладбище (они неоднократно печатались) или к книге «Индустриальный район: история продолжается» (Пермь, ИПК «Звезда», 2002), одним из авторов которой он сам и является, чтобы установить, что давно уже известны воинские звания и инициалы этих бойцов: ефрейтор П. П. Миловидов и рядовые И. М. Бесхадзе, В. П. Желамский, С. Е. Солдатенков, И. В. Строчкин. Встаёт вопрос: надо ли читателя вводить в заблуждение и потчевать устаревшей информацией?

И всё-таки 1914 год

Центральным ядром любой библиотеки являются словари, энциклопедии, справочники, библиографические указатели. И бывает крайне досадно, если в них встречаются ошибки и опечатки. Такой вот мелкий казус – явная опечатка – обнаружился в хорошей и полезной книге «Русские филологи XIX века: Биобиблиографический словарь-справочник» (М.: Совпадение, 2006), недавно привезённой мне из Москвы. Авторы-составители справочника – кандидаты филологических наук М. Е. Бабичева и Е. М. Сахарова, кандидат педагогических наук С. П. Бавин и другие. Указаны и редактор И. С. Оганджян, и корректор О. Н. Картамышева. Тираж 1000 экземпляров.

В статье о Филиппе Фёдоровиче Фортунатове в заголовке (с. 388) указана дата его смерти 1914 год, а в той же статье на стра-

нице 391 утверждается, что этот знаменитый языковед «скоропостижно скончался, находясь на летнем отдыхе в деревне Косолма, неподалёку от Петрозаводска», в 1913 году.

И что делать читателю? Чтобы установить истину, надо обратиться к какому-либо другому независимому источнику. Я не поленился. Порылся в справочной литературе и установил: Филипп Фёдорович Фортунатов, глава московской лингвистической школы («формальной», «фортунатовской»), крупнейший представитель сравнительно-исторического языкознания, закончил земной путь в 1914 году. Жаль, что такая глупая опечатка прокрадалась в очень полезное библиографическое справочное издание.

Что за предлогом «из»?

Мне уже приходилось писать о новом печатном издании, выходящем в Перми, – о вестнике «Библиотека Горького». Всего комплекта у меня нет, но недавно мне принесли 7/19-й выпуск от 4 июля 2022 года этого ежемесячника, который издаёт Пермская государственная ордена «Знак Почёта» краевая универсальная библиотека имени А. М. Горького. И на первой же странице, в статье «Фестиваль «Книжная площадь-2022», в которой речь идёт о XV медиа-информационном фестивале «Книжная площадь-2022», проходившем с 7 по 9 июня 2022 года, встретил очередной ляп. В последнем абзаце третьей колонки последняя строка выглядит так: «В семинаре приняли участие более 50 специалистов библиотек из». Откуда? Из каких поселений и городов, каких библиотек? Я не один раз перечитал этот номер и нашёл-таки, как предполагаю, ответ в строчке из третьего абзаца первой колонки: «В церемонии награждения приняли участие более 50 специалистов из библиотек г. Перми и Пермского края». Думаю, материал просто напросто сократили, не дочитав фразу до конца. А читатель, если таковой имеется, в чём я сомневаюсь, у вестника «Библиотека Горького», должен, наверное, сам догадаться об этом.

И ещё – мелочь, право, – но сказать надо: почему-то, вопреки всем правилам русского языка, слова «Правительство» и «Министерство», когда речь идёт о региональных структурах органов власти Пермского края, написаны с заглавной буквы. Что, кто-то правила поменял? А вот в названии ордена, которым «Горьковка» была награждена Указом Президиума Верховного

Совета СССР 24 января 1986 года, слово «почёта» – с маленькой (!). А надо бы знать, учреждённый 25 ноября 1935 года Постановлением Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР орден официально именуется «Знак Почёта», 22 августа 1988 года он был переименован в орден Почёта. Стыдно указывать в логотипе вестника «Библиотека Горького» название государственной награды с ошибкой.

Дело давнее, а душа болит

Дело давнее, а душа болит. О чём?

В 1998 году в Екатеринбурге в издательстве «Академкнига» под эгидой Уральского отделения Российской академии наук (главный редактор – академик РАН В. В. Алексеев) вышла «Уральская историческая энциклопедия», в 2000 – второе её издание, переработанное и дополненное. В первом и втором изданиях опубликована моя статья о пермском поэте, прозаике, переводчике, исследователе памятника древней русской литературы «Слово о полку Игореве» Алексее Михайловиче Домнине (1928–1982), с которым я лично был знаком и дружен. В обоих изданиях – и 1998, и 2000 года – по вине редакционной коллегии (руководитель проблемно-тематического блока о литературе Ю. А. Мешков) в моей небольшой статье допущены две опечатки, которых в рукописи нет.

Так, в энциклопедии напечатано, что писатель окончил Пермский университет в 1931 году. Помилуй Бог! Ну никак не мог трёхлетний (!) мальчик окончить высшее учебное заведение. Тем более поступить в него до своего рождения (!!!). Иначе это мистика какая-то! В действительности Алексей Михайлович окончил историко-филологический факультет Пермского государственного университета имени А. М. Горького в 1951 году.

Вторая ошибка «прописалась» в списке литературы к статье. Редакторы, видимо, решили сократить объём или им показались близки по смыслу слова – биографический и библиографический – в указателе литературы «Писатели Пермской области» (Пермь, 1985), вот они и урезали первый слог в описании и получился... библиографический справочник вместо биобиблиографического. Мелочь, конечно, но надо знать, что в этом пермском справочнике о писателях Прикамья имеется не только библиографическая часть, а и биографическая, в которой даётся краткая

биографическая справка о писателе, предшествующая перечню опубликованных им произведений.

Дело давнее, а душа болит. Грустно... Грустно от того, когда представишь, что могут подумать читатели «Уральской исторической энциклопедии» об авторе, обнаружив в его статье ошибки? А добрая репутация исследователя дорогого стоит.

Дарёному коню...

Наверное, все люди любят получать хорошие подарки. И я люблю. Особенно книги. Вот недавно пермский краевед Лев Валентинович Перескоков любезно подарил мне (огромное ему спасибо за это!) свою книгу «Образ Великого Князя Михаила Александровича в контексте времени» (Пермь: ИЦ «Дунаева Л. А.», 2022). Подарок свой он украсил инскриптом: «Владимиру Сергеевичу от автора с глубоким уважением. 08.02.2023 г. Подпись».

Есть русская народная пословица: «Дарёному коню в зубы не смотрят». Подаренная книга – не конь, я её в тот же день внимательно просмотрел. На титульном листе указано, что это научно-популярная книга, а на обороте титульного листа и в регистрационных данных – монография.

Странно, почему в названии книги и по всему тексту титул Михаила Александровича – великий князь – написан с заглавной буквы. Даже слово «царь» мы пишем с маленькой буквы, а тут титул рангом пониже и... с большой?

Специально проверил, в книге указан корректор Н. В. Злобина и даже редактор М. В. Софьина, а вот в обращении к читателю доктора исторических наук, главного специалиста Российского государственного архива социально-политической истории Л. А. Лыковой в третьем абзаце (с. 3) производный предлог «не смотря на» написан отдельно. С чего бы это?

Но поговорим о более серьёзных вещах.

Любую научную и научно-популярную книгу я начинаю с изучения предисловия / введения, источников и литературы. Вот и в монографии Льва Валентиновича сразу увидел, что у него нет ни одной ссылки на мои статьи о великом князе Михаиле Александровиче, хотя в моём архиве хранятся воспоминания непосредственных участников убийства, о чём я и писал. На этот пробел в исследовании я сразу же обратил внимание автора после

того, как он вручил мне подарок. Стоит отметить, Лев Валентинович в мой адрес и в адрес некоторых других обойдённых вниманием историков и краеведов сделал реверанс. Цитирую: «Следует назвать исследователей, которые отдельно не рассматриваются в настоящей работе: это С. В. Неганов, Л. В. Перескоков, протоиерей Алексей Марченко, Л. М. Софьин, В. С. Колбас, И. В. Папулов, Л. П. Маркова, В. П. Алексеев, А. В. Маркелов, А. В. Мохова, М. В. Софьина и др.» (с.179). По какой причине мы в немилости оказались? Как и почему в этом списке оказался сам Лев Валентинович – это большой вопрос. А ведь можно было сделать ссылку на работы перечисленных им авторов и включить их в список источников и литературы? Смею предположить: ради сокращения объёма книги?

Подробно Лев Валентинович анализирует публикации о великом князе Михаиле Александровиче «личного» его биографа, журналиста, писателя и краеведа Владимира Фёдоровича Гладышева (им написано несколько десятков статей и книг о нём), кандидата исторических наук, главного археографа Государственного архива Российской Федерации Владимира Михайловича Хрусталёва, авторов из Великобритании Розмари и Дональда Кроуфорд и других исследователей. Это правильно и справедливо.

Однако странно, что скороговоркой в монографии упоминаются историко-краеведческие конференции о великом князе Михаиле Александровиче, материалы которых издавались под общим названием «Уральская Голгофа» (Пермь, 2006-2010), и Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве в 2017 и 2018 годах (Пермь, 2018, 2019). Тем более странно, что в их организации и проведении принимал самое непосредственное участие сам Лев Валентинович Перескоков как председатель Пермского областного (краевого) отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Рецензент книги Л. А. Лыкова сочла нужным отметить: «Вот перед нами удивительный труд краеведа и подвижника Л. Перескокова. Его книга – это результат не только научных изысканий, но и многолетней работы по популяризации личности Великого Князя Михаила Александровича» (с. 3). Поэтому жаль, что информация о Романовских форумах в Перми не подана в рецензируемой книге общим блоком, что не определено достойное место этих конференций в историографическом и источниковедческом историко-краеведческом процессе.

Несмотря на эти мелкие «уколы», в целом, по моему мнению, нельзя не согласиться с мнением Людмилы Анатольевны Лыковой: «Книга Л. Перескокова вводит читателя в более глубокое погружение познания личности Великого Князя Михаила Александровича. Со страниц книги перед читателем встаёт образ Личности в оценке современников. Это очень важный исторический приём – представить Портрет в интерьере эпохи» (с. 4).

Публикации

Апелляционная жалоба присяжного поверенного Максима Григорьевича Эдельгауза по делу Петра Николаевича Ушакова с Пермскими пушечными заводами

В связи с приближающимся так называемым 300-летним юбилеем нашего города Перми местными властями совершенно искусственно, фактически с целью самопиара, было обращено усиленное внимание на историю различных сфер городской жизни и, в частности, развитию пермской промышленности и транспорта. В нашем городе, расположенном на берегах полноводной Камы, их важными отраслями являются судостроение и судоходство, пережившие за достаточно долгий период своего существования периоды взлётов и падений. Несмотря на, казалось бы, достаточную изученность этой темы, до сих пор, на наш взгляд, ряд вопросов остаётся в тени, а кроме того, до сих пор тиражируются мифы, связанные с пермским судостроением, а по судоходству по ряду тем нет достоверной информации. 11 ноября 2021 г. в Перми прошёл VI городской исторический форум, центральной темой которого стала взаимосвязь развития города с рекой Камой. Однако в материалах проводившейся в рамках форума всероссийской междисциплинарной научно-практической конференции «Река Кама в исторических судьбах города Перми» (интересно, сколько судеб у нашего города?) эти вопросы так и не нашли своего отражения.

Попытаемся восполнить этот пробел публикацией одного, на наш взгляд, довольно интересного документа, непосредственно касающегося затронутых вопросов, а именно истории строительства и эксплуатации буксирного парохода «Редедя, князь Косогский», построенного в 1889 г. на Пермских пушечных заводах по заказу частного судовладельца П. Н. Ушакова. История создания и эксплуатации этого уникального судна известна. До сих пор в различных описаниях этого парохода приводится упоминание об использовании в ходе его постройки электросварки по способу, изобретённому горным

начальником Пермских пушечных заводов Николаем Гавриловичем Славяновым. Эти сведения взяты из советской книги начала 1950-х гг. без указания каких-либо подтверждающих этот факт источников. Сейчас уже доподлинно известно, что электросварка на строительстве «Редеди» не применялась, о чём свидетельствует ряд документов, а именно список заводских работ, выполненных на Пермских пушечных заводах при помощи электросварки в период деятельности там Н. Г. Славянова, а также выписка из паспорта буксирного парохода «Степан Разин» (такое название носил «Редедя» в годы Советской власти), представленная музею Мотовилихинских заводов управлением «Волготанкер». Вместе с тем надо отметить тот факт, что с «Редедей» связана длительная судебная тяжба между Пермскими пушечными заводами и заказчиком буксира – российским судовладельцем П. Н. Ушаковым, а также его дочерью. В Государственном архиве Пермского края (ГАПК) в фонде Пермских пушечных заводов (Ф. 276) хранится дело № 35 по 1-й описи, в котором собраны все документы этого процесса на 304 листах (кстати, это дело до сих пор не оцифровано!). Нельзя сказать, чтобы на эти документы не обратили внимание наши историки. В частности, наш известный пермский историк, кандидат исторических наук, к сожалению, ныне покойный Анатолий Владимирович Шилов в своей статье «Мотовилихинский завод в истории отечественного судостроения» (опубликована в сборнике тезисов докладов научно-практической конференции «Мотовилиха: открывая новые страницы», которую проводил в 2011 г. музей Мотовилихинских заводов, стр. 168-173) использовал документы этого дела, но по каким-то причинам описал судебный процесс только с точки зрения Пермских пушечных заводов, а причины обращения завода в судебные инстанции, а также точку зрения ответчика и позднее истца – судовладельца П. Н. Ушакова оставил без внимания. Вероятно, это связано с недостатком выделенного для публикации места или цензурных ограничений при публикации материала.

Нынешняя публикация документа из указанного дела (ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 35. Л. 211-218) призвана хотя бы частично восполнить этот недостаток.

Представлена машинописная копия с рукописной записью апелляционной жалобы от 16 сентября 1899 г. присяжного поверенного М. Г. Эдельгауза, представителя судовладельца

П. Н. Ушакова, в Казанскую судебную палату на постановление Пермского окружного суда, которым он отказал П. Н. Ушакову во встречном иске к Пермским пушечным заводам с отказом от возмещения ему убытков и присуждении новых выплат. Публикация выполнена с сохранением пунктуации оригинального документа. Орфография приведена в соответствие с современными нормами русского языка.

Публикацию подготовил М. Л. Гриф.

№ 1

В Казанскую судебную палату
Присяжного поверенного
Максима Григорьевича Эдельгауз[а],
жит. в С.-Петербурге Москов. ч. I уч.
по Пушкинской ул. в д. II
по доверенности Петра Николаевича
Ушакова, жит. в СПбурге
по Малой Морской в д. 5 по делу
с Пермскими пушечными заводами

Апелляционная жалоба

Пермский окружный суд, рассмотрев настоящее дело, отказал Ушакову в иске, удовлетворив встречные требования ответчика.

Таким образом Ушаков, потеряв три навигации, заплатил грузовладельцам неустойки, истратив на исправление недостатков парохода 16 тысяч рублей и заплатил заводу 43187 р. 70 к. решением суда присуждён к уплате ещё 68121 р. и значительных судебных издержек и, кроме того, санкционировано незаконное отобрание от Ушакова парохода даже вместе с теми принадлежностями, которых завод Ушакову и не сдавал и которые были куплены впоследствии Ушаковым.

Такое решение, по существу крайне несправедливое, как это часто бывает при разрешении дел по нарушении договоров, могло явиться следствием полной невозможности со стороны суда решить дело согласно требованиям естественной правды и справедливости ввиду формальных препятствий, ввиду ясных и категорических требований договора, связавшего судей и ограничившего их в свободе решения.

Имеются ли в данном деле такие формальные преграды, принудившие суд постановить решение в пользу обидчика и обогатившегося на счет потерпевшего? – Положительно никаких. – Наоборот! Требовалась какая-то странная натяжка, замалчивание всех обстоятельств дела, клонящихся в пользу Ушакова и неправильное толкование ясного смысла подписанной Ушаковым квитанции, чтобы прийти к такому печальному для потерпевшего выводу.

Суд, пренебрегши всеми данными дела, не упоминая даже в своём решении о допущенных им свидетельских показаниях, остановился только на одной квитанции от 8 мая 1890 года, причём называет этот документ «главным и почти единственным, имеющим значение документа». Таким образом, главным является в деле не договор, нормирующий отношения сторон, не обязанность той и другой стороны его исполнить по доброй совести, а подписанная Ушаковым под угрозой полного разорения квитанция, подписанная им в то время, когда завод, грубо нарушив договор в сроке сдачи парохода и приведя Ушакова таким путем на край пропасти, любезно предложил ему одно из двух: или подписать квитанцию, отказавшись от претензии в изготовлении парохода на целый год позже срока и в более глубокой его осадке, чем условлено по договору, – или же лететь в пропасть разорения и несостоятельности. Вот этот документ суд считает единственным, имеющим значение по делу. – Но если суд придает такое важное значение этой квитанции, то не следует ли уж её принять целиком, требуется ли давать ей во вред Ушакову распространительное толкование?

Почему суд не остановился на выговоренном в квитанции «праве заявлять к управлению заводов претензии касательно постройки парохода, в случаях, предусмотренных контрактом». Если бы суд не исключил из обсуждения этого права Ушакова, то он несомненно должен был остановиться на договоре.

Согласно п. 2 договора завод принимает на себя ответственность, во-первых, в прочности парохода, во-вторых, в глубине и правильности осадки и, в-третьих, в том, что пароход поведёт в шести баржах шестьсот тысяч пудов груза первой водой от Астрахани в Нижний со скоростью пяти вёрст в час. От претензии за несоблюдение заводом второго условия Ушаков отказался под давлением тех тяжёлых обстоятельств, которые были созданы для Ушакова заводом несвоевременной сдачей, поэтому было бы в высшей степени несправедливо давать ещё этому отказу рас-

пространительное толкование и считать, как это делает окружный суд, что Ушаков отказался и от претензии за несоблюдение остальных двух условий, хотя об этом отказе ничего не говорится ни в упомянутой расписке Ушакова, ни в каком-либо другом акте. В действительности Ушаков не освобождал завод от ответственности за непрочность и за небуксиропособность парохода, в противном случае это освобождение было бы также ясно и категорически выражено, как и освобождение завода от ответственности за более глубокую осадку.

Ввиду изложенного и принимая во внимание, что на точном основании ст. 1545 т. X ч. I Св. Зак. и целого ряда решений Правительствующего Сената [1867 г. № 208, 410, 440, 1868, № 390, 1869 г. № 1191, 1871 г. № 16, 186, 571 и др.] отказ от прав, возникающих из письменного договора, должен быть выражен также письменно, что по договору между Ушаковым и управлением Пермских пушечных заводов Ушаков имеет право на прочный пароход с определённой степенью буксиропособности, что от такового своего права Ушаков ни в одной расписке не отказывался, а, напротив, в квитанции от 8 мая 1890 г. выговорил себе право на заявление к заводу претензии в случаях, предусмотренных контрактом, что толкование судом смысла этой квитанции неправильно, произвольно и лишает её всякого смысла, надлежит признать, что за Ушаковым и после приёма им парохода остаётся право заявлять к управлению заводов претензии на непрочность и небуксиропособность парохода, т. е. на несоответствие парохода условиям договора, а за заводом остаётся соответствующая обязанность нести перед Ушаковым ответственность за указанные недостатки.

Правильность такого вывода подкрепляется ещё следующим соображением.

По 2 п. договора завод несёт ответственность перед Ушаковым в том, что пароход поведёт в шести баржах шестьсот тысяч пудов груза первой водой от Астрахани в Нижний со скоростью пять вёрст в час; по 3-му же пункту приём парохода Ушаковым и проба его обусловлены на реке Каме.

Из сопоставления этих двух пунктов с совершенной ясностью усматривается, что при приёме парохода, по условиям договора, невозможно было испытать буксиропособности его, ибо приём парохода совершается на Каме, рейс же, необходимый для испытания буксиропособности, условлен по договору на Волге от Астрахани до Нижнего. Таким образом, и испытание буксиро-

способности парохода и, следовательно, момент, с которого может возникнуть ответственность завода за небуксиропособность определяются временем после приёма парохода, и, в данном случае, таковая ответственность завода могла определиться «первой водою», т. е. весной 1891 года, а не 8 мая 1890 года, когда Ушакову был сдан пароход и выдана квитанция. Окружный же суд в противность точным словам договора, полагая, что проба в отношении буксиропособности должна была быть произведена до приёма парохода, делает отсюда вывод, что, приняв пароход, Ушаков уже не может заявлять никаких претензий к заводу.

Из вышеизложенного с несомненностью усматривается, насколько неправильно, произвольно и противно смыслу имеющих в деле документов постановлено решение окружного суда.

Ввиду изложенного для разрешения настоящего дела следует принять два положения: 1) Ушаков никогда не освобождал управление заводов от ответственности, предусмотренной контрактом, за непрочность и небуксиропособность парохода и 2) такая ответственность управления заводов на основании сопоставления 2-го и 3-го п.п. договора не уничтожается актом приёма парохода Ушаковым и может определиться и возникнуть лишь после приёма, т. е. испытанием его весной 1891 года на Волге первой водой из Астрахани в Нижний.

Если актом 8 мая 1890 г. управление заводов не освобождено от ответственности, предусмотренное 2 п. договора, то судебной палате надлежит прежде всего остановиться на тех фактических данных настоящего дела, которыми пренебрег окружный суд, но которые с положительной ясностью устанавливают факт нарушения договора управлением заводов.

В самом деле, сдан ли был Ушакову прочный пароход удовлетворительной конструкции?

24 июля 1889 г. Ушаков прибыл в Мотовилиху для приёма парохода, дав возможность заводу три месяца по открытии навигации пробовать пароход. Но проба даже без груза обнаружила непригодность парохода к работе, по признанию самого ответчика, оказались поломки в машине и неисправности, исправленные за счёт казны. Поломки оказались следующие: 24 июля трубка конденсатора лопнула, пар в форсунках работал плохо и пар в котлах стал быстро падать; 25 июля отошли малым ходом версты две; как только дали пароходу средний ход вода из паровых котлов стала прорываться в цилиндр, вновь лопнула трубка конденсатора, а также одна из нефтяных трубок; дальней-

шая проба оказалась невозможной, и пришлось вернуться к заводу; при вторичной пробе 26 июля оказались такие существенные недостатки, что пришлось производить капитальную переделку всего парохода. Пришлось Ушакову отказаться от надежды воспользоваться пароходом в 1889 году и ожидать следующей навигации. В мае 1890 года после предварительной пробы парохода на Каме без груза, оказалось, что пароход имеет громадный недостаток; более глубокую осадку, чем было обусловлено. Всякий понимает, что этот недостаток волжского парохода лишает его значительной ценности и годности к работе. – Но Ушаков, прождав и так целый год, связанный контрактами с грузохозяевами, ничего не мог сделать другого, как принять и такой пароход и отказаться в этих частях от претензий, выговорил, однако, за собой право требовать, чтобы пароход во всём остальном соответствовал условиям контракта.

При первых же опытах оказалось, что машина не окончательно укреплена в корпусе, отчего происходит движение и расшатывание корпуса. Как видно из путевого журнала, вышедши из Перми совершенно новым 9 мая, уже 12-го пароход простоял 16 час. За неисправностью машины, по той же причине стоял 6 час. 18-го, 1 1/2 часа – 19-го, 3 часа – 21-го, 6 час. – 23-го, 20 час. 24-го, 3 часа – 28-го [машина внезапно остановилась], с 30 мая по 4 июня стояли в Нижнем для исправления машины, 6 июня у машины разорвало на несколько частей золотниковую коробку – оказалось, что она сделана без рёбер; через 22 суток и 9 час. стоянки завод, истребовав предварительно от Ушакова 800 р., несмотря на 6-месячную гарантию, прислал две новые золотниковые коробки соответствующей толщины и с рёбрами. Затем начинается целый ряд поломок в колёсах, что постоянно задерживало движение. Оказалось, что спицы колёс сделаны настолько не прочно, что приходилось то и дело поломанные заменять другими, новыми; несколько раз отрывался клапан; 5 и 6 сентября дважды лопнула штурвальная цепь. В рейсе 1891 года замечается не меньше остановок вследствие различных исправлений в машине и вследствие того, что различные части машины нагревались, медные паропроводные трубы и колпаки воздушного насоса постоянно разрывались, донки и насосы беспрестанно отказывались работать; нефть приходилось наливать ведрами, т. к. насосы не действовали.

Из допущенных на суде свидетелей лоцман Ушаков (?) удостоверял, что при первом же рейсе парохода «Редедя» провисли кожуха, машина была плохо сцеплена с кузовом парохода, нефть

из запасных ящиков не подавалась в дежурные, золотниковую коробку разорвало, пароход плохо слушался руля. Штурвальный Меркушев показал, что во время первого рейса пароход останавливался на пути до Нижнего раз 6 или 7 вследствие разных поломок – нефть не шла из запасных ящиков, пароход совершенно не слушался руля, при движении парохода порожняком, даже при средней скорости корпус парохода сотрясался, а палуба даже гнулась.

Капитан парохода Демидов показал, что ещё до отправления парохода в первый рейс оказалось, что нефть из главного резервуара не подается в так называемые дежурные ящики вследствие неисправности ящиков, обнаружилась крайняя неудовлетворительность постройки парохода, машина была поставлена в слишком слабый корпус и не имела с ним прочной связи, как то требовалось по правилам техники; шпангоуты и кильсоны, имея связь между собою, не были скреплены с днищем корпуса, машина двигалась и железная палуба парохода подавалась и пощелкивала, колёса были слабы, в пути до Нижнего порвало и погнуло паропроводные, водопроводные и нефтепроводные трубы и паровые колпаки, взорвало золотниковую коробку, плохо действовал руль, потому что был очень мал, пришлось ставить деревянные накладки на верхнюю часть руля, о чем было сказано Афросимову, но он просил в Перми это не делать, потому что стыдно заводу; при приёме парохода было обнаружено неправильное устройство колёсных кожухов, которые провисали, спицы и ободки колёс гнулись и ломались, масса сделанных заводом плит изломалась; для приведения парохода в хорошее состояние нужно было бы израсходовать 100.000 руб., но Ушаков с открытием следующей навигации потратил на его устройство 16.000 руб., из проезда во всю навигацию 4 месяцев и 22 дней простоя было 33 сутки с часами, один из строителей этого парохода инженер Тенчинский не советовал купцу Волкову покупать этот пароход за негодностью его.

Свидетель Четвергов [старший] удостоверил, что пароход «Редедя» вышел неудачным, части машины часто ломались, неисправность парохода, главным образом, заключалась в несообразности частей машины, постройка парохода для Ушакова – был первый опыт завода.

Свидетель Солин показал, что в зиму 1890-91 г. пароход «Редедя» ремонтировался в Астрахани, так как различные части машины оказались сделанными несоответствующим образом,

фундамент и крепления машины были слабы, корпус был слабого крепления.

Свидетель Наугольный показал, что в зиму 1890-91 г. пароход «Редедя» должен был быть поставлен в Астрахани на ремонт, без какого крупного ремонта пароход этот не мог работать, израсходовано было Ушаковым на этот ремонт свыше 10.000 руб.

Свидетель Рихтер показал, что работа парохода оказалась в 1890 г. крайне неудачной благодаря постоянным поломкам машины, поставленной в слабый сравнительно корпус при слабом и неудовлетворительном креплении самого фундамента машины, уже в 1891 г. корпус под машиной оказался сильно провисшим, в зиму 1890-91 г. Ушаков израсходовал значительную сумму денег на крепления фундамента машины и вообще ремонт и приведение парохода в возможный для работы вид, рейс 1891 г. окончательно доказал непригодность парохода к серьёзной работе на Волге, пользование таким пароходом для работы могло повлечь за собой только громадные убытки. Ушаков разорился на этом пароходе.

Свидетель Тюрин показал, что главные машинные рамы давали порядочное движение вследствие слабого фундамента под машиной, золотниковые парораспределительные коробки отлиты из чугуна без укрепления рёбер, отчего одна из коробок разорвалась.

Свидетель Калашников показал, что укрепление машинных рам было слабо, размеры поперечников, передающих движение от паровых штоков шатунам – недостаточны, конструкция парораспределительных коробок – слаба.

Свидетель Гинцбург показал, что купивший в 1894 г. этот пароход Сумароков израсходовал на его исправление приблизительно 60.000 руб.

Таким образом, целый ряд совершенно теперь незаинтересованных свидетелей, у Ушакова не служащих и вполне самостоятельных устанавливают полную непригодность парохода. Все эти свидетели – лица, хорошо знающие судоходное дело, а некоторые из них сами техники, инженеры. – Так, Рихтер, Четвергов, Гинцбург и Солин – давнишние пароходоладельцы. Тюрин и Калашников – техники по постройке пароходов. Гинцбург – инженер, а Демидов – капитан.

Из их показаний особенно характерно показание Демидова о том, что при нём сам же строитель этого парохода, инженер Тенчинский не советовал купцу Волкову покупать этот пароход за

негодностью его. Надо добавить, что Тенчинский строил первый пароход и на нём учился сему искусству.

Достоин внимания и показание инженера Гинцбурга о том, что после продажи его казной Сумарокову на исправление его, не считая затраченных 16 тыс. на ремонт Ушаковым, потребовалось на приведение его в годное для плавания состояние около 60 тысяч рублей.

Такова «оригинальная», по выражению ответчика, конструкция парохода «Редедя» и такова обусловленная в договоре прочность его. Но этим подробным перечислением констатированных на суде существенных недостатков парохода не ограничивается оценка «первого опыта» Пермских пушечных заводов.

Мог ли, согласно договору, пароход «Редедя» повести в шести баржах шестьсот тысяч пудов груза первой водой от Астрахани в Нижний со скоростью пять верст в час?

Ответ на это можно найти из данных путевого журнала и свидетельских показаний. Как уже выше сказано, испытать буксиропособность парохода по точному смыслу договора можно было не ранее 1891 года, ибо в 1890 г. он был сдан уже после первой воды и притом на р. Каме, а не на Волге.

Из путевого журнала за 1891 год видно, что из Астрахани пароход вышел 17 апреля с грузом 650 т. пуд., и, дойдя до Самары, он вышел оттуда 19 мая в 4 ч. 30 мин. утра, имея лишь 570 т. пуд. груза в 6 баржах, т. е. менее того, что требовалось по контракту [600 т. пуд.]. До Спасского Затона, т. е. 374 версты, пароход шел 106 час., не считая простоя, следовательно, шёл со скоростью лишь 3,52 версты в час вместо обусловленных 5 верст. Из Спасского Затона до Самары ход был ещё медленнее, несмотря на то, что груза было всего 460 т. пуд. в 5 баржах. Этот плёс длиною в 204 версты пароход сделал в 68 1/2 час., не считая простоев, следовательно, шёл со скоростью всего 3 версты в час. Из Сумок до Красного Яра на расстоянии 77 верст пароход буксировал всего 4 баржи с грузом в 365 т. пуд. и, несмотря на такой незначительный груз, ход достиг только 4 1/4 верст в час.

Допрошенный в качестве свидетеля на суде капитан парохода Демидов удостоверил, что пароход ввиду нескрепления машины с корпусом идти полным ходом с обусловленным грузом в 600 т. пудов, при весенней воде, против течения не мог (в документе – «на». – М. Г.), так как при полном ходе машина неминуемо должна была разломаться.

Свидетель Наугольный показал, что грузоспособность парохода совершенно не соответствовала условиям договора, пароход никоим образом не мог вести 600.000 пуд. груза первую водою от Астрахани в Нижний со скоростью 5 верст в час, можно сказать приблизительно, что скорость его была вдвое меньше.

Свидетель Рихтер показал, что пароход «Редедя» сразу произвёл на него впечатление неприменимого к делу серьёзной буксировки караванов на Волге – корпус парохода был непомерно велик и слаб, самые основные приспособления для буксировки были ставлены непрактичными руками, благодаря существенным недостаткам устройства пароход не мог буксировать требуемого по договору количества груза.

Такова буксиропособность изготовленного для Ушакова управлением Пермских заводов парохода «Редедя, князь Коссогский».

Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что 8 мая 1890 г. управление заводов сдало Ушакову вместо обусловленного по договору парохода – пароход совершенно негодный и не соответствовавший своему назначению ни в смысле конструкции, ни в смысле прочности, ни в смысле буксиропособности.

Помимо факта совершенной негодности заказанного парохода, Ушаков основывает свои исковые требования ещё на действиях завода, имев их место после навигации 1891 года.

По делу установлено, что в октябре 1891 года пароход был отобран от Ушакова без его ведома и без посредства суда. Помимо того, что такое действие является ничем не оправдываемым произволом со стороны управления заводов и нарушает правило ст. 1283 Уст. Гр. Суд., предписывающее производить дела казенного управления по общим правилам гражданского судопроизводства. При отобрании парохода был составлен акт, из которого ответчик усматривает, что пароход находился в полуразрушенном состоянии.

Между тем из этого акта видно, что все недостатки заключались в том, что разбито несколько стёкол и потеряно несколько ничего не стоящих барашков; кроме того, не хватало несколько запасных спиц для колёс и 4 запасные спицы. Управление заводов в данном случае как будто бы не допускает даже мысли о том, что благодаря крайней непрочности и неумелому устройству колёс спицы беспрестанно ломались и не только эти запасные были употреблены в дело, но было израсходовано множество вновь заказанных Ушаковым. Относительно недостающих двух валов

управление заводов делает фактически неправильное заключение, что будто бы они были найдены на пристани, в то время как в действительности они были отобраны управлением.

Вообще же в то время, как дело идёт о совершенной негодности 200-тысячного парохода, управление заводов беспокоится об исчезновении нескольких палок и чанов.

Отобравши самовольно от Ушакова пароход с такими, по мнению управления, существенными недостатками, как несколько разбитых стёкол и отсутствие двух палок и трех чанов, управление Пермских заводов начинает эксплуатировать пароход, употребляя его даже для холерного лазарета, оставляет его на долгое время, несмотря на его речную конструкцию, в море и затем только, когда его морским волнением на Астраханском рейде окончательно раскачало, когда у него провис корпус, вследствие тяжести машин и отсутствия нефтяного груза во время переправы его на буксире из Астрахани в Пермь, словом, когда пароход значительно утратил свою прежнюю ценность, через три года, а именно в сентябре 1894 г. управление заводов продало его Сумарокову за 92 т. рублей.

Оставление парохода казною за собой и эксплуатация его от казны, по-видимому, суть действия совершенно достаточные, чтобы признать Ушакова совершенно свободным от каких бы то ни было начётов казны за этот пароход. А если ещё прибавить к этому, что в 1892 г. никто не пожелал торговаться на этот пароход, то, по-видимому, не подлежит никакому сомнению, что казна, получивши в собственность пароход, сделанный для Ушакова, этим самым покончила всякие счёты с Ушаковым относительно парохода. Но казна поняла совершенно иначе размеры своего права, которое, по мнению ответчика, заключается в том, что и после хотя бы десяти или двадцатилетнего пользования для своих выгод парохода казна, согласно договору, может требовать с Ушакова разницу между условленной суммой и вырученной от продажи износившегося и в конце испорченного парохода.

Резюмируя всё вышеизложенное, следует прийти к заключению, что 1) управление заводов, сдавши Ушакову 8 мая 1890 года пароход, негодный в отношении конструкции, прочности и буксиропособности, нарушивши тем точный смысл договора от ноября дня 1887 года, обязательность коего для управления подтверждается квитанцией от 8 мая 1890 г. и в 1892 г. отобравши этот пароход от Ушакова, должно возратить Ушакову уплаченные им за этот пароход 43.187 р. 70 коп. с процентами со дня взноса этой суммы по частям. 2) Ушаков, не только не извлекавший

никакой выгоды из парохода «Редедя, князь Коссогский», но разорившийся на нём по вине управления заводов, свободен от обязанности, вытекающей из нарушенного управлением заводов договора платить что бы то ни было управлению заводов за пароход, самовольно отобранный у него казно и притом совершенно не соответствующий условиям договора.

А посему, ввиду вышеизложенного и ссылаясь на подробно изложенные в письменном опровержении обстоятельства дела и доводы, на коих основаны первоначальный иск и возражения против встречного иска, я имею честь просить:

1) Решение Пермского окружного суда от 12/26 марта 1899 года отменить.

2) По первоначальному иску а) присудить с ответчика государственной казны в лице горного начальника Пермских пушечных заводов в пользу Ушакова 43.187 руб. 70 коп. с % со дня взыскания, в) признать неправильным сделанный главною конторою Пермских пушечных заводов на Ушакова начет в сумме 73.158 р. 09 $\frac{1}{2}$ к. и освободить Ушакова от этого взыскания.

3) По встречному иску о взыскании с Ушакова в пользу ответчика 77.158 р. 09 $\frac{1}{2}$ коп. отказать и

4) Уплату по обоим искам судебных и за ведение дела издержек возложить на ответчика государственную казну в лице горного начальника Пермских пушечных заводов.

Присяжный поверенный
[подпись]

В Казанскую судебную палату
Уполномоченного Уральского горного управления,
юрисконсульта Василия Тюшева,
живущего в г. Екатеринбурге,
по Верх-Вознесенской ул. д. № 21
по делу с истцом – отставным штабс-капитаном
Петром Николаевым Ушаковым, отыскивающим
с управления Пермских пушечных заводов
132.386 руб. 9 1/2 коп.

Объяснение на апелляционную жалобу

Поверенный истца Ушакова присяжный поверенный Эдельгауз, считая неправильным последовавшее по настоящему делу решение Пермского окружного суда, находит, что оно могло состояться только вследствие какой-то странной натяжки, – замалчивания всех обстоятельств дела, клонящихся в пользу его доверителя и неправильного толкования ясного смысла подписанной им квитанции. Однако же такое мнение апеллятора представляется ни на чём не основанным по нижеследующим соображениям. Очень хорошо понимая, что выданная Ушаковым управлению Пермскими пушечными заводами 8 мая 1890 г. квитанция имеет существенное в деле значение, поверенный истца в жалобе своей, прежде всего, пытается истолковать в желательном для себя смысле этот документ, чтобы затем иметь уже право свободно ссылаться на свидетельские показания и путевые журналы, в доказательство непрочности и небуксириспособности построенного для Ушакова парохода «Редедя, князь Коссогский», но при этом заходит так далеко, что его толкование равняется совершенному извращению действительно «ясного» смысла упомянутой квитанции. Как установлено по делу, выдаче её предшествовала проба парохода, произведённая в присутствии истца и экспертов и заключавшаяся в том, что упёртый носом в берег пароход был пущен полным ходом; хотя содержание квитанции и само по себе определено и ясно, но взятое в связи с последним обстоятельством, оно уже решительно не может представлять никаких сомнений. Выдавая после пробы квитанцию, Ушаков удостоверяет в ней, что буксирный пароход «Редедя, князь Коссогский» «построен во всех частях согласно условий, изложенных в договоре, заключенном 25 ноября 1887 г.» Каких же условий? Они перечис-

лены в п. 2 договора, и касаются: а) прочности постройки парохода, б) глубины и правильности осадки и в) способности парохода повести в шести баржах шестьсот тысяч пудов груза первой водой от Астрахани в Нижний по пяти верст в час. Единственный оказавшийся при пробе недостаток заключался в более глубокой, чем следовало по договору, осадке парохода, но от претензии за это к заводууправлению истец отказался, о чём оговорил в конце квитанции. Кажется, смысл ясен и состоит в том, что кроме осадки, пароход признан Ушаковым вполне соответствующим перечисленным в договоре условиям и Ушаков даже обязался не предъявлять никаких претензий к заводууправлению, но, по мнению его поверенного, выходит, что хотя всё это Ушаковым и написано, но что в сущности ничего подобного он не выражал и оставил за собой право и в будущем, по приёме парохода, оспаривать, когда ему вздумается, наличность в пароходе тех качеств, которые он должен иметь по договору. Такой удивительный вывод присяжный поверенный Эдельгауз делает из той части квитанции, где Ушаков обязался не предъявлять к заводууправлению претензий касательно постройки парохода, «за исключением случаев, предусмотренных контрактом». Это место относится к 3 п. договора, по которому и после сдачи парохода заводууправление обязывалось в течение 6 месяцев исправлять поломки, происшедшие от недоброкачества материала, но поверенный истца, игнорируя связь этого места квитанции с предыдущей её частью, полагает, что, несмотря на только что сделанное перед тем категорическое признание удовлетворительности парохода, Ушаков, в силу этой оговорки, может оспаривать соответствие его с условиями договора, означенными в п. 2; поэтому и получается то ни с чем несообразное положение апеллятора, что Ушаков, отказавшись предъявлять претензии к заводууправлению, тем самым предоставил себе право заявлять их, когда угодно и в чём бы они ни заключались. Из изложенного видно, что произвольное толкование апеллятором подписанной Ушаковым 8 мая квитанции является полнейшим её извращением. Несомненно, выдавая квитанцию, истец признал обязательства заводууправления по отношению к нему выполненными во всём, согласно договору, поэтому заводууправление не может отвечать за последующее состояние парохода, когда он находился в полном и бесконтрольном пользовании истца, следовательно, и допрошенные по сему делу свидетели никакого значения иметь не могут.

Неосновательно и то положение апеллятора, что будто бы отобранием парохода в казну погашались все претензии заводоуправления к Ушакову. 12-м п. договора обусловлено, что при неисправности Ушакова заводоуправление вправе взять от него пароход и распорядиться им как собственностью, т. е. продать или передать другому лицу, но и в этом случае недобор оставался на ответственности Ушакова, а так как при продаже парохода было недовыручено 73.158 руб. 9 $\frac{1}{2}$ коп., то эта сумма совершенно правильно подлежит взысканию с истца.

Ввиду вышеизложенного я прошу Казанскую судебную палату состоявшееся по настоящему делу по первоначальному иску решение Пермского окружного суда об отказе Ушакову в его требованиях утвердить и присудить с него судебные и за ведение дела издержки во второй инстанции. При сем прилагаю доверенность на ведение дела, копию с её жалобы и доверенности и 1 р. на вознаграждение судебного пристава.

Февраля 16 дня 1900 г. [Подписал] уполномоченный Уральского горного управления, юрисконсульт В. Тюшев.

Верно: [подпись]

Д. А. Краснопёров

Создание музея «Родное Прикамье» школьниками и писателями

Дмитрий Архипович Краснопёров (1924-2009) – известный пермский краевед, автор нескольких методических рекомендаций по литературному краеведению, составитель учебных хрестоматий «Родное Прикамье» для учащихся средней школы, сборника «Я увёз из Перми воспоминание... Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем» (Пермь, 1989), им написаны воспоминания «Сороковые, роковые в моей жизни...» (Пермь, 2003). После смерти мужа усилиями Нины Николаевны Краснопёровой были изданы книги Дмитрия Архиповича: авторская – «Литературная память Перми: Краеведческие заметки» (Пермь, 2010) и составленный им сборник «По Каме и Уралу: Путевые заметки XIX – начала XX вв.» (Пермь, 2011), а также библиографический указатель «Д. А. Краснопёров – фронтовик, учитель, краевед» (Пермь, 2010), подготовленный к печати библиографом и краеведом Татьяной Ивановной Быстрых (1952-2018).

Ещё при жизни Дмитрий Архипович передал свои документы историку, журналисту, председателю Пермского городского отделения ВООПИК Владимиру Сергеевичу Колбасу, который редактировал его воспоминания. По его просьбе Д. А. Краснопёров написал воспоминания о том, как создавался музей «Родное Прикамье» в школе № 109 имени П. П. Бажова в городе Перми. Они не были опубликованы и хранятся в архиве В. С. Колбаса.

Публикацию подготовил А. П. Зиновьев

История музея берёт начало с автобусной экскурсии по Перми литературной, состоявшейся в один из воскресных дней 1964 года. Экскурсоводом был Александр Георгиевич Никитин, ставший впоследствии известным журналистом и писателем, автором книг «Уральская явка», «Пушкин и Урал» и др. Он так эмоционально рассказывал о пребывании в Перми А. Н. Радищева, А. И. Герцена, П. И. Мельникова-Печерского, В. Г. Короленко и других писателей, что вызвал неподдельный интерес у моих одноклассников к данной теме. Я сам о некоторых писателях слышал впервые, например, о пермском поэте-сатирике В. Т. Феодорове и его эпиграммах на пермского губернатора К. Я. Тюфяева.

Позднее услышанное на экскурсии я использовал на уроках литературы, и всегда эти сведения вызывали интерес у моих учащихся. С этих пор, готовясь к урокам по творчеству того или иного писателя, я искал связующие нити его с Пермью. С годами я накопил богатейший материал о связях русских и советских писателей с нашим краем. Почти каждый писатель, включённый в школьную программу, имел такие связи.

Как-то после очередного летнего ремонта школы на педсовете был поднят вопрос, как сохранить свежеевыкрашенные стены коридоров на более длительный срок. Решили закрыть их стендами наглядной коммунистической агитации. Необходимо только придумать темы.

Стены второго этажа, где учились начальные классы, кто-то предложил прикрыть стендами на тему «Пионеры-герои». Для третьего этажа была принята моя тема – связи русских и советских писателей с Пермью, тем более что через год Пермь готовилась праздновать своё 250-летие.

Директор школы Маргарита Анатольевна Андреева попросила меня подготовить эскиз всего оформления этажа, чтобы убедиться, хватит ли у меня материала на всю площадь стен, а заодно и познакомиться с содержанием выставки. Мой эскизный план ей понравился, но, чтобы убедиться в правильности его содержания, она попросила меня проконсультироваться на кафедре литературы Пермского педагогического института. Заведующая кафедрой направила меня к руководителю краеведческого кружка Нине Александровне Терениной, которая, одобрив мой план, дала мне дипломную работу студентки (фамилию её не помню) на тему «Горький и Пермь». Позднее эта работа была мною использована.

За весну и лето 1973 года выставка «Пермь в жизни и творчестве русских и советских писателей» была готова. Она была оформлена на 70 планшетах и заняла весь третий этаж. Выставка состояла из разделов:

1. По пути в Сибирь;
2. В пермской ссылке;
3. М. Горький и Пермь;
4. Владимир Маяковский и Василий Каменский;
5. Аркадий Гайдар в Перми;
6. Советские писатели в Перми (Демьян Бедный, Лариса Рейснер, Всеволод Вишневский, Евгений Пермяк, Николай Букин, Юрий Тынянов, Вениамин Каверин, Анатолий д`Актиль, Вера Панова, Аркадий Первенцев и другие).

Выставка вызвала большой интерес учителей и учащихся. Краткость содержания текстов требовала его раскрытия. Для этого была создана лекторская группа из учащихся старших классов, члены которой выступали и перед учащимися других школ.

О выставке-музее школы № 109 (многие называли ее музеем) заговорили. Появились информации о ней во всех местных газетах и в некоторых центральных – в «Правде», «Литературной России», журнале «Народное образование». Мне и моим учащимся (членам лекторской группы) было доверено представлять Пермскую область на Всероссийском Пушкинском празднике в Ленинграде, откуда мы привезли диплом первой степени за лучшую иллюстрацию к произведению А. С. Пушкина (рисовала Татьяна Тыш). Позднее краеведы школы участвовали в подобных праздниках, посвящённых М. Ю. Лермонтову (г. Пенза, с. Тарханы), В. В. Маяковскому (Москва) и С. А. Есенину (г. Рязань и с. Константиново).

Познакомиться с выставкой-музеем специально приехал из Москвы писатель Евгений Андреевич Пермьяк. Осмотрев выставку (был очень доволен, что один из планшетов был посвящен ему), он предложил назвать музей «Родное Прикамье» и особо сосредоточиться на изучении жизни и творчества большого писателя Урала – Павла Петровича Бажова.

Визит Е. А. Пермьяка в школу № 109 имел свои знаменательные последствия. Он начал бомбардировать нас письмами, в которых спрашивал, как работает лекторская группа, не охладела ли, в чём нуждаемся. В ответ мы просили адреса писателей, связанных с Пермью, но оставшихся за рамками выставки, особенно тех, кто жил в Перми в годы Великой Отечественной войны. Е. А. Пермьяк был одним из руководителей Союза писателей и мог легко выполнить нашу просьбу. Он делал для нас и то, о чём мы не просили: например, он прислал нам напечатанные в типографии «Литературной газеты» фирменные бланки нашего музея «Родное Прикамье» с указанием всех его реквизитов, чтобы мы могли на них писать свои письма. Эти бланки, да ещё от «Литературной газеты», внушали уважение, требовали обязательного ответа. Такова сила официальной бумаги.

Благодаря Евгению Андреевичу Пермьяку мы установили переписку со многими писателями или с членами их семей и получали ценные сведения о их жизни в Перми, фотографии, книги с автографами и другие документы.

В результате переписки у нас накопилось достаточное количество музейных экспонатов, которые надо было показывать

всем. Их присылали по почте. Приносили лично. Выпрашивали члены лекторской группы. Родственники поэта Бориса Валентиновича Ширшова подарили нам его рукописи, поделки из дерева, выполненные им самим. Учитель школы № 132 г. Перми Владимир Сергеевич Колбас подарил сумочку-ридикюль, принадлежавшую некогда Евгении Федоровне Трутневой. Фотокорреспондент журнала «Огонёк» Иван Николаевич Тюфяков прислал большую подборку фотографий П. П. Бажова. Один из родителей (фамилию его уже забыл) подарил настольный бюст П. П. Бажова, отлитый из чугуна в Каслях. Преподаватель прикладного искусства в УПК № 9 Владимир Петрович Мигунов передал музею часть глиняных статуэток, выполненных учащимися учебно-производственного комбината и навеянных образами сказов П. П. Бажова.

Сам Е. А. Пермяк прислал некоторые личные вещи П. П. Бажова – курительную трубку писателя, оставшуюся после его смерти в одной из московских больниц, книгу «П. П. Бажов в воспоминаниях» с двумя автографами – П. П. Бажова и Е. А. Пермяка и другие документальные материалы.

Поблагодарив Евгения Андреевича за ценные подарки, мы сообщили ему, что он избран почётным председателем нашего музея, и выслали ему красочно оформленное удостоверение, чем он очень гордился.

Почётный председатель с ещё большим усердием стал служить музею. Он направил в Совет Министров РСФСР предложение о присвоении нашей школе имени уральского писателя П. П. Бажова, подробно обосновав своё мнение. Из Москвы последовал запрос в Пермский обком КПСС, достойна ли школа № 109 персонального имени. К неудовольствию учителей началась проверка работы школы партийными комиссиями обкома. В результате – достойна! И вскоре Совет Министров РСФСР прислал официальный документ, подтверждающий присвоение нашей школе имени П. П. Бажова.

Как радовался Евгений Пермяк! Он прислал свою пьесу «Серебряное копытце», написанную по одноимённому сказу П. П. Бажова, и просил поставить её. Одновременно попросил директора ТЮЗа выделить режиссёра, который поставил бы с нашими учениками его пьесу, и оплатил его работу.

Премьера пьесы состоялась во Дворце культуры имени Ю. А. Гагарина во время торжественного собрания, посвящённого присвоению нашей школе имени Павла Петровича Бажова.

А между тем дирекция школы имени П. П. Бажова (директор – Маргарита Анатольевна Алексеева, работавшая ранее инструктором РК КПСС по идеологии) искала возможность выделения под музей отдельной комнаты. Оформляли музей своими силами на деньги, заработанные учениками во время летней производственной практики на заводе АДС. К 1983 году музей был готов. На его открытие прибыли интересные и важные гости: из Свердловска – фотокор «Уральского рабочего» и «Огонька» Иван Николаевич Тюфяков, пермский художник Олег Дмитриевич Коровин, лично знавший П. П. Бажова и иллюстрировавший его книги, председатель Индустриального районного отделения ВООПИК Герман Михайлович Матвеев, группа учащихся школы имени П. П. Бажова из села Бергуль Новосибирской области, где в годы Гражданской войны П. П. Бажов был учителем, затем командиром партизанского отряда, и другие. К открытию музея был изготовлен по эскизу О. Д. Коровина значок «Бажовец», который был вручен всем гостям нашего музея. В дальнейшем его вручали лучшим членам совета музея.

Музей просуществовал, если не ошибаюсь, до 1993 года¹.

¹ О судьбе экспонатов музея «Родное Прикамье» после его закрытия ничего не известно. Письма писателей Д. А. Краснопёров забрал домой, а позже они с его архивом были переданы В. С. Колбасу. – **Ред.**

16.11.2001 г.

Личный архив историка В. С. Колбаса.

Фонд Д. А. Краснопёрова.

Сведения об авторах

- Аленчикова Наталия Дмитриевна (г. Пермь) – историк, архивист, краевед.
- Андреев Николай Владимирович (г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент, президент Ассоциации СРО «Стройгарант».
- Владимирский Антон Вячеславович (г. Москва) – доктор медицинских наук, ГБУЗ «Научно-практический клинический центр диагностики и телемедицинских технологий Департамента здравоохранения города Москвы», заместитель директора по научной работе. E-mail: a.vladimirsky@nrcmr.ru
- Греков Василий Владимирович (г. Азов Ростовской обл.) – краевед. E-mail: torobas@mail.ru
- Гриф Михаил Леонидович (г. Пермь) – историк, руководитель секции истории техники и промышленного туризма Пермского общества краеведов, руководитель Пермского регионального отделения Российской межрегиональной общественной организации «Архивный дозор», главный археограф отдела научно-справочного аппарата Пермского государственного архива социально-политической истории. E-mail: mlgrif44@yandex.ru
- Зиновьев Андрей Павлович (г. Пермь) – историк, архивист, краевед. E-mail: zinovievap@gmail.com
- Каменских Алексей Николаевич (г. Пермь) – главный библиотекарь Пермской государственной краевой универсальной библиотеки им. А. М. Горького. E-mail: ak@gorkilib.ru
- Колбас Владимир Сергеевич (г. Пермь) – историк, член Союза журналистов России, председатель Пермского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, отличник народного просвещения. E-mail: kolbasvs@gmail.com
- Краснопёров Дмитрий Архипович (1924–2009, г. Пермь) – учитель, краевед.
- Кудрин Андрей Владимирович (г. Пермь) – историк, кандидат социологических наук. E-mail: polikliet@gmail.com; polikliet@yandex.ru
- Кутьина Елена Павловна (с. Спасское Спасского р-на Нижегородская обл.) – преподаватель-организатор ОБЖ Спасского агропромышленного техникума. E-mail: elena.cutina@yandex.ru
- Мальшев Алексей Владимирович (г. Кулебаки Нижегородской обл.) – руководитель отдела этнологии МОО «Историческое сознание». E-mail: ma2502@mail.ru
- Мишланова Лидия Витальевна (1935–2016; г. Пермь) – архивист, краевед, член Союза журналистов России.
- Нестерова Римма Вениаминовна (г. Пермь) – краевед. E-mail: gimmanesterova1931@mail.ru
- Никитин Антон Андреевич (г. Казань) – младший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан. E-mail: anton.nikitin.14@mail.ru
- Токарева Наталья Николаевна (п. Суксун Пермского края) – краевед, музейный работник. E-mail: natela69@yandex.ru
- Шевырин Сергей Андреевич (г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент, заведующий научно-методическим отделом Мемориального музея-заповедника «Пермь-36». E-mail: shewirin@mail.ru

Содержание

Колбас В. С. Права ли русская пословица?	3
--	---

Л. С. Кашихин: из творческого наследия

Кашихин Л. С. Отец и сын Витте	6
Кашихин Л. С. Книги с агитпарохода «Красная звезда»	13
Кашихин Л. С. Он дружил с Блоком	14
Кашихин Л. С. Проект книги «Хрестоматия уральского (пермского) краеведения»	17
Кашихин Л. С. Фонд-коллекция А. К. Шарца в Государственном архиве Пермской области	18

Документ с архивной полки

Кашихин Л. С. Книги старого Чёрмоза	31
Колбас В. С. Каталог 1845 года Чёрмозской заводской библиотеки	34

У него было имя – Леон Кашихин

Колбас В. С. Кашихин Леон Сергеевич	38
Аленчикова Н. Д. Архив и архивисты полвека назад	41
Мишланова Л. В. Сам себе не изменил	54
Студенты истфака вспоминают о Леоне Сергеевиче Кашихине	57
Римма Вениаминовна Нестерова (выпуск 1977 г.)	57
Николай Владимирович Андреев (выпуск 1977 г.)	59
Токарева Н. Н. «...Желаю Вам больших каменско-творческих успехов»	60

Историческая мозаика

Мальшев А. В. К вопросу этнического происхождения патриарха Никона	67
Колбас В. С. Уральские «адреса» Робинзона Крузо	75
Зиновьев А. П. Автограф В. Н. Шишонко из библиотеки Стенфордского университета	85
Кудрин А. В. Дмитрий Савельев: террорист-экспроприатор, лесной брат, заключённый	89
Владзимирский А. В. Российские научные периодические издания о первых опытах применения телекоммуникационных технологий в медицине	97

Никитин А. А. Мемуары Зои Шаблиовской как источник по биографии византиниста Д. Ф. Беляева	99
Зиновьев А. П. «Если рассказать о моей жизни...»	104
Зиновьев А. П. Рукотворные странички истории (Стенные фотогазеты школы № 137 и гимназии № 2)	108
Колбас В. С. «Вестник СНО» истфака ПГУ	110
Колбас В. С. Песенник Г. Н. Козловой	118
Греков В. В. Символ большой стройки пятидесятых-шестидесятых XX века – башенный кран БКСМ-5-5А	129
Кутьина Е. П. История создания народного исторического музея Спасского района Нижегородской области	135
Шевырин С. А. «Памятник нужен нам, живым»	139

Книги, библиотеки, библиотекари

Колбас В. С. Кто автор фразы «Гений чистой красоты»? Цитаты из русской литературы	146
Каменских А. Н. «Светить всегда, светить везде...»: эссе на тему «Библиотекарь нового поколения»	150
Каменских А. Н. Репертуары пермской книги: Интерлюдия о библиографии местной печати	159
Каменских А. Н. Местный обязательный экземпляр в Пермской краевой библиотеке им. А. М. Горького	169

Рецензии и отзывы

Колбас В. С. Роман Александра Дюма «Учитель фехтования»	179
Колбас В. С. Заметки крохобора	184
Куда пропала запятая?	184
Главное? Ха-ха!	185
Каюсь, грешен! Или У семи нянек...	186
Какие же были крылья?	187
И всё-таки 1914 год	188
Что за предлогом «из»?	189
Дело давнее, а душа болит	190
Дарёному коню...	191

Публикации

Апелляционная жалоба присяжного поверенного Максима Григорьевича Эдельгауза по делу Петра Николаевича Ушакова с Пермскими пушечными заводами. Публикацию подготовил М. Л. Гриф	194
Краснопёров Д. А. Создание музея «Родное Прикамье» школьниками и писателями. Публикацию подготовил А. П. Зиновьев	210
Сведения об авторах	215

Краеведческое издание

«Хоть пермяком я не родился...»

Сборник, посвящённый памяти историка-архивиста
Леона Сергеевича Кашихина
(1932-1997)

Составители:
А. П. Зиновьев, В. С. Колбас

Редактор
В. С. Колбас

Корректор
М. Г. Артёмова

•

ISBN 978-5-6049594-3-5

9 785604 959435

Подписано в печать 30.06.2023. Формат А5.
Гарнитура «Georgia». Печать цифровая.
Тираж 100 экз.
